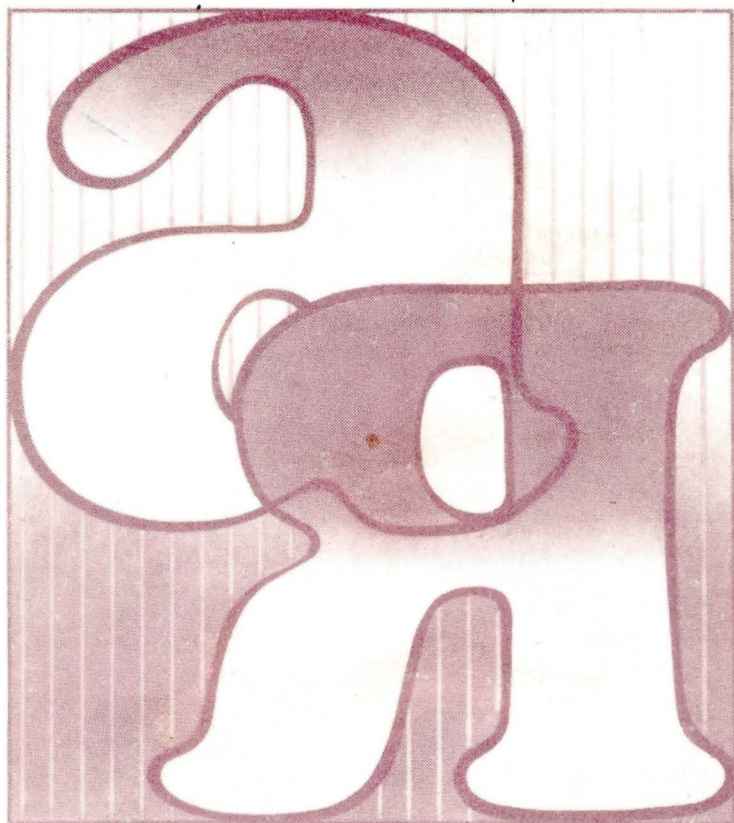

61

Т.И. Вендина

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ
ПО ДАННЫМ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

•Наука•

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт русского языка

Т.И.Вендина
**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ
ПО ДАННЫМ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

Ответственный редактор
академик Н.И. ТОЛСТОЙ

МОСКВА "НАУКА"

1990

4
B-29

85068

Рецензенты:

доктор филологических наук Г.П. Нецименко,
кандидат филологических наук С.И. Иорданиди

Вендина Г.И.

**В 29 Дифференциация славянских языков по данным словообразования. — М.: Наука, 1990. — 168 с.
ISBN 5-02-011013-2**

В книге предлагается новый подход к решению проблемы членения славянского языкового мира на основе данных словообразования. На большом фактическом материале автор показывает, как реализовалась на словообразовательном уровне система связей и отношений славянских языков, унаследованная из праславянской эпохи (рассматривается ситуация в каждом славянском языке в его отношении к другим славянским языкам).

Для славистов и лексикологов.

Vendina T.I.

Differentiation of the Slavic Languages on the Basis of word-formation.

The new approach to the solution of the problem of the differentiation of the Slavic language world is based on the analysis of word-formation offer in this book. Using large amount of data the author shows how the system of relations and connections of the Slavic languages, inheriting from the Proto-Slavic epoch was realized on the word-formation level. The situation in the separate Slavic language is considering by its relations to other Slavic languages.

To slavists and lexicologists.

В 4602020100-063 698-90, I полугодие
042(02)-90

ББК 81.2-2

ISBN 5-02-011013-2

© Т.И. Вендина, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Книга посвящена сопоставительному исследованию фрагмента славянского субстантивного словообразования в связи с решением более общей проблемы — дифференциации славянских языков по данным словообразования. Словообразовательные системы славянских языков были не раз уже предметом сравнительно-исторических разысканий, пафос которых определялся задачей реконструкции праславянской словообразовательной системы (см., например, классические работы Ф. Миклошича, В. Вондрака, А. Мейе, А. Вайана, Ф. Славского и др.). Однако в последнее время в связи с бурным развитием сопоставительной лингвистики в изучении славянских языков наблюдается тенденция к сближению сравнительно-исторического и сопоставительного подходов, в связи с чем все шире распространяется положение Н.С. Трубецкого о необходимости увязки генетического и типологического сравнения языков, все больше растет убеждение, что генетическая и типологическая точки зрения должны дополнять друг друга [Гухман, 1957, 1985; Якобсон, 1963, 103; Толстой, 1963, 29; Колшанский, 1985, 13], отсюда стремление использовать данные типологии в целях верификации реконструируемых состояний праязыка и картины его распада [ИТСЯ, 1986, 14; Чекман, 1979, 20; Гамкрелидзе, 1987, 26]. В этих условиях в изучении славянского словообразования ставятся новые задачи, связанные с комплексным анализом структуры и функций словообразовательных единиц с последующим выявлением сходств и различий славянских языков и созданием единой функциональной классификации славянских словообразовательных средств, которой, к сожалению, славистика пока не располагает и отсутствие которой является одним из препятствий на пути к теории генетического словообразования [Мартынов, 1973, 53]. Такой системно-функциональный подход к славянским словообразовательным аффиксам позволит выявить закономерности в организации словообразовательных систем славянских языков, определить типологические сходства и различия между ними и на основе выявленных схождений и расхождений представить общую картину дифференциации славянского языкового мира. Найденные типологические сходства и различия славянских языков явятся в дальнейшем основой языковых реконструкций и диахронических штудий, так как потребуют объяснения у специалистов по древней истории славян и славянских языков, как требует объяснения то или иное открытие археологии..., ибо глоттометрические сходства в той же степени объективны, как и факты археологии [Котова,

Янакиев, 1973, 252]. Привлечение данных словообразовательной типологии внесет существенные коррективы в решение вопроса о степени родства отдельных языков, а также о путях вычленения из первоначального единства отдельных ареалов и самостоятельных языков [Макаев, 1977, 84]. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что одной из центральных проблем славистики по-прежнему остается проблема членения славянского языкового мира. Решение ее лежит чаще всего на пути установления сходств и различий в фонетической и лексической, реже морфологической и словообразовательной системах славянских языков. В связи с этим выдвигаются различные критерии. Среди них наиболее устоявшимися как обладающие наибольшей диагностирующей силой являются историко-фонетические. Не случайно именно они легли в основу традиционного членения славянских языков на восточные, западные и южные. Среди них наиболее релевантными считаются: изменение праславянских *kv, *gv в определенной фонетической позиции в *cv, *zv или сочетаний *tl, *dl в *l, появление l — эпентетикум, возникновение корреляции согласных по палатальности, изменение *tj, *dj, а также групп согласных перед гласными переднего ряда, переход начального *je в *o, преобразование групп согласных типа *tort, *tolt и т.д. Однако нельзя не отметить, что эти фонетические признаки имеют в значительной степени случайный характер и отобраны из ряда других возможных признаков искусственно для подтверждения членения, проведенного в основном по культурно-географическому признаку [ИТСЯ, 1986, 21], ср., например, разное членение славянских языков по результатам фонетических процессов, связанных с изменением *kv и *gv или *tl, *dl, с одной стороны (при котором наблюдается деление языков на восточную и западную группы), начальных *og, *ol — с другой (деление языков на северную и южную группы) и *tort, *tolt, *tj, *dj — с третьей (где действительно наблюдается деление языков на восточно-, западно- и южнославянские). Лексический, морфологический и словообразовательный критерии используются в значительно меньшей степени, хотя необходимость их привлечения является как будто очевидной. Не случайно Д.П. Джурович [1913, 148], завершая рассмотрение вопроса о диалектной дифференциации праславянского языка, писал, что отказывается от подробной классификации славянских языков в связи с тем, что предложенную им группировку славянских языков на основе фонетических данных необходимо подкрепить морфологическим и лексическим материалом. Однако если лексический критерий в той или иной степени привлекался для решения этой проблемы либо в виде отдельных иллюстраций (типа названий некоторых видов деревьев (бук, береза, сосна), животных (лиса, заяц), птиц (ворон, гусь), рыб (елец, лосось), предметов и явлений, связанных с хозяйственно-бытовой деятельностью человека (пирог, борть, обилье), представленных, например, в работах Ф.П. Филина [1962, 1972], либо в виде специальных исследований по определенным лексико-семантическим группам (ЛСГ) лексики, например, славянской географической терминологии [Толстой, 1969], названиям домашних животных [Трубачев,

1960], птиц [Булаховский, 1948], то морфологический и особенно словообразовательный критерии при решении вопроса о членении славянского языкового мира практически не использовались (в качестве морфологического критерия приводились единичные примеры типа флексий -ę и -ě в некоторых падежных формах, -омь, -ъмь в тв. п. ед.ч. именных основ на -о-). Что касается словообразовательного критерия, то если и рассматривались те или иные аффиксы, то в основном через призму праславянских фонетических процессов палатализации, йотации, упрощения групп согласных и т.д., главным образом как иллюстрация этих процессов. Отсутствие должного внимания к фактам словообразования при решении этой проблемы объясняется несколькими причинами: 1) сложностью словообразовательных систем славянских языков, многообразием словообразовательных средств, их комбинаций и передаваемых ими значений; 2) отсутствием четких дифференциальных признаков (тогда как в фонетической системе языка с ее довольно ограниченным набором единиц, а отсюда сравнительно ограниченным набором комбинаций, сходства и различия славянских языков более наглядны, относительная же простота фонологических систем, наличие дифференциальных признаков позволило единообразно описать фонологические системы славянских языков, первые типологические наблюдения над которыми появились уже в 70-х годах прошлого века); 3) устоявшимся мнением, что в словообразовательных системах славянских языков ярче всего обнаруживается единство как способов словообразования (ведущей является аффиксация), так и словообразовательных средств, унаследованных из праславянской эпохи. Однако единство словообразовательных единиц еще не свидетельствует об их семантической и функциональной эквивалентности (в работах по сопоставительному изучению отдельных языков на различных уровнях неоднократно подчеркивалось, что грамматические системы близкородственных языков отличаются не столько средствами выражения, сколько их неодинаковой функциональной значимостью). Трудно представить, что славянские языки, пережив эволюцию в фонетической, лексической, морфологической и синтаксической системах, сохранили без изменения словообразовательную. Типологическое единство славянских языков на уровне словообразования — общность не статическая, а динамическая. Сохраняя во многом сам характер словообразовательных отношений, славянские языки по-разному реализовали систему связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи, т.е. в процессе исторического развития в их словообразовательных системах также постепенно складывались различия, однако коснулись они не столько инвентарного набора суффиксов (который демонстрирует в этом отношении действительно удивительную близость, почти тождественность), сколько их использования в каждом славянском языке в отдельности.

Впервые на словообразовательные различия славянских языков как критерий древнейшего диалектного членения праславянского языка обратили внимание И. Добровский [*Dobrovský J. 1791*] и А.Х. Востоков [1820], которые на основании распространения приставок

gaz-, goz-, vu-, iz- (а также ряда других данных, относящихся, главным образом, к области фонетики и лексики) выдвинули гипотезу о первоначальном членении славянских языков на две группы: восточную, объединяющую в своем составе современные вост- и юж.-сл. яз., для которых характерны приставки gaz- и iz-, и западную, где получили распространение приставки goz- и vu-.

Начало серьезной лингвистической разработке проблемы членения славянского языкового мира по данным словообразования положила работа А. Белича "Zür Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv — und Amplificativ — suffixe" (ASIPh, 1901), который, исследовав употребление деминутивных и аугментативных суффиксов в славянских языках, обнаружил различие между юж.-сл. яз., с одной стороны (здесь получили широкое распространение континуанты праславянских деминутивных суффиксов с элементом -С-), и вост — и зап.-сл.яз — с другой (в их словообразовательных системах активно используются суффиксы, являющиеся репрезентантами праславянских деминутивов с элементом -К-).

Позднее этот вопрос получил более широкое и глубокое освещение в монографии Р. Бошковица "Развитак суффикса у јужно-словенској језичкој заједници" (1936), в которой также выражена идея противопоставленности юж.-сл. языков зап.-сл. Своеобразие юж.-сл. яз. доказывается, с одной стороны, на материале "уникальных" суф. -аџа, -ага, -lја, -от'а, а с другой — на материале суффиксов, имеющих общеславянский характер происхождения и распространения, но функционально являющихся южнославянскими (суф.-пис(а) в локативном значении, суф.-ис(а) в моционном (при образовании феминативов, корреспондирующих с названиями лиц муж. пола на -аг и -аџ), суф. с элементами -С- и -С- в деминутивном значении). В своем исследовании Р. Бошковиц показал также, что сами юж.-сл. яз. в словообразовательном отношении представляют далеко не однородное явление, о чем свидетельствует, в частности, функционирование в них деминутивных суффиксов с элементами -С-, -С-, -К-: если в блг. яз., например, получил широкое употребление суф.-ес, то в сх. — суф.-ес и -ак (< *ъкъ), а в слн. — суф.-ес и -ек, отсутствующий в блг., кроме того, в слн. и сх.яз. при образовании деминутивов активно используется суф.-іџ, неизвестный в блг. яз.

Проблема дифференциации славянских языков на основе словообразовательного критерия нашла отражение и в вышедшей почти двадцать лет спустя работе И. Лекова "Словообразователни склонности на славянските езици" [1958], в которой также проводится мысль о противопоставленности юж.-сл. языков сев.-сл. Опираясь на данные, извлеченные из описательных грамматик славянских языков, автор выявил как общие тенденции в развитии словообразовательных систем, так и частные, получившие распространение лишь в отдельных языках. К общим тенденциям словообразовательных систем всех славянских языков он относит, например, рост количественных и качественных различий между исходным праславянским состоянием словообразовательных систем славянских языков и их сегодняшним состоянием; наличие тенденции к сохранению старого в новом,

что связано с существованием серьезных традиций в области словообразования; сходство в передаче некоторых словообразовательных значений (СЗ) аффиксов, например, присутствие *j*-элемента в суф. во всех славянских языках используется для передачи значения процессуальности, элементов *-er*, *-ter* — для образования терминов родства, — *ǰ* или — *dl* — для образования *nomina instrumenti* и т.д.; наличие во всех языках явления аффиксальной синонимии и омонимии, которое особенно развито в сфере суффиксации, и т.д. К частным тенденциям словообразовательных систем славянских языков он относит, например, тенденцию к образованию сущ. общего рода (особенно развитую в рус. яз.), тенденцию к образованию полиморфемных префиксов в блг. и мак.яз. и т.д. Отличие этой работы состоит и в том, что в ней впервые были обобщены некоторые признаки, свидетельствующие о своеобразии словообразовательных систем отдельных славянских языков: так, рус.яз. отличают гипокористические суф. типа *-ушк(а)*, *-оныш*, а также активное использование суф. *-тель* для образования *nomina instrumenti*, плс.яз. выделяют суф. *-ita*, *-aś*, *-oń*, *-ała*, чеш. — суф. *-iř*, *-eř*, отсутствующие в других славянских языках и т.д. Приведенные И. Лекковым отдельные словообразовательные отличия славянских языков свидетельствуют, по его мнению, о существовании следующих языковых континуумов, противопоставленных друг другу: сев.-сл. (его характеризует наличие суф. *-ik*, *-ok*, *-an*, *-žčin*, преф. *goz-*, *vy-*) и юж.-сл. (который отличают преф. *gaz-*, *iz-*, суф. субъективной оценки *-če*, *-le*, *-ic*, *-ice*, *-ič*, *-ljo*), кроме того, он выделяет юго-вост. языковую зону, которую противопоставляет западной, замечая, однако, при этом, что более четкого разграничения славянских языков провести невозможно (с. 69).

Откликом на книгу И. Лекова, а также на развернувшуюся на IV съезде славистов дискуссию по проблемам сопоставительного изучения славянских языков явилась статья М. Докулила [Dokulil, 1963], в которой получили дальнейшее развитие теоретические основы сопоставительного изучения словообразовательных систем славянских языков. Так, в частности, М. Докулил предложил использовать следующие критерии: сходства и различия языков в инвентаре аффиксов, в их продуктивности, фреквентности в употреблении, в их использовании для выражения определенного значения, в их сочетаемости с определенным семантическим и грамматическим типом основ и т.д. Ценность этой статьи заключается в том, что автор не только предложил эти критерии, но и показал их в действии, проиллюстрировал на конкретном материале отдельных славянских языков.

Важный вклад в понимание словообразовательных особенностей вост.-сл.яз. внес и украинский ученый И.И. Ковалик [1961]. Отвергая прием исследования суффиксальной части слова как малоэффективный, он предложил исследование словообразовательных систем вост.-сл.яз. с позиций словообразовательного типа (СТ), который по сравнению с суффиксом — величина более определенная и ею гораздо удобнее оперировать в процессе сравнительного анализа, чем отдель-

ными суффиксами. Выделяя словообразовательные особенности вост.-сл.яз. с точки зрения наличия в них прежде всего "уникальных" словообразовательных средств (таких, например, как суф.-чик, -щик в агентивных названиях лиц, суф.-ич в названиях лиц по территориальной принадлежности, суф.-их(а) в названиях женщин и самок животных и др.), он оставляет, однако, без внимания вопрос о своеобразии в использовании суффиксов, имеющих не только восточнославянское, но и общеславянское происхождение и распространение. В стороне остается и проблема словообразовательных схождения и расхождений славянских языков, выявление их тяготения друг к другу и в связи с этим решение более общей проблемы членения славянского языкового мира. Несмотря на это работа, содержащаяся в ней разработки общих вопросов словообразования, сыграла важную роль в развитии отечественной дериватологии, явившись основой для типологических исследований в области словообразования.

В 60-х годах появилась и коллективная монография украинских ученых под ред. А.С. Мельничука "Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов" (Київ, 1966), в одном из разделов которой был помещен очерк сравнительно-исторического словообразования. Не ставя перед собой задачи показать сходства и различия славянских языков в использовании общеславянских словообразовательных аффиксов, авторы тем не менее, рассматривая вопросы становления системы славянского именного словообразования, указали на некоторые моменты, свидетельствующие о близости и расхождении славянских языков в суффиксальном оформлении тех или иных лексико-словообразовательных значений.

Очерк сравнительно-исторического исследования словообразования славянских языков представлен и в "Grammaire comparée des langues slaves. La formation des noms" А. Вайана (Paris, 1974, t. IV). Если в труде украинских ученых история праславянских словообразовательных аффиксов прослеживается через призму передаваемых ими СЗ, т.е. авторы идут "от значений", показывая взаимоотношения разных средств выражения этих значений (как общих, свойственных всем славянским языкам, так и частных, характерных для отдельных языков), то в работе А. Вайана анализ ведется по формантам, т.е. в описании истории праславянских аффиксов он исходит "из формы", что делает его исследование более строгим в организации материала. История становления славянского именного словообразования строится французским ученым главным образом на основе словообразовательной системы ст.-сл.яз. как наиболее приближенного к праславянскому в последней стадии его существования. Давая подробный анализ происхождения праславянских суффиксов (сопровождая его нередко экскурсом в индоевропейский период), разбирая этимологически спорные или сложные случаи, он уделяет значительно меньше внимания судьбе этих аффиксов в современных славянских языках, в частности, вопросу словообразовательных различий славянских языков с точки зрения использования в них этих аффиксов. Тем не менее эта работа имеет

для славистов чрезвычайно важное значение, так как она является одним из наиболее полных очерков славянского именного словообразования.

В 1974 г., в "Słownike prasłowiańskim" (т. 1) появился очерк Ф. Славского, посвященный исследованию праславянского словообразования "Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego" в котором так же, как и в работе А. Вайана, дается подробный сравнительно-исторический анализ системы праславянских словообразовательных аффиксов (на основе данных ст.-сл.яз. и современных славянских языков и диалектов). Работа польского ученого, выполненная на базе широкого общеславянского материала, обобщила отдельные наблюдения по истории праславянских словообразовательных аффиксов, хотя в ней, в отличие от монографии А. Вайана, практически не рассматривается вопрос о функционировании этих аффиксов в современных славянских языках, в связи с чем в стороне остается и проблема дифференциации славянских языков по данным словообразования и связанная с ней проблема системно-функционального изучения славянских словообразовательных формантов.

Между тем важность и актуальность исследования этой проблемы была еще раз отмечена на IX съезде славистов, в частности, в докладе советских ученых В.В. Лопатина и И.С. Улуханова "Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков" и в многочисленных прениях по этому докладу. Подытоживая и во многом развивая теоретические аспекты этой проблемы, содержащиеся в работах И. Лекова и М. Докулила, они определили наиболее важные направления сопоставительного изучения славянского словообразования. Среди вопросов, заслуживающих особого внимания, отмечались следующие: степень распространенности того или иного способа словообразования (количество СТ и степень их продуктивности), инвентарь СЗ, выражаемых тем или иным способом, специфичность, "уникальность" аффиксов не только по форме, но и по выражаемому ими значению, семантическая сочетаемость морфем, лексическая реализация тождественных системных словообразовательных возможностей, морфонологические явления на стыках морфем и т.д. Причем эти аспекты, как указывали сами авторы, далеко не исчерпывают всей проблематики сопоставительного изучения словообразовательных систем славянских языков.

Историко-типологический анализ словообразовательных систем славянских языков содержится и в вышедшей недавно коллективной монографии украинских ученых под ред. А.С. Мельничука "Историческая типология славянских языков" (1986), в которой в разделе "Словообразование" устанавливаются общие типологические признаки словообразовательных систем славянских языков в их отношении к праславянскому и через него к индоевропейскому. К числу их относятся: деление слов на производные и непроизводные, общие способы словообразования — аффиксация, конверсия, аббревиация и сложение, общий корпус словообразовательных аффиксов, широкая морфонологическая вариантность мотивированных и мотивирующих

основ и др. Определяются и различия, которые рассматриваются как бы на двух уровнях: различия первого уровня касаются "удельного веса" (или "степени продуктивности") разных способов словообразования и определенных СТ в отдельных языках (например, различия в продуктивности суффиксации и сложения); различия второго уровня касаются частных явлений внутри каждого способа словообразования (например, различия в продуктивности общих для всех славянских языков префиксов или различия в инвентаре суффиксов, участвующих в образовании определенного тематического класса имен (например, названий дочерей по названиям отцов). Особенно ценным представляется установление различных сложных пучков изоглосс (и их конфигураций) с определением их удельного веса. Наиболее показательным, по мнению авторов, являются два пучка изоглосс, один из которых отделяет вост-сл.яз. от зап. и юж-сл. (это названия лиц по местности на *-ич*, названия лиц по свойству на *-ей*, названия лиц женского пола на *-их(а)* и *-ш(а)*, самок животных на *-их(а)*, названия свойств на *-ень*), а другой противопоставляет сев-сл.яз. южным (названия орудий на *-ак*, сингулятивы на *-ин(а)*, деминутивы на *-ик*, *-к(о)*, названия дочерей по названиям отцов на *-овн(а)*). Для характеристики ближайших связей между отдельными языками устанавливаются изоглоссы, объединяющие их попарно. Образованные пучками изоглосс типологические подгруппы славянских языков дают чрезвычайно ценный материал для решения проблемы членения славянского языкового мира. Вместе с тем нельзя не отметить, что в своем исследовании авторы остаются на формальных позициях. При определении сходств и различий их внимание сосредоточено на выявлении таких словообразовательных средств, которые, употребляясь в одних языках, отсутствуют в других. Однако одно из главных требований при сопоставлении языков состоит не только в выявлении того, что функционирует, но и того, как функционирует [Степанов Г.В., 1976, 10]. Рассмотрение словообразовательных систем славянских языков сквозь призму выбранных авторами тематических классов ("названия лиц", "названия конкретных предметов и явлений", "названия отвлеченных понятий") привело к тому, что функциональный аспект исследования оказался реализованным односторонне, только в ономаσιологическом плане. Нам представляется, что при сопоставительном исследовании (особенно близкородственных языков) необходим двусторонний подход к описанию функций языковых единиц, т.е. не только ономаσιологический, но и семасиологический, что связано с отсутствием изоморфизма между единицами плана выражения и плана содержания. Близкородственные языки различаются не столько инвентарем словообразовательных средств, сколько особенностями и правилами их функционирования, т.е. речь должна идти не только и не столько о наличии или отсутствии того или иного аффикса в славянских языках (одинаковые аффиксы могут встречаться и в неродственных языках, ср., например, суф. *-ik(а)* в сх. и фин.яз.), сколько о функциях этого аффикса в каждом языке, ибо не только часть речи или слово могут быть охаракте-

ризованы с функциональной точки зрения, но и морфема [Бондарко, 1976, 129].

Между тем функциональный аспект исследования остается постоянно как бы в стороне. Имеющиеся в славистике работы по словообразованию являются прежде всего сравнительно-историческими, ориентированными на выявление и описание основного корпуса праславянских словообразовательных формантов или уникальных словообразовательных средств, имеющих распространение на ограниченном языковом континууме. Привлечение отдельных фактов (свидетельствующих, например, о продуктивности или наоборот пассивности того или иного аффикса), извлеченных из описательных грамматик славянских языков, не позволяет составить более или менее полного представления о сходстве и особенно различии славянских языков в использовании аффиксов общеславянского происхождения и распространения. Исключением является лишь монография Р. Бошковича, который убедительно показал, что несмотря на общеславянский характер некоторых суффиксов, особенности их использования юж-сл. языками в тех или иных значениях делают их функционально южнославянскими. Поэтому в последнее время все шире распространяется мнение, что только функциональный подход может приблизить лингвиста к пониманию подлинных сходств и подлинных несходств между языками [Будагов, 1980, 3]. Однако сложность функционального описания связана с тем, что в современном языкознании только начала еще разрабатываться общая типология функциональных подходов к изучению языка, и ни в области семантики, ни в грамматике, ни в синтаксисе нет однозначного решения. Нет его и в области словообразования. Об этом свидетельствует не только тот факт, что само понятие "функция" трактуется в широком диапазоне¹, но и то, что по-разному решаются такие вопросы, как функция и ее носитель, функция и семантика языковой единицы, функция языковой единицы и среда ее функционирования, объем функций языковой единицы и т.д. В области словообразования наблюдается такая же картина. Отсутствие теоретического аппарата, неопределенность, размытость самого понятия "функция", смешение его с понятием "значение" аффикса (или наоборот подмена им понятия значение, когда аффиксу отказывается в значении) приводит к нечеткому пониманию природы и функций словообразовательных средств, на что неоднократно указывалось в работах многих исследователей [Зятковская, 1971, 196; Милославский, 1974, 36; Хидекель, 1977, 12; Ширшов, 1979, 109, Шерстова, 1983, 32]. Ситуация осложняется еще и тем, что не разработаны принципы словообразовательной типологии, не определены критерии отбора словообразовательных явлений, релевантные структурные признаки, которые могли бы стать основой классификации славянских языков, оконча-

¹ Подробную историю термина и его сопоставление с соответствующими категориями логики можно найти в работе Б. Сиртсема [Siertsema, 1955]. Обстоятельный анализ трактовок понятия "функция" в работах лингвистов разных направлений содержится в исследованиях Г. Хельбига (Helbig, 1968, 274), Л.Г. Ведениной [1980, 7], Н.А. Слюсаревой [1981], В.Г. Гака [1985]

тельно не сложился и конкретный характер сопоставительного метода [Гухман, 1985, 20; ИТСЯ, 1986, 8; Нещименко, 1987]. В связи с этим в настоящем исследовании предлагается модель функционально-типологического описания славянских субстантивных суффиксов с учетом их формы, значения и функции.

В качестве отправных в работе используются следующие положения: 1) суффикс является двусторонней единицей, обладающей формой и значением и выполняющей определенную функцию, ибо структура всегда подчинена функции [Мартине, 1963, 396]; 2) суффиксальная семантика носит связанный характер, поскольку она эксплицируется только в контексте — внутреннем (морфемном) или внешнем (на уровне словосочетания); 3) значение суффикса органически связано и предопределяется условиями его функционирования (типом его морфологического и семантического окружения). Под значением суффикса в работе понимается компонент значения производного слова, выраженный при помощи суффикса (Шанский, 1968, 94; Милославский, 1980, 25; Манучарян, 1981, 97; Кубрякова, 1981, 135]. Под функцией суффикса — его целевое назначение, т.е. с какой целью и для чего используется тот или иной аффикс и что он передает в отличие от других единиц номинации. Поскольку содержание функции определяется характером того результата, с которым она соотносит языковую единицу [Абрамов, 1985, 80], в работе выделяются две (наиболее общих) функции аффикса: 1) структурная; 2) семантическая². Структурная функция аффикса проявляется в его организующей роли в слове. Она включает в себя грамматическую (или морфологическую) и деривационную функции. Грамматическая функция связана с его использованием в качестве средства индикации частеречной принадлежности слова. Создавая новое слово, суффикс вводит его в определенный лексико-грамматический класс, обуславливает его принадлежность к той или иной части речи [Арутюнова, 1961, 88], назначение суффикса в этой функции — маркировать слово с точки зрения его принадлежности к определенной части речи. Деривационная функция суффикса связана с его участием в формировании новой языковой единицы, а именно: в преобразовании, в перестройке уже имеющейся в языке основы и тем самым в образовании новой основы другой лексической единицы. Суффикс

² Ср. также выделяемые В. Дорошевским [Doroszewski, 1946, 39] такие функции аффикса, как структурная (связанная с переводом слова из одного морфологического класса в другой), реально-семантическая (связанная с выражением нового лексического значения слова) и экспрессивная; то же у Е.С. Кубряковой [1974, 158] с включением четвертой функции — категориальной, связанной с опознанием принадлежности слова к той или иной части речи, с отношением к тому или иному типу склонения или спряжения; или у Н.Д. Арутюновой [1961, 88—106]: смысловая (или модифицирующая) и классифицирующая функции с их подробной детализацией: лексическая, грамматическая, оценочно-стилистическая и т.д.; или в польской грамматике [GWJP, 1984, 319]: структурная, транспозиционная, семантическая (модификационная, мутационная, абстрагирующая). Несмотря на расхождение в определении отдельных функций аффиксов, общим является то, что все исследователи указывают на разнородный характер функций, среди которых семантическая функция аффикса является только одной из составляющих.

в этой функции либо переводит слово в другой лексико-грамматический разряд, изменяя таким образом синтаксическую функцию деривата (*ловкий* — *ловкач*) — транспонирующая функция, либо, завершая оформление, закрепляет его значение (плс. *strona* — *stronica*) — собственно структурная функция. Деривационная функция аффикса дает возможность увидеть ту же основу в другой перспективе, в одном из ее боковых освещений [Винокур, 1959, 425]. Если структурная функция аффикса связана с формой выражения значения, с той ролью, которую он играет в передаче грамматического и частично словообразовательного значений, то семантическая функция обращена к самому значению производного (лексическому и словообразовательному), так как она связывает значения и внеязыковые цели общения [Бондарко, 1984, 32]. Семантическая функция суффикса выражается в его участии в передаче разных типов значения и характеризуется ярко выраженной обращенностью к целевой установке говорящего. Она включает в себя "реально-семантическую" и "экспрессивную" (по терминологии В. Дорошевского) функции. Реально-семантическая функция суффикса связана с его использованием для выражения отношения между значением производящей основы и семантикой создаваемого слова [Арутюнова, 1961, 106], а также для указания к какому лексико-грамматическому и лексико-семантическому разряду относится слово, т.е. суффикс в этом случае, являясь показателем лексического обобщения, может маркировать не только значения "предметность", "признак", "действие", но и более конкретные — "лицо", "принадлежность", "невзрослость" и т.д. Он выступает как классификатор, относящий слово к тем или иным классам слов, сходных в структурно-семантическом плане. Экспрессивная функция суффикса связана с его использованием для выражения отношения говорящего к обозначаемому — квантитативно-оценочная функция, а также для указания на стилистическую принадлежность слова — стилистическая функция. Семантическая функция аффикса позволяет установить определенную корреляцию между характером тематической группы и словообразовательным средством, так как она выражает закрепленную традицией связь суффикса с отрезком материального мира, за ней стоит тысячелетний опыт человека, его умение обобщать факты, абстрагировать наблюдаемое и познаваемое, в частности, его умение классифицировать типы отношений и связей [Кубрякова, 1981, 107]. В связи с этим именно в семантической функции аффикса кроется больше всего таких словообразовательных различий славянских языков, которые свидетельствуют об индивидуальном характере использования аффикса как средства систематизации форм человеческого мышления. Поэтому именно эта функция как наиболее тесно связанная с историей человеческого мышления (ибо она раскрывает своеобразие в наречении мира, его фрагментов) может служить надежным индикатором связей и отношений языков³. В этом

³ Предложенная здесь классификация функций аффиксов не претендует на исчерпывающую. Являясь достаточно обобщенным, это понимание создает основу

понимании функции семантическая функция аффикса, строго говоря не противопоставляется значению, а охватывает его, или точнее пересекается с ним. В этом смысле мы полностью разделяем точку зрения Р.А. Будагова [1985, 41], который убедительно показал (хотя и на другом материале), что функция стремится опереться на значение, а значение стремится наполнить содержанием функцию⁴.

Структурная и особенно семантическая функция суффикса чрезвычайно многоплановы и могут быть по-разному представлены в том или ином аффиксе. Поскольку суффиксы существительных семантически более весомы, чем суффиксы, образующие другие части речи, и обладают достаточно сложной смысловой структурой, то среди них больше всего полифункциональных суффиксов. Изучение их в системно-функциональном аспекте позволит глубже проникнуть в словообразовательную семантику и по-новому взглянуть на систему связей и отношений славянских языков.

Следует отметить, что генетическая и типологическая близость славянских языков, с одной стороны, облегчает, а с другой — затрудняет их сопоставление. Облегчает, так как позволяет даже при поверхностном наблюдении выявить общие закономерности функционирования их словообразовательных систем. Затрудняет, так как скрывает (и подчас очень глубоко) индивидуальные особенности, национальную специфику каждой словообразовательной системы в отдельности. Трудность заключается и в неразработанности подхода, выявляющего фонетико-семантические соответствия славянских языков, появившиеся вследствие действия сходных словообразовательных процессов и использования сходных словообразовательных средств, в квалификации наблюдаемых сходжений, которые могут быть не только результатом генетического родства языков, но и поздним параллельным образованием независимо развивающихся языков, итогом заимствования или калькирования (в каждом отдельном случае потребовалось бы глубокое этимологическое разыскание, и все это отложило бы решение поставленной задачи на неопределенное время); трудность заключается и в отсутствии сопоставительного словаря славянских языков, о необходимости создания которого говорилось

для анализа словообразовательных средств с функциональной точки зрения. В связи с возросшим в последнее время интересом к разработке функционального подхода к содержательной стороне языковых единиц она, возможно, получит дальнейшее развитие в работах, посвященных специальному исследованию системы функций словообразовательных формантов. Отметим, что в сходном направлении при определении понятия "функция" идет и Ю.С. Степанов [1975, 41], утверждающий, что "функция есть транспозиция и в этом смысле соответствие между двумя переменными, но эта транспозиция, всегда создавая единицу языка, актуальную для данной ситуации, выполняет определенную задачу говорящего и в этом смысле отвечает его целевой установке". В определении имплицитно также содержится утверждение о структурной и семантической функции языковой единицы (см. также [Гак, 1985, 10, Бондарко 1985, 21, Helbig, 1968, 283]).

⁴Ср. также сходное замечание А.В. Бондарко (1985, 22): "Семантические функции языковых единиц, будучи связанными с их значениями и частично пересекаясь с ними, в целом не тождественны значениям".

еще на IV съезде славистов. Несмотря на существование всех этих объективных трудностей (которые еще долго будут стоять перед любой славистической работой), автор считает, что уже сейчас, используя имеющиеся достижения в компаративистике и типологии славянских языков, можно подойти к решению проблемы членения славянского языкового мира с позиций словообразования. Учет функциональных особенностей в использовании словообразовательных средств (характеризующихся, как известно, высокой стабильностью и устойчивостью передаваемых ими значений) позволит проникнуть в национальную специфику каждого языка, выявить границы тождества и различий и даже предположить в некоторой степени общее направление дальнейшей эволюции [Бартошевич, 1984, 77]. В этом смысле особенно интересны аффиксы, имеющие общеславянское происхождение и распространение и составляющие ядро словообразовательных систем славянских языков (в рус.яз., например, на производные с этими суффиксами приходится более 30% от общего числа сущ.). Изучение того, как функционируют эти наиболее архаичные суффиксы, выявление сходств и различий в их функциональном объеме, нагрузке, словообразовательных связях и т.д. позволит по-новому взглянуть на проблему членения славянского языкового мира, подойти к ее решению с позиций словообразовательного критерия и проиллюстрировать, как одними и теми же языковыми (формальными) средствами достигается различная сегментация внеязыковой действительности [Толстой, 1966, 30]. В связи с этим основная цель нашего исследования показать и доказать возможность использования данных словообразования для членения микро- и макроязыковых территорий и представить общую картину дифференциации славянских языков. В этом смысле работа находится в русле идей Р. Бошковича и Н.И. Толстого, поставившего еще на IV съезде славистов задачу создания лексико-семантической типологии близкородственных языков, которая в отличие от "классической" общей типологии (устанавливающей в основном, как одни и те же категории, одно и то же содержание выражается различными средствами), способна продемонстрировать, как одними и теми же или весьма близкими формальными средствами выражается разное содержание [Толстой, 1968, 240]. Для достижения поставленной цели необходимо было выявить и описать своеобразие каждого языка в использовании общеславянских суффиксов с учетом их значений и функций, установить их иерархию в передаче некоторых значений. Такой двусторонний подход к общеславянским словообразовательным формантам как к преломленным в языке через сознание человека характеристикам объективной действительности [Мирославский, 1980, 45] позволит выявить системно-функциональные закономерности организации словообразовательных систем славянских языков и определить общее и индивидуальное.

Как уже отмечалось выше, в сопоставительном исследовании словообразовательных систем славянских языков одним из наиболее уязвимых мест является отсутствие единой методологии и терминологии (на это указывал еще М. Докулил⁵, это стало очевидным

и после прошедшего в Москве (1984 г.) Международного симпозиума по сопоставительному изучению словообразования славянских языков). Возросший в последние годы интерес к сопоставительным работам активизировал поиски критериев сопоставительного анализа. Кроме таких, предлагавшихся ранее критериев, как набор словообразовательных средств, способ словообразования, СТ (его структурные и семантические характеристики), продуктивность (СТ или форманта), распределение аффиксов в словообразовательно-семантических полях (ССП) и т.д., появились критерии, направленные на выявление своеобразия в содержательной стороне словообразовательных средств, специфики конкретизации СЗ аффиксов [Харитончик, 1984, 70] и их функций [Главса, Главсова, 1984, 18]. Однако методика сопоставительного исследования, учитывающего форму, значение и функцию аффикса, пока еще не разработана. В связи с этим одна из задач нашей работы — представить критерии сопоставительно-функционального исследования славянских словообразовательных средств и проверить их диагностирующую силу в решении вопроса дифференциации славянских языков. С этой целью был исследован фрагмент именного (субстантивного) суффиксального словообразования, включающий в себя общеславянские суффиксы с опорными элементами -К-, -С-, -Ї- как наиболее архаичные, объединенные общностью происхождения и занимающие одно из ведущих мест в системе суффиксального словообразования. Известно, что при определении сходств и различий славянских языков целесообразен комплексный учет ряда факторов (даже при характеристике таких четко организованных подсистем, как вокалические, привлекаются самые различные критерии — количественные, качественные, функциональные). Тем более он необходим при характеристике таких сложных систем, как словообразовательные. В связи с этим при сопоставлении славянских языков с точки зрения использования в них указанных суффиксов учитывались следующие признаки:

1) функциональный объем суффикса, т.е. набор его семантических функций, его семантический диапазон: поскольку за длительный период своего существования рассматриваемые суффиксы развили разнообразие СЗ, то во всех языках они выступают как полифункциональные, поэтому при определении функционального объема суф. устанавливается его способность к передаче разных типов значений (напр., суф.-х в одном языке выступает как мутационный и модификационный, в другом — как мутационный и транспозиционный, в третьем — как мутационный, транспозиционный и модификационный⁶, при этом в каждом языке он обладает своим набором функций);

⁵ «Словообразовательные системы славянских языков имеют весьма сложную структуру и если у нас до сих пор нет единой процедуры, позволяющей описать подобную структуру, то тем более нет разработанной методологии сравнения столь сложных структур друг с другом» [Dokulil, 1963, 86].

⁶ Под мутационным СЗ понимается такое смысловое соотношение между членами словообразовательной пары, при котором лексико-номинационная зна-

95068

2) функциональная нагрузка суффикса, т.е. конкретная реализация каждой его семантической функции, цель его употребления; определяется на основе количественного критерия (представленности суф. в том или ином значении), напр., мутационный суф.-х₁ во всех славянских языках обладает значениями "лица", "предметности" и "места"; однако в одном языке он используется в основном как суф. "лица", в другом — "предметности", в третьем — как суф. "лица" и "предметности" и т.д.;

3) реализация значения суффикса: поскольку значение суф. тесно связано и предопределяется условиями его функционирования, то этот критерий направлен на определение характерной для суф. сочетаемости с определенным категориальным типом основ в этом значении, напр., мутационный суф.-х₁ во всех языках используется для образования имен с общим значением лица, однако в одном языке он употребляется чаще всего для образования *nomina attributiva* (т.е. сочетается преимущественно с именными основами (И₀), в другом — *nomina agentis* (т.е. сочетается с глагольными основами (Г₀), в третьем — и тех, и других имен;

4) семантическая ориентация суффикса при образовании имен определенных ЛСГ⁷, т.е. выявление его семантической специализации (устанавливается на основе повторяющегося семантического компо-

890508
чимость производящего предстает в производном в преобразованном виде, при этом категориальный аспект роли не играет, т.е. мутационные суффиксы вносят изменение в лексическую значимость производящего, при этом члены словообразовательной пары могут принадлежать не только к разным частям речи (*молодой* — *молодец*), но и к одной (*хлеб* — *хлебница*); в мутационное СЗ включается и значение "подобия", квалифицируемое авторами АГ [1980] как модификационное, основанием для такого решения послужило не только стремление сохранить лексико-семантическое единство анализируемого материала, необходимое для определения семантической функции суффикса (в противном случае всю экологическую лексику пришлось бы рассматривать расчленено — в мутационном СЗ (*малиновка*, *timoфеевка*) и модификационном (*кувшинка*, *соека*), что отрицательно сказалось бы на выявлении семантической ориентации суффикса), но и собственно словообразовательные причины, а именно: нарушение квалификационного критерия, так как в подобных образованиях наблюдается изменение лексико-номинационной значимости производящего, которого не должно быть в модификатах (сходное решение этого вопроса см. в польской и чешской АГ [GWJP, 1984; МС, 1986]; транспозиционное СЗ — это такое смысловое соотношение между производящим и производным, при котором лексико-номинационная значимость производящего в целом сохраняется, однако происходит его категориальное переоформление, т.е. транспозиционные суффиксы преобразуют категориальную принадлежность производящего (*стирать* — *стирка*, *строгий* — *строгость*); модификационное СЗ — это такое смысловое соотношение между членами словообразовательной пары, при котором категориальная принадлежность производящего, а также лексико-номинационная значимость не меняются, изменения в семантике производного носят либо квантитативно-оценочный характер, либо моциональный (по терминологии Р. Бошковица (1936)).

⁷ Выделение ЛСГ, а не СТ связано с тем, что при функционально-семантическом подходе к словообразовательным аффиксам прямого соответствия между ЛСГ и СТ не наблюдается. Отсутствие резких семантических границ между словами разных частей речи приводит к тому, что дериваты одной ЛСГ могут мотивироваться единицами разной частеречной принадлежности [подробнее см. Яценецкая, 1979, 21], ср., напр., такие слова, как *ловкач* ~ *усац* ~ *ткач* где над различиями в способе мотивации возвышается единство семантико-

нента в словах, объединенных данным суффиксом) В. Доросhevский [Doroszewski, 1963, 310] называл это выявлением "ситуативного значения суффикса", И.С. Улуханов [1977, 96] — "дополнительного семантического компонента", Р.С. Манучарян [1981, 94] — "функциональной специализации аффикса". Семантическая ориентация суффикса представляет дальнейшую конкретизацию его семантической функции на уровне имен одной ЛСГ. Особенно ярко она проявляется в параллельных образованиях, в которых тождество производящих основ как бы подчеркивает индивидуальный характер семантической ориентации суффикса, напр., мутационный суф.-х₁ во всех славянских языках используется для образования атрибутивных названий лиц (*nomina attributiva*), однако в одном языке он привлекается чаще всего для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку, в другом — по профессиональному, в третьем — по признаку территориальной принадлежности и т.д.;

5) характеристика словообразовательных связей суффикса как при образовании имен отдельных ЛСГ, так и в целом (для модификационных суффиксов этот признак не релевантен, так как они сочетаются только с субстантивными основами (C₀), напр., мутационный суф.-х₁ в одном языке сочетается преимущественно с A₀, в другом — с I₀, в третьем — с тем и с другим типом основ;

6) емкость семантического поля суффикса, т.е. выявление набора и числа семантических групп имен, образуемых с помощью этого суф.

7) степень активности использования суффикса в том или ином значении (или ЛСГ имен) в каждом языке (определяется по числу зафиксированных с данным суффиксом имен), напр., мутационный суф.-х₁ во всех языках обладает значениями "лица", "предметности" и "места", однако если в значении "лица" он достаточно активно используется во всех языках, то в значении "места" только в некоторых;

8) степень развития того или иного значения суффикса (определяется на основе активности его использования в этом значении);

9) распространение суффикса с точки зрения его лексемного охвата, выявление центра его ареала (определяется по числу зафиксированных с ним имен);

классификационной номинационной функции дериватов [Манучарян, 1984, 43]. Разделяя такие слова на разные СТ приходится, по образному выражению Э.А. Земской [1974, 77], "резать по живому". Понятие СТ ограничивает возможность функционального описания, так как наличие такого необходимого для СТ признака, как принадлежность производящих к одной и той же части речи, ведет часто к насильственному разделению слов одного СЗ по разным частям речи мотивирующих, излишне дробит материал [Виноградова, 1985, 44]. Кроме того, в одном СТ оказываются слова с разными лексико-словообразовательными значениями, если они рассматриваются как мотивированные одной частью речи (ср. *чайник*, *ключник*, *свинарник*), что делает невозможным выявить семантическую ориентацию суффикса. Однако даже если исключить этот признак из определения СТ (как, напр., предлагали Левковская [1954, 27], Максимов [1975, 56], Азарх [1984, 41], Виноградова [1985, 44]), то это понятие все равно останется слишком общим для функционально-семантического анализа, так как оно не позволяет выяснить сложные отношения в пределах одной ЛСГ, раскрыть которые необходимо для определения семантической функции суффикса.

10) иерархия суффиксов в зависимости от набора присущих им функций;

11) иерархия суффиксов с точки зрения емкости их семантических полей в каждом языке;

12) дистрибуция суффиксов в отдельных словообразовательно-семантических полях (ССП) в каждом языке;

13) дистрибуция словопроизводственных основ в отдельных ССП, напр., образование локативов во всех языках может происходить путем присоединения рассматриваемых суффиксов к основам типа "а", "в" или "с", однако в одном языке они образуются чаще всего на базе основ типа "а", в другом — типа "в", в третьем — типа "с" и т.д.;

14) деривационная потенция основ той или иной части речи с точки зрения их сочетаемости с исследуемыми суффиксами, напр., в одном языке основы типа "а" могут сочетаться с суф. -х, -у, в другом — только с суф.-у, в третьем — с суф.-х, -у, -z и т.д.

Большинство из предлагаемых критериев направлено на установление сходств и различий славянских языков с точки зрения функционально-содержательных и формальных параметров и прежде всего семантической функции суффикса, позволяющей проследить наличие определенной корреляции между словообразовательными морфемами и тематическими группами лексики⁸.

⁸ В работе сознательно не используется критерий продуктивности суффикса в связи с неоднозначностью понимания этого термина не только в славистике, но и в русистике (ср. точки зрения Г.О. Винокура, И.С. Улуханова, Н.М. Шанского, А.А. Реформатского), неоднозначностью подходов к определению продуктивности одних и тех же суффиксов не только в разных языках, но даже в пределах одного (ср. ситуацию с суф.-*eu* и *-iu(a)* в АГ 1953, 1970, 1980 г., где они квалифицируются по-разному), неоднозначностью классификационных параметров продуктивности в разных языках, ср., напр. в рус. яз. — продуктивные и непродуктивные суф., в чеш.яз. — высокопродуктивные, среднепродуктивные, менее продуктивные, непродуктивные суф. а также в связи с отсутствием указаний на временные границы продуктивности и то, как они устанавливаются. Что касается таких критериев продуктивности, как способность элемента давать новообразования, его воспроизводимость при их создании, жизненность в речи носителей языка, устойчивость в конкуренции с другими словообразовательными морфемами; то многие из них не могли быть проверены при анализе материала, источником которого служили прежде всего словари современных славянских языков, а не тексты (словарями же новых слов располагают далеко не все языки); кроме того, некоторые из них не обладают достаточной диагностирующей силой при определении продуктивности суффикса (ср., в частности, такой признак как способность элемента давать новообразования: многие из суффиксов уже не дают новообразований, так как используются в лексике, образующей "закрытые" ЛСГ, напр., суф.-*ik(a)* или *-ic(a)* в названиях ягод, суф.-*ik*, *-nik* — в названиях грибов, однако это не является свидетельством их непродуктивности так как в случае появления нового вида ягод или грибов будет использован один из этих суффиксов, а не суф.-*tel*, не участвующий в образовании подобного рода имен. Признак же сочетаемости аффикса с набором разных характерных основ не представляется доказательным при определении его продуктивности, так как он может сочетаться и с одним типом основ и быть продуктивным. Вместе с тем следует отметить, что в сопоставительных исследованиях, по-видимому, можно пользоваться понятием "диахронической продуктивности аффикса", под которым понимается количество всех слов с данным

Сопоставлению на основе изложенных выше критериев предшествует подробное описание функционирования в славянских языках суффиксов -k(a), -ak, -ač, -ik, -nik, -es с целью выяснения прежде всего их значений и функций, в частности, функционального объема, функциональной нагрузки, семантической ориентации и т.д., так как только установив эти особенности в использовании суффиксов, можно выявить своеобразие и отличие одного языка от другого. Далее сопоставление проводится по следующей рабочей модели: определяется дистрибуция суффиксов и словопроизводственных основ в некоторых ССП, а именно: в ССП лица, предметности, места и деминутивности; устанавливается иерархия суффиксов в зависимости от их функций в каждом языке и емкости их семантических полей; выявляется своеобразие каждого языка с точки зрения деривационной потенции основ, с которыми сочетаются исследуемые суффиксы (это преимущественно И и Г основы, так как именно эти части речи являются чаще всего словопроизводственной базой (СБ) именного суффиксального словообразования. Во II главе как бы эксплицируются те отношения, которые намечаются в первой, устанавливаются типологические тождества и различия славянских языков, выявляются словообразовательные признаки, составляющие, с одной стороны, интегральную типологическую характеристику славянских языков, а с другой — дифференциальную. Далее устанавливаются словообразовательные соответствия в использовании исследуемых суффиксов между отдельными славянскими языками и между группами языков, определяется направление языкового тяготения. В заключении содержатся основные выводы, дается общая картина членения славянского языкового мира.

Для решения поставленных задач в работе привлекался материал словарей всех славянских литературных языков (прямых, обратных, двуязычных)⁹. Следует сразу сказать, что при сборе и обработке материала мы сталкивались с самыми разнообразными трудностями, главная из которых — различие в лексикографических традициях национальных школ и лексикографической разработанности отдельных славянских языков: если, напр., рус., плс., чеш., ск. языки имеют по несколько крупных толковых и переводных словарей, то мак. яз. представлен лишь средним "Словарем македонского языка с сербскохорватскими толкованиями" (на 64 тыс. слов),

формантом, появившихся за период возникновения модели до настоящего времени [Бартков, 1982, 116], которое имплицитно присутствует и в нашей работе и лежит, напр., в основе определения активности использования суффикса в том или ином значении.

⁹ Поскольку эти словари в количественном отношении неравноценны (ср., напр., "Обратный словарь русского литературного языка" на 125 тыс. слов и "Речник на македонскиот јазик" на 64 тыс. слов), то при обработке материала (особенно при определении частотности того или иного суффикса, а также при определении центра его ареала, кроме абсолютной частоты (= представленности в словаре образований с этим суффиксом), использовался коэффициент сопоставимости (из расчета в среднем на 10 тыс. единиц). Из двух серболужичских языков в работе привлекались в основном данные верхнелужичского языка как получившего более широкое распространение.

а лужицкие языки такого толкового словаря вообще не имеют (существующие словари Г. Земана [Zeman, 1967], К.К. Трофимовича [1974], Ф. Якубаша (1954) располагают словником ≈ на 40 тыс. слов)¹⁰. Кроме того, приходится констатировать и неполноту имеющихся словарей славянских языков (даже в словниках академических словарей существуют ограничения, накладываемые на включение деминовтивов, гипокористик, аугментативов, сингулятивов, учет которых необходим при рассмотрении функционирования модификационных суффиксов). Сложность не только в отсутствии материала (восполнение которого шло в основном через монографические исследования), но и в разных принципах его отбора и отсюда неравноценности (ср., напр., практику широкого включения диалектизм в сербскохорватских словарях и жесткого отбора материала, фиксации только нормированной лексики в белорусском). Необходимость сопоставимости данных различных языков требовала учета всех этих сложностей и достаточно строгого их отбора. В связи с этим привлечение диалектного материала носило ограниченный характер и было продиктовано лишь необходимостью. Отсутствие в работе данных диалектов объясняется также: 1) невозможностью представить диалектный материал в полном объеме по всем славянским языкам в связи с неравномерностью обследования славянских диалектов (причем эта неравномерность наблюдается не только в разных языках, но даже в пределах одного, ср., напр., ситуацию в рус.яз.); 2) необходимостью соблюдения критерия сопоставимости (привлечение диалектного материала в полном объеме в одном языке исказило бы картину при его сопоставлении с другим языком, где подобный материал привести пока невозможно, именно поэтому в работе не использовался словарь нижнелужицкого языка Е. Муки, являющийся скорее диалектным, чем литературным), а также "правила одинаковых уровней", согласно которому сопоставление объектов должно проводиться по одному срезу и по одинаковым социально-функциональным стратам, в противном случае это приводит к неверной квалификации ряда явлений и неверной расстановке стратификационных отметок [Степанов Г.В., 1976, 11]. Одновременный учет данных литературного языка и диалекта был невозможен также и потому, что в диалекте могут быть представлены такие типологические особенности, которые прямо противоположны литературному языку (ср., напр., наличие у суф.-ic(a) в сев.-рус. говорах аугментативного значения, отсутствующего в литературном языке), что еще больше усложнило бы решение задачи, а типологическая картина сходств и различий славянских языков оказалась бы размытой и практически не воспринимаемой. Вместе с тем автор полностью разделяет точку зрения, согласно которой привлечение диалектного материала поможет с наибольшей достоверностью и убедительностью воссоздать картину членения славянского языкового массива, увидеть потенциальные возможности литературных языков, проследить возникновение

¹⁰ О причинах ограничения лексики этих словарей см. [Трофимович, 1974,5; Супрун, 1983,9; ИТСЯ, 1986, 19].

тех или иных СТ, определить сугубо диалектные различия, не свойственные нормативным литературным языкам. Однако степень изученности славянского диалектного словообразования, а главное неравномерный характер обследования славянских диалектов не позволяет пока использовать их в решении поставленной задачи¹¹.

Несмотря на существование всех этих объективных трудностей в сопоставлении материала, его некоторой неравноценности, а главное невозможности привлечения в полном объеме данных диалектов, полагаем, что на современном этапе можно все-таки приступить к решению проблемы членения славянского языкового мира на материале литературных языков, так как литературный язык, как известно, репрезентирует диалектный, адсорбируя и отражая в себе общенародные языковые элементы. Испытывая постоянное воздействие со стороны диалектов и в то же время оказывая постоянное влияние на них, литературный язык является достаточно репрезентативным, чтобы служить основой для исследований, имеющих целью установить национальную специфику и своеобразие каждого из сравниваемых языков¹².

¹¹ Мало что в этом отношении дают и атласы славянских языков, так как в большинстве из них словообразовательный материал носит фрагментарный и несистемный характер. Отдельные словообразовательные моменты находят свое отражение на лексических картах (ср., напр., карты ОЛА (1988), ДАРЯ (1957), ДАБМ (1963), в польских региональных атласах Штибера (1958) и Дейны (1962), лужицком атласе (1965), болгарском (1964) и др.), однако эти карты не являются собственно словообразовательными, так как имеют иную целевую установку и отражение морфемной структуры отдельного слова часто является непоследовательным. Некоторое исключение в этом отношении представляют кашубский атлас (1964), региональный атлас Мазовша и Подляшья А. Ковальской (1975), словацкий атлас (1968), третий том которого полностью посвящен словообразованию, а также выходящий украинский атлас (в каждом томе которого содержится от 20 до 30 карт). Словообразовательные карты этих атласов отражают диалектную дифференциацию плс., слц. и укр. языков на основе различий в словообразовательной структуре как отдельного слова, так и серии слов, однотипных в структурном и семантическом отношении, часть из них посвящена функционированию некоторых суффиксов в том или ином значении, т.е. материалы этих атласов дают представление об отдельных фрагментах диалектного словообразования, однако в целом не отражают функциональной дифференциации словообразовательных элементов, хотя дают представление об их территориальной дифференциации. Такой подход к картографируемому словообразовательному материалу не позволяет установить особенности в функционировании того или иного аффикса в диалектах, так как здесь необходима прежде всего массовость, неограниченность языкового материала, с тем чтобы учесть статистические закономерности в распространении общих и дифференцирующих явлений. В атласах же этот языковой материал заранее ограничен, так как здесь мы имеем дело не с "открытым" текстом, а в известном смысле "замкнутым", определяемым программой вопро-
сника.

¹² Попутно отметим, что даже если эту работу проводить только на диалектном материале, то и тогда возникнут трудности, главная из которых — решение вопроса о принадлежности слова к диалекту, так как в современной языковой ситуации в диалектах идет процесс взаимодействия с литературным языком и другими диалектами. Кроме того, останется проблема неполноты материала как следствия дифференцированного характера большинства диалектных словарей, а также функциональной и социально-общественной ограниченности самого диалекта, так как литературный язык неизмеримо богаче любого диалекта.

Кроме словарей, в работе использовались данные сравнительных и описательных грамматик современных славянских языков, а также отдельных монографических исследований для уточнения и проверки некоторых выводов, относящихся к характеру функционирования рассматриваемых суффиксов в том или ином языке. Объем книги не позволил включить весь собранный автором материал, поэтому он приводится лишь в виде отдельных необходимых иллюстраций. Более полно он представлен в публикациях автора и докторской диссертации.

В работе используются термины, принятые в московской словообразовательной школе, рассматриваемые в АГ [1980] в разделе "Словообразование. Основные понятия". Из не определяемых в грамматике понятий, но используемых в работе как теоретической основы можно отметить понятия суффиксальной полисемии, синонимии и омонимии. При определении их критериев исходим из значения словообразовательных морфем. В этом смысле критерии омонимии, полисемии и синонимии аффиксов аналогичны критериям омонимии, полисемии и синонимии слов [Улуханов, 1977, 113]. Под словообразовательной омонимией понимается различие в общих словообразовательных значениях, выражаемых формально тождественными суффиксами, т.е. омонимичными признаются тождественные по фонемному составу суффиксы, обладающие различными СЗ, не имеющими тождественных компонентов, напр., суф. -k(a)₂ и -k(a)₃ в *пилка* и *подковка*, обозначающих как процесс, так и деминутив [Улуханов, 1977, 113; Харитончик, 1983, 102; и др.]¹³ Под словообразовательной полисемией понимается наличие у суффикса нескольких частных (лексико-словообразовательных) значений, связанных между собой общим СЗ на основе тождества компонентов их значений, т.е. полисемичными признаются суффиксы, имеющие тождественный фонемный состав

¹³ Проблема словообразовательной омонимии и полисемии, их разграничения является одной из сложных и до конца не решенных проблем в дериватологии. Даже в специальных работах в разграничении омонимов часто царит полный произвол, на что неоднократно указывалось в лингвистической литературе [Тихонов, 1985, 31]. Сложность этой проблемы объясняется еще и тем, что под одно явление подводятся два: омонимия производных слов и омонимия аффиксов (см., напр., широкое понимание явления омонимии в работах [Гинзбург, 1979, 88; Соболева, 1980, 53; Тихонов, 1985, 32]). Критерием словообразовательной омонимии является чаще всего критерий формальный, связанный с различием словообразовательных структур идентичных по форме производных слов, берущий свое начало от Г.О. Винокура [1959, 434], писавшего, что явление омонимии теснейшим образом связано с членением слов на морфемы. Иногда этот формальный критерий усиливается диахроническим [Азарх, 1984, 49]. В нашей работе мы сужаем эту проблему до омонимии суффиксов и исходим из критерия их значения, ибо омонимичными являются единицы, тождественные по форме, но различающиеся по смыслу [Виноградов, 1968, 81]. В связи с этим мы разделяем точку зрения тех ученых, которые считают, что словообразовательными омонимами являются материально тождественные единицы, которые отличаются друг от друга общим СЗ (т.е. производные типа *подковка*₁ и *подковка*₂). Производные же типа *счетчик* 'лицо' и *счетчик* 'прибор', демонстрирующие единство ЛСЗ, относятся к словообразовательной полисемии, возникающей в результате неоднократного вовлечения производящих баз в словообразовательный процесс [Харитончик, 1983, 103].

и связанные общим СЗ, напр., суф.-аџ₁ в значении лица (*рвач, бородач*) и суф.-аџ₁ в предметном значении (*пугач, горлач*), объединенные общим мутационным значением на базе компонента "носитель признака, обозначенного производящим" [Харитончик, 1983, 103; Азарх, 1984, 48; Докулил, 1987, 28]. Под словообразовательной синонимией понимается тождество (или близость) частных СЗ формально различных суффиксов, соединенных либо с одной и той же основой (*волчиха ~ волчица*), либо с разными, т.е. синонимичными признаются суффиксы, имеющие разный фонемный состав, но обладающие общим лексико-словообразовательным значением (ЛСЗ), напр., суф.-ес₁(*глупец*), -ік₁(*умник*), -ак₁(*добряк*) со значением "лицо — носитель качественного признака".

При сегментации слова и идентификации морфем исходим из понимания морфемы не только как минимальной значащей единицы языка, но и как единицы, проявляющей черты повторяемости, т.е. словообразовательное членение слова проводилось с учетом его синхронных структурно-семантических связей с другими словами. Анализ одного и того же слова с точки зрения его морфемного состава и словообразовательной структуры показал, что в разных языках степень его семантической прозрачности неодинакова, поэтому ситуация складывается часто по-разному. Это объясняется тем, что процесс архаизации лексики в разных языках протекает различными темпами, в результате одно и то же слово в одном языке выступает как производное, тогда как в другом сохраняет свою производность (ср. рус. *жеребец* и слц. *žrebec* при наличии *žriebd* 'жеребенок'). Выделение производящей основы в этих случаях мотивировалось наличием ее в свободном или связанном виде за пределами данного слова. Описание ведется с учетом функционально-семантического единства словообразования и лексики, т.е. словообразовательные средства рассматриваются на основе семантического принципа их группировки, что дает возможность описания не только по принципу "от формы к значению" ("от средств к функциям"), но и по принципу "от значения к форме" ("от функции к средствам").

Глава I

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУФФИКСОВ С ЭЛЕМЕНТАМИ -К-, -С-, -Ѓ- В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

СУФФИКС -k(a)

Являясь праславянским словообразовательным формантом, суф. -k(a) развил широкую систему значений во всех языках, став одним из наиболее сильных в словообразовательном отношении аффиксов. В процессе исторического развития словообразовательных систем славянских языков суф. -k(a) превратился в омосуффикс: во всех языках он может выступать как мутационный, транспозиционный и модификационный. Однако степень развития каждого из суффиксов и соответственно использования в славянских языках разные.

I. СУФ.-k(a)₁ МУТАЦИОННЫЙ

Основным значением мутационного суф. -k(a)₁ во всех языках является предметное значение, значительно слабее (особенно в юж.-сл.яз.) у него выражены значения лица и места.

I.1. ПРЕДМЕТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-k(a)₁

Лексическая реализация предметного значения суф. -k(a)₁ характеризуется следующими особенностями: в в.-луж.яз. он используется чаще всего в названиях "предмет — носитель атрибутивного (качественного или предметного) признака", в блг. и мак. — в названиях "предмет—носитель процессуального признака", в остальных языках он одинаково участвует в образовании как одной, так и другой группы имен. Во всех славянских языках он служит для образования: 1) названий предметов хозяйственно-бытового назначения (особенно активно в рус. и зап.-сл. яз.); 2) *nomina instrumenti* (особенно активно в плс.); 3) ботанических названий (особенно в зап.-сл.яз.); 4) зоонимических (особенно в плс.); 5) названий видов пищи (особенно в плс.); 6) названий болезней (особенно в чеш. и слц.); 7) анатомических названий (особенно в чеш., в.-луж. и плс.яз.); 8) названий атмосферных и погодных явлений; 9) названий химических веществ, материалов (особенно в рус. и плс.яз.). Использование суф. -k(a)₁ при образовании этих имен в каждом языке носит избирательный характер.

В русском языке суф.-k(a)₁ употребляется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и зооназваний, реже — для образования названий видов пищи, ботанических и названий химических веществ, материалов, в образовании имен других ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат A_0 и Γ_0): *клеенка, каменка; соска, пленка*; особую группу образуют названия предметов—результатов действия (*nomina acta*): *метка, вставка*; 2) *nomina instrumenti* (девербативы от *inf.* и бывших I-*ptc.*): *тяпка, терка; молотилка, косилка*; 3) зооназвания (чаще всего это названия птиц): *овсянка, ржанка, хохлатка*, реже др. видов: *полевка*, СБ служат преимущественно A_0 , реже С (*овчарка*) и Γ (*лайка*); 4) названия видов пищи (чаще всего это названия наливок, настоек и др. спиртных напитков): *вишневка, перцовка, старка*, реже др. видов: *солянка*, СБ служат A_0 , реже Γ (*наливка*); 5) ботанические названия (чаще всего это названия трав): *пахучка, песчанка, тимофеевка*, реже др. видов: *поганка*, СБ служат A_0 , редко С (*кувшинка*) и Γ (*незабудка*); 6) названия веществ, материалов: *зеленка, клетчатка, шпаклевка*, СБ — А и Γ_0 ; 7) анатомические названия: *матка, глотка*, СБ — И и Γ_0 ; 8) названия болезней: *водянка, ветрянка* (разг.), СБ — A_0 , редко Γ (*лихорадка*); 9) названия погодных явлений: *поземка*.

В украинском языке суф.-k(a)₁ используется прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже — *nomina instrumenti*, зооназваний, названий пищи, для образования имен других ЛСГ он привлекается сравнительно редко;

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат А и Γ_0): *ватянка, маслянка, насипка, постілка*; *nomina acta*: *позначка, зв'язка*; 2) *nomina instrumenti* (девербативы от *inf.* и бывших I-*ptc.*): *прядка, викрутка, сівалка, стукалка*; отдельно стоят образования типа *косарка* 'косилка', структурно связанные с соответствующими C_0 (*косар*), вместе с тем существуют и образования типа *молотарка*, в которых мотивирующими являются уже Γ_0 , так как образования типа *молотар* отсутствуют, эта словообразовательная модель в целом укр. языку не свойственна, однако она активно используется в плс., поэтому здесь, по-видимому, имеет место плс. влияние; 3) зооназвания (чаще всего это названия птиц): *лиска, сивка, райка*, реже др. видов: *ялівка* СБ преимущественно A_0 , редко С (*чабанка*); 4) названия видов пищи (значительную группу составляют названия напитков): *ганусівка, горобинівка, калинівка*, реже др. видов: *питльованка*, СБ преимущественно A_0 , реже Γ (*горілка*) и С (*цукерка*); 5) ботанические названия (чаще всего трав и садовых деревьев): *водянка, пухівка, смілка, дубівка, спасівка*, СБ преимущественно A_0 , редко Γ (*зморшка*); 6) анатомические названия: *голінка, рогівка*, СБ — I_0 , редко Γ (*перетинка*); 7) названия болезней: *пухирчатка, горячка, трясушка*, СБ — A_0 ; 8) названия веществ, материалов: *шпаклівка, розтирка, касторка*, СБ — А и Γ_0 ; 9) названия атмосферных явлений: *блискавка*.

В белорусском языке суф.-k(a)₁ служит для образования прежде всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina*

instrumenti и зооназваний, реже ботанических и названий пищи, в образовании имен других ЛСГ он используется сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат А и Г₀): *берасцянка, паштоўка, накрыўка, запалка*, *potina* аста: *вязка, закройка*; 2) *potina instrumenti* (девербативы от бывших l-rtc., реже inf.): *абганялка, абдзіралка, сшывалка, сечка*; 3) зооназвания (чаще всего это названия птиц и насекомых): *валасянка, стракатка, бронзаўка, туркаўка*, реже др. видов: *калючка*, СБ преимущественно А₀, редко С (*нектарка*) и Г (*жыгалка*); 4) ботанические названия (чаще всего это названия трав, грибов, а из деревьев — яблонь): *зярняўка, зялёнка, сібірка, дзічка*, СБ преимущественно А₀, реже С (*апенька*) и Г (*жыжка*); 5) названия видов пищи (чаще всего это названия спиртных напитков): *грушоўка, зуброўка, ядлаўцоўка*, реже др. видов: *аўсянка*, СБ преимущественно А₀, редко С (*смятанка*) и Г (*скварка*); 6) названия веществ: *зялёнка, хлёрка* (разг.), СБ — А₀, реже Г (*запарка*); 7) названия болезней: *вятранка, гарачка, хрыпка* СБ — А и Г₀; 8) анатомические названия: *бародка* (разг.), *глотка*, СБ — С и Г₀; 9) названия атмосферных явлений: *вясёлка, бліскаўка*, СБ — А₀.

В польском языке суф.-k(a), используется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *potina instrumenti*, реже (хотя также достаточно регулярно) он привлекает для образования ботанических названий, зоонимических и названий пищи, в образовании имен других ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно С₀): *kłódka* 'висячий замок', *krajka, fornalka* 'телега', реже Г₀ (*kolebka*) и А (*deszczówka*); *potina* аста: *okładka, stębnówka* 'строчка' 3) *potina instrumenti* (девербативы от inf.): *cerówka* 'штопальная игла', *klekotka* 'колотушка' *lutówka* 'паяльник'; особенностью плс. яз. являются *potina instrumenti* с суф.-arg(a), мотивированные inf.: первоначально эти образования возникли на основе атрибутивных и агентивных названий лиц с суф.-ag (о чем свидетельствует тот факт, что этот способ образования названий орудий до сих пор сохраняется в плс. яз., ср. *betoniarka* 'бетономешалка' (*betoniarz* 'бетонщик'), *ostrzarka* 'точило' (*ostrzarcz* 'точильщик'), однако в дальнейшем в результате переразложения выделился суф.-arg(a), который начал присоединяться непосредственно к inf., так образовался один из наиболее употребительных "инструментальных" суффиксов плс. яз., ср. *koparka* 'экскаватор', *czesarka* 'чесальная машина', та же ситуация, хотя и в менее выраженной форме, сложилась и с суф.-ačk(a), ср. *docieraczka* 'притирочный станок', *okrawaczka* 'обрезочная машина', хотя существуют еще и образования, мотивированные *potina agentis* на -ač, ср. *pakowaczka* 'упаковочная машина' (*pakowacz* 'упаковщик'), *rozlewaczka* 'разливочная машина' (*rozlewacz* 'разливщик'). Особенностью плс. яз. являются и *potina instrumenti*, мотивированные А₀ и С₀ (*talerzówka* 'дискосая сеялка' (*talerzowy* 'дискосый'), *froterka* 'полотер-машина' (*froter* 'полотер'); 3) ботанические названия (чаще всего это названия трав): *aksamitka* 'бархатцы', *moczarka* 'элодея', *ostka*, реже др. видов: *balsaminka*,

СБ преимущественно С₀, реже А (*borówka*) и Г (*przyczepka*); 4) зооназвания (чаще всего названий птиц и насекомых): *choinówka, czubatka, gnojka, miodówka*, реже др. видов: *świnka, węźówka*, СБ преимущественно И₀, реже Г (*nioska*); 5) названия видов пищи (чаще всего это названия спиртных напитков и супов): *jagodówka, kartoflówka, żytniówka; fasolówka, grochówka*, реже др. видов: *surówka*, СБ преимущественно А₀, реже Г (*zasmażka*); 6) анатомические названия: *kostka, siatkówka, śluzówka*, СБ преимущественно И₀, реже Г (*migołka*); 7) названия веществ, материалов: *siarka, surówka* ‘чугун’, *posypka* ‘присыпка’, СБ — И и Г₀; 8) названия болезней: *czerwonka, mocówka, sapka* ‘насморк’ СБ — А и Г₀; 9) названия атмосферных и погодных явлений: *mżawka, morka, zadymka* СБ — И и Г₀.

В верхнелужицком языке суф.-k(a)₁ служит для образования прежде всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения и фитонимов, реже — зоонимов и названий видов пищи, в образовании имен других ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно И₀): *ślónka, skobjelka* ‘дверная цепочка’, *drjewjanka, listowka*, реже Г₀; *zatyčka*; 2) ботанические названия (чаще всего это названия трав): *rěpka, myšowka, wóskowka*, реже др. видов: *kalinka, černjowka*, СБ преимущественно И₀, редко Г (*powitka*); 3) зооназвания (чаще всего названия птиц): *drěmotka, drjewjanka* ‘хохлатый жаворонок’, *křiwka*, реже др. видов: *žěžowka*, СБ преимущественно И₀, редко Г (*kiwka* ‘серая сова’); 4) названия видов пищи: *sydrowka, sodowka, klučowka*, СБ — И₀, редко Г (*mjaika*); 5) *nomina instrumenti* (девербативы от inf. и l-pts.): *walka, pišćačka*; 6) анатомические названия: *njebjeska, klučowka, rohowka*, СБ — И₀; 7) названия болезней: *kopřiwka*; 8) названия атмосферных явлений: *tučačka*; 9) названия веществ: *rudka*.

В чешском языке суф.-k(a)₁ используется прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti*, а также фитонимов, реже — зоонимов и названий пищи, в образовании имен других ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно С₀): *kořenka, lenoška, valaška*, реже А₀ (*líškovka*) и Г (*zápalka*); *nomina acta*: *navážka* ‘навезенная земля’, *ořzka*; 2) *nomina instrumenti* (девербативы от inf.): *svěrka, škrabka, vývrtka*; в чеш. яз. так же, как и в плс., названия орудий могут образовываться не только от Г₀, но и С, СБ служат сущ. как с предметным, так и личным значением, ср.: *frézka* ‘фрезерный станок’, *míchačka* ‘месилка’ (*míchač* ‘месильщик’), *sbíječka* ‘отбойный молоток’ (*sbíječ* ‘отбойщик’), однако в чеш. яз., в отличие от плс., нет такой строгой соотношенности с определенной словообразовательной моделью, так как *nomina instrumenti* могут быть мотивированы агентивными названиями лиц на -ač (*vrtáčka* ‘сверлильный станок’ (*vrtáč* ‘сверлильщик’)), на -ič (*leštička* ‘полировальная машина’ (*leštič* ‘полировщик’)), на -eč (*svářečka* ‘сварочный аппарат’ (*svářeč* ‘сварщик’)). В результате переразложения выделился сложный суф.-ačk(a), который присоединяется уже непосредственно к Г₀ (*šlehačka* ‘сбивалка’ (*šlehati* ‘взбивать’)). Особенностью чеш. яз., выделяющей его среди других славянских языков, являются

nomina instrumenti от так называемых отглагольных прилагательных со значением цели на -*ci* (*hoblovačka* 'строгальный станок' (*hoblovací* 'строгальный'), *obráběčka* 'обрабатывающий станок' (*obráběcí* 'обрабатывающий'), подобные имена являются конденсатами, возникшими на основе словосочетания с мотивирующим прилагательным в качестве определения, о чем свидетельствуют образования типа *ždímačka* 'отжимная машина' или *válcovačka* 'дорожный каток', в которых отчетливо выражена эта семантическая мотивированность словосочетанием *ždímací stroj*, *válcovací stroj*; 3) ботанические названия (чаще всего это названия трав и цветов): *psárka*, *chudobka*, *listopadka*, реже др. видов: *trnka*, СБ преимущественно С₀, реже А (*pohanka*); 4) зооназвания (чаще всего названия птиц и насекомых): *chocholka*, *červenka*, *dešti'ovka*, *zákožka*, реже др. видов: *hnědka*, СБ — И₀; 5) названия видов пищи: среди этих имен выделяются несколько тематических групп: а) названия напитков (*ořechovka*, *kmínka*); б) названия супов и приправ к ним (свойственные в основном разг. речи): *bramborovka*, *houbovka*, *jíška*, *zápražka*; в) названия печеных изделий (*bábovka*, *kokoska*); г) прочие: *olejovka*, СБ преимущественно А₀; 6) анатомические названия: *lebka*, *duhovka*, *šlapka*, СБ — И и Г₀; 7) названия болезней: *cukrovka*, *slintavka* 'ящур', *červenka*, СБ преимущественно А₀; 8) названия веществ: *moučka*, *močůvka*, *omítka*, СБ — И и Г₀; 9) названия атмосферных и погодных явлений: *bouška*, *sprška*, *ledovatka*, СБ — И и Г₀; 10) астрономические названия: *polárka*.

В словацком языке суф.-к(а) служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*, реже — зоо- и ботанических названий, а также названий видов пищи, в образовании имен других ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно С₀): *bavlnka* 'нитки для вышивания', *kl'učka*, реже А (*drůtenka*) и Г (*kolíska*); *nomina acta*: *snímka*, *záložka*; 2) *nomina instrumenti* (девербативы от inf., реже l—ptc.): *brúska*, *háčkovka*, *píši'alka*; наряду с Г₀, при образовании *nomina instrumenti* могут использоваться также и С, причем в отличие от чеш.яз., прослеживается четкая соотношенность этих образований с агентивными названиями лиц на -*ač*, редко с др. типами основ: *ohýbačka* 'штамповальный станок' (*ohýbač* 'штамповщик'); *zbijačka* 'отбойный молоток' (*zbijač* 'забойщик'); *leštička* 'полировальная машина' (*leštič* 'полировщик'); А₀ используются реже, причем в отличие от чеш.яз., употребляются основы не только отглагольных прилагательных на -*ci*, но и др. типы основ: *hobl'ovačka* 'строгальный станок' (*hobl'ováci stroj* 'то же'), *obrábačka* 'обрабатывающий станок' (*obrábačí stroj* 'то же'), *odstředivka* 'центрифуга' (*odstředivý* 'центробежный'); 3) ботанические названия (чаще всего названия трав и цветов): *žltuška*, *papul'ka*, *jesienka*, *srdcovka*, реже др. видов: *žipka*, *májovka*, СБ преимущественно И₀; 4) зооназвания (чаще всего птиц и насекомых): *pustovka*, *sliepka*, *zelienka*, *medárka*, *piliarka*, реже др. видов: *valaška*, СБ преимущественно И₀, редко Г (*kvočka*); 5) названия видов пищи: *nátierka*, *zájedka*, *závarka*, СБ преимущественно Г₀, реже И (*smotanka*, *sódovka*); 6) наз-

вания болезней: *horúčka, ružienka, žihl'avka*, СБ преимущественно А₀, реже Г (*látka*); 7) анатомические названия: *dúhovka, rohovka*, СБ — А₀; 8) названия веществ, материалов: *vanilka, smradl'avka, vakovka* (разг.), СБ — И и Г₀; 9) названия атмосферных и погодных явлений; *prehánka, búrka*, СБ — С и Г₀; 10) астрономические названия: *polárka*.

В словенском языке суф.-k(a)₁ используется прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже — *nomina instrumenti*, зоонимов и названий видов пищи, в образовании имен других ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат А и Г₀): *leskovka, lojevka, vezalka, skicirka*; 2) *nomina instrumenti* (девербативы от I—ptc.): *črpalka, pletilka, sadilka*; 3) зооназвания (чаще всего птиц и животных): *pegatka, konopljenka, sivka, rjavka*, реже др. видов: *ruska*, СБ преимущественно А₀, редко С (*čopka*); 4) названия видов пищи: *fižolovka, hrenovka, slivovka*, СБ — А₀, редко Г (*polivka*); 5) ботанические названия (чаще всего трав и деревьев): *sivka, pritlikavka, leska*, СБ — И₀, редко Г (*ovijalka*); 6) анатомические названия: *dojka, glasilka*, СБ — Г₀, редко А (*slinavka*); 7) названия веществ: *troška*; 8) названия болезней: *slinavka*.

В сербскохорватском языке суф.-k(a)₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоо- и ботанических названий, в образовании имен других ЛСГ он используется сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно Г₀): *vitka, простирка, цубалька*, редко И₀ *уљенка, петролејка*; *nomina acta*: *цепка* 'щепка', *обушка*; 2) зооназвания (чаще всего названия птиц, особенно куриц): *канопка, маторка, кокошка, финка*, реже др. видов: *ровка*, СБ преимущественно А и Г₀ (*пловка*); 3) ботанические названия (чаще всего названия трав или плодовых деревьев): *мирисавка, рунка, црнка, рањка*, реже др. видов: *боровка*, СБ — И₀; 4) *nomina instrumenti* (девербативы от inf. и I—ptc.): *вртка, ловка, крцаљка, навиуљка*; 5) анатомические названия: *плејка, ушка, дојка*, СБ — И и Г₀; 6) названия видов пищи: *поливка, печенка*, СБ — Г₀.

В македонском языке суф.-k(a)₁ используется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже — *nomina instrumenti*, ботанических названий и зоонимических, в образовании имен других ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно Г₀): *влечка, покривка, светилка*, реже И₀: *катунка*; *nomina acta*: *трошка, одломка*; 2) *nomina instrumenti* (девербативы от I—ptc., реже от inf.): *бувалка, вршалка, чукалка, свирка*; 3) ботанические названия (чаще всего трав): *млечка, матерка*, реже др. видов: *јаготка*, СБ преимущественно С₀, реже А (*класатка*) и Г (*повивка*); особенностью мак. яз., выделяющей его среди других славянских языков, является активное использование суф.-k(a)₁ для образования названий плодов деревьев и кустарников: *маслинка, шипка* 'ягода шиповника'; *крушка*; 4) зооназвания (чаще всего названия птиц): *ка-*

менарка, лештарка, вртиопашка, реже др. видов: штирка, СБ преимущественно С₀, реже А и Г₀ (квачка); 5) анатомические названия: жолчка, црнка, клепка, цицка, СБ — И и Г₀; 6) названия видов пищи: анасонка 'анисовая водка', вишиновка, сусамка, СБ — И₀, реже Г (изварка); 7) названия болезней: треска, трпка, СБ — Г₀; 8) названия веществ: белка, мазилка, СБ — А и Г₀; 9) названия атмосферных явлений: мрачка.

В болгарском языке суф.-k(a)₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и поміна instrumenti, значительно реже он используется для образования ботанических и зооназваний, а также названий видов пищи, в образовании имен других ЛСГ он участвует редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно Г₀): дрѣжка, повивка, постелка, реже И₀: губерка, ватенка; pomina acta: изрезка, оческа; 2) pomina instrumenti (девербативы от l—rпс., реже inf.): мьналка, пробивалка, цедка, своеобразие блг. яз. в наличии значительного числа параллельных образований с суф. -l(o)₁ и -k(a)₁: острило ~ острилка, гребало ~ гребалка, которые свидетельствуют о больших потенциальных возможностях суф.-k(a)₁ в образовании этой группы имен; в ряде случаев так же, как и в зап.-сл.яз., образование pomina instrumenti может происходить и от агентивных названий лиц на -аѣ (реже с каким-либо иным суффиксом): косачка 'косилка' (косач 'косец'), бъркачка 'бетономешалка' (бъркач 'бетонщик'), жътварка 'жнейка' (жътвар 'жнец'), в результате переразложения здесь также выделился суф.-аѣk(a)₁, который начал присоединяться уже непосредственно к Г₀: вършачка 'молотилка', роначка 'машина для лущения кукурузы' (роня 'лущить'); 3) ботанические названия (чаще всего названия трав) млечка, тимотейка, реже др. видов: трънка, червенка, СБ — И₀, реже Г (незабравка); 4) зооназвания (чаще всего названия птиц): чучулатка, патка, ярка 'молодая курица', реже др. видов: месарка, СБ — И₀, реже Г (квачка); 5) названия видов пищи (часто мучных изделий и спиртных напитков): ореховка, масленка, горчивка, ментовка, СБ — И₀, реже Г (застройка); 6) анатомические названия: бозка, жлъчка, свивка (разг.), СБ — Г и С₀; 7) названия болезней: настинка, червенка, СБ — А и Г₀; 8) названия веществ: мазилка.

Расхождения славянских языков прослеживаются не только в семантической ориентации суф.-k(a)₁ при образовании этих имен, но и в его словообразовательных связях (в мак. и блг. яз. для него характерно сочетание преимущественно с Г₀, в вост.-сл., слн. и сх. яз. — с А и Г₀, в зап.-сл. (за исключением в-луж.) — с С и Г₀, в в-луж. — с А и С₀), а также активности использования (здесь выделяются рус. и зап.-сл.яз., в которых употребление его отличается наибольшей активностью).

1.2. ЗНАЧЕНИЕ ЛИЦА СУФ.-k(a)₁

Значительно слабее по отношению к предметному выражено личностное значение суф.-k(a)₁ (в юж.-сл.яз. и в-луж. оно представлено единичными примерами). Объясняется это, по-видимому, тем, что способность суф.-k(a)₁ к образованию названий лиц женского пола во всех славянских языках ограничена его использованием для образования феминативов. В связи с этим личностное значение суф.-k(a)₁ оказалось как бы в "слабой позиции" в общей системе его значений, вследствие чего оно не получило серьезного развития ни в одном языке. В лексической реализации этого значения наблюдаются следующие особенности: в укр., чеш., слц., слн. и сх. яз. он используется преимущественно для образования *nomina attributiva*, в остальных языках суф.-k(a)₁ одинаково участвует как в образовании атрибутивных, так и агентивных названий лиц.

1.2.1. *Nomina attributiva* с суф.-k(a)₁ являются наименованиями лиц женского (реже мужского) пола по предметному, качественному, качественно-оценочному или профессиональному признаку¹⁴. Причем в вост.-сл.яз. эти имена носят в большинстве своем разговорный характер, тогда как в остальных языках они являются, как правило, стилистически нейтральными. В семантической ориентации суф.-k(a)₁ при образовании этих имен в каждом славянском языке (или группе языков) прослеживается четкая избирательность.

В русском языке суф.-k(a)₁ используется чаще всего для образования названий лиц по качественному, качественно-оценочному и предметному признаку (*одиночка, неженка, невестка*), редко по профессиональному (*техничка*), СБ служат А и С₀.

В украинском и белорусском языках суф.-k(a)₁ привлекается чаще всего для образования названий лиц по качественному и предметному признаку (укр. *русявка, падчерка*; блр. *незамужка, дзеўчынка*), реже — по оценочному (укр. *студка*, блр. *любка*) или профессиональному (блр. *пакаёўка*), СБ служат А и С₀.

В западнославянских языках (за исключением в-луж.) суф.-k(a)₁ употребляется в основном при образовании названий лиц по качественному и предметному признаку (плс. *białka, matka*; чеш. *selka, popelka*, слц. *moletka, dievka*; особенностью чеш. и слц. яз. является использование суф.-k(a)₁ при образовании названий лиц по цвету волос: чеш. *černovláška, rusovláška*; слц. *bielovláška, tmavovláška*), реже — по оценочному и профессиональному (плс. *chotka* 'ханжа' (*chota* 'добродетель'), чеш. *pápěrka* м. и ж. 'хилак' (*pápěra* 'пух'), слц. *kráska*; плс. *modelka*; чеш. *baleika*; слц. *manikúrka*). В в-луж. яз. суф.-k(a)₁ отмечен в единичных образованиях, в основе которых лежит предметный и оценочный признак (*družka, drěmoika*), СБ служат С₀, в остальных зап.-сл.яз. — С и А_{..}

В словенском и сербскохорватском языках суф.-k(a)₁ используется в названиях лиц по качественному и качественно-оценочному при-

¹⁴ Мы сознательно отказываемся от более дробной классификации, учитывающей различные статусы лица (физический тип, возраст, болезни и т.п.), предлагаемой другими исследователями (см., напр. [Мигирин, 1980]), так как чем мельче классифицирующий признак, тем труднее он поддается сопоставлению и обобщению.

знаку (слн. *rjavka, gobezdavka* 'болтушка' (*gobezdav* 'болтливый'); сх. *плавка, стидливка*), редко по профессиональному (слн. *usmiljenka*, 'сестра милосердия' (*usmiljen* 'милосердный')), СБ служат A_0 .

В македонском и болгарском языках суф.-k(a)₁ встречается лишь в названиях лиц по качественному или предметному признаку (мак. *црнка, лазарка* 'девушка, поющая песни в субботу св. Лазаря'; блг. *бездетка*, СБ служат С и A_0).

I.2.2. *Nomina agentis* с суф.-k(a)₁ отмечены в основном в вост- и зап.-сл.яз. (за исключением в-луж., где они встречаются лишь как единичные). Из юж.-сл.яз. можно выделить мак. В семантическом отношении они представляют собой наименования лиц женского (нередко мужского) пола по процессуальному, процессуально-оценочному и профессиональному признакам (причем в чеш. и слц. яз. они имеют часто ярко выраженную экспрессивную окраску).

В русском языке суф.-k(a)₁ употребляется чаще всего для образования названий лиц по процессуально-оценочному признаку (особенно в разг. речи): *выскачка, зазнайка, лакомка*; реже по процессуальному и профессиональному: *сиделка, гадалка*, СБ преимущественно inf.₀.

В украинском и белорусском языках суф.-k(a)₁ используется преимущественно при образовании названий лиц по профессиональному и процессуально-оценочному признаку (особенно в разг. речи): укр. *перекупка, торохтійка*, блр. *служка, вышчарка*, редко по процессуальному (блр. *сведка*), СБ — inf.₀.

В польском языке суф.-k(a)₁ участвует в основном в образовании названий лиц по процессуально-оценочному признаку (особенно часто по признаку 'болтливый'), причем преимущественно в разг. речи: *grzechotka* 'тараторка', *klekotka* 'болтушка', *terkotka* 'болтушка', реже по процессуальному и профессиональному (*dziadówka, prządką*), СБ — inf.₀.

В верхнелужицком языке суф.-k(a)₁ отмечен лишь в единичных образованиях, в основе которых лежит процессуальный и процессуально-оценочный признак (*točka* 'тот, кто разливает пиво', *witka*), СБ — inf.₀.

В чешском языке суф.-k(a)₁ используется чаще всего для образования названий лиц по процессуально-оценочному признаку (*mluvka* 'пустомеля', *upejpalka* ехрг. 'жеманница', *repetilka* ехрг. 'тараторка'), реже по профессиональному (*servírka*), СБ служат inf. и I—ptc.₀.

В словацком языке суф.-k(a)₁ привлекается чаще всего для образования названий лиц по профессиональному признаку (*priadka, žička, plačka*), реже по процессуально-оценочному (*vrtilka*), СБ служат преимущественно inf.₀.

В словенском языке суф.-k(a)₁ также употребляется в основном при образовании названий лиц по профессиональному признаку (*potivalka, vezalka, negovalka*), реже по процессуальному (*jedka*), СБ служат преимущественно I—ptc.₀.

В сербскохорватском языке суф.-k(a)₁ в образовании этих имен практически не участвует, ср. единичные названия лиц по процессуально-оценочному признаку (*чегрталка* 'болтун'), *дојка* (при более употребительном *дојилица*).

В македонском языке суф.-k(a)₁ используется чаще всего для об-

разования названий лиц по профессиональному признаку (*везилка, тажачка, прялка*), реже по процессуальному и процессуально-оценочному (*родилка, плачка*), СБ служат преимущественно I—ptc.

В болгарском языке суф.-k(a)₁ отмечен в единичных образованиях, в основе которых лежит процессуальный признак (*пристанка* 'девушка, вышедшая замуж без согласия родителей', *родилка*), СБ служат inf. и I—ptc.

Как видно из приведенного материала, способность суф.-k(a)₁ к образованию имен с общим значением лица реализуется в славянских языках по-разному. Однако несмотря на некоторую пестроту его семантической ориентации, нетрудно заметить, что при образовании *nomina attributiva* он используется чаще всего в названиях лиц по качественному или предметному признаку (лишь в рус., в-луж., слн., сх. яз. он привлекается и для образования названий лиц по оценочному признаку), а при образовании *nomina agentis* — по процессуально-оценочному и профессиональному.

1.3. ЛОКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-k(a)₁

Столь же невыразительно представлено в славянских языках и локативное значение суф.-k(a)₁. В юж-сл.яз. и в-луж. оно практически не получило своего развития, поэтому говорить о нем можно лишь применительно к вост- и зап-сл.яз. *Nomina loci* с суф.-k(a)₁ являются, как правило, обозначениями места либо по процессуальному признаку ("место, где совершается действие"), либо по характерному атрибутивному признаку, названному мотивирующим словом. В семантическом отношении это довольно разнородная группа имен, среди которых названия пространств, помещений, построек, сооружений (иногда даже производственных объектов), реже географического рельефа. В семантической ориентации суф.-k(a)₁ прослеживается следующая закономерность.

В вост-сл.яз. суф.-k(a)₁ привлекается чаще всего для образования названий места, где совершается действие (рус. *зимовка, свалка, парилка*; укр. *порубка, вилазка, ковзалка*; блр. *разгародка, раздзявалка, курылка*), реже — места по качественному признаку (*nomina loci* этого типа нередко представляют собой конденсаты, так как семантически мотивируются синонимичным словосочетанием с мотивирующим прилагательным в качестве определения: рус. *землянка*, укр. *анатомка*, блр. *пустка*), особенно употребительны они в разг. речи, СБ служат преимущественно Г₀ (inf. и I—ptc), реже А.

В зап-сл.яз. суф.-k(a)₁ служит чаще всего для образования локативов по отличительному качественному признаку (лишь в чеш. яз. он достаточно регулярно употребляется и для образования *nomina loci* по процессуальному признаку): плс. *glinianka, gnojówka, służbówka*; в-луж. *křiwka*; чеш. *třešňovka, pastouška*; слц. *vozovka, hrobka*; реже — по процессуальному: плс. *działka*; чеш. *skládká, sýpka*; слц. *křižovatka, záhradka*; особенностью чеш. и слц. яз. являются *nomina loci*, обозначающие производственные объекты (названия фабрик, заводов, где производится то, что названо мотивирующим словом), причем в чеш. яз.

они являются просторечными, а в слц. — разговорными или стилистически нейтральными¹⁵: чеш. *keramička* 'керамиковый завод', *textilka*, *lokomotivka*; слц. *súkenka* 'суконная фабрика', *vagónka*, *vápenka*, СБ служат преимущественно А₀ (как простые, так и осложненные суф. морфом -ov), реже С и Г.

В юж-сл.яз. суф.-k(a)₁ представлен в немногочисленных локативных образованиях, которые в большинстве своем являются обозначениями места по процессуальному признаку (отсюда преобладание Г мотивации), лишь в сх. яз. он встречается в локативах, обозначающих место по предметному признаку: слн. *vračka* 'дорога, по которой возвращается скот', *plesanka*; сх. *котарка*, *хумка*; мак. *лизгалка*; блг. *пързалка*, *пресечка*, 'перекресток'.

Использование суф.-k(a)₁ в локативном значении свидетельствует, таким образом, о довольно четкой противопоставленности вост-сл.яз. зап-сл. Дифференцирующим признаком является семантическая и словообразовательная структура этих имен. Ситуация в юж-сл.яз. свидетельствует об их близости скорее к вост-сл.яз., чем к зап-сл. (разница лишь в активности использования суф.-k(a)₁).

Итак, несмотря на общеславянский характер происхождения и распространения мутационного суф.-k(a)₁, в славянских языках отсутствует типологическое единство в его использовании: наряду с довольно существенными моментами сходства в его употреблении прослеживаются не менее существенные различия. Сходство проявляется в основном в функциональной нагрузке суф.-k(a)₁, который во всех языках используется прежде всего для образования имен с общим значением предметности. Различия связаны: с разной лексической реализацией значений лица, предметности и места суф.-k(a)₁, с разной семантической ориентацией и активностью его использования в этих значениях, отсюда и с разной степенью их развития; с разными словообразовательными связями его как при образовании имен отдельных ЛСГ, так и в целом: в мак. и блг. яз. для него характерно сочетание преимущественно с Г₀, в вост-сл., слн. и сх. яз. — с А и Г₀, в зап-сл. (за исключением в-луж.) — с С и Г₀, в в-луж. — с С и А₀, с разной емкостью его семантического поля: в зависимости от реализации этого признака славянские языки могут быть расположены следующим образом в убывающей последовательности: а) чеш. и слц. яз. (самое емкое СП); б) вост-сл.яз., плс., в-луж., мак.; в) блг., слн. яз.; г) сх. яз.; с самым распространением мутационного суф.-k(a)₁: он получил самое широкое распространение в вост- и зап-сл.яз. (именно здесь наблюдается наиболее активное его использование), из юж-сл. можно выделить лишь мак. и блг. яз.

¹⁵ Это различие в сферах употребления объясняется тем, что слц. разговорный яз. не отделен от литературного в такой степени, как чеш. литературный от разговорного, что позволяет этим названиям слц. яз. более широко внедряться в систему литературного языка, по сравнению с теми же названиями чеш. яз. [ИТСЯ, 228].

II. СУФ.-k(a)₂ ТРАНСПОЗИЦИОННЫЙ

Основным значением транспозиционного суф.-k(a)₂ во всех славянских языках является значение процессуальности. Nomina actionis с суф.-k(a)₂ представлены во всех языках (хотя степень этой представленности далеко не одинаковая). Значительно слабее у него выражено абстрактное значение: способность к образованию имен, обозначающих отвлеченный непроцессуальный признак, отмечена у него лишь в зап.-сл. и слн. яз.

II.1. ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-k(a)₂

Процессуальное значение суф.-k(a)₂, связанное с его использованием для образования имен, обозначающих отвлеченный процессуальный признак — действие или состояние, представлено в славянских языках по-разному: ярче всего оно выражено у него в вост.-сл. яз. (особенно в рус. ¹⁶) и зап.-сл. (за исключением в-луж.), из юж.-сл. можно выделить лишь мак. и блг. яз. В в-луж., слн., сх. яз. употребление суф.-k(a)₂ для образования этих имен носит достаточно нерегулярный характер. СБ nomina actionis с суф.-k(a)₂ служат преимущественно inf.^o.

Вост.-сл. яз.: рус. *качка, рубка, стирка*; укр. *біілка, вказівка, підтримка*; в укр. яз. эти образования часто носят разг. характер: *балачка, вихвалка*; блр. *абконка, гутарка, нарыхтоўка*.

Зап.-сл.яз.: плс. *młocka, motyczka, obróbka*; в-луж. *přehladka, zražka*; чеш. *bitka, dodávka, porážka*; слц. *posiedka, škriepka, triaška*.

Юж.-сл.яз.: слн. *čestiika, dirka*; сх. *поправка, псовка, свирка*; мак. *вратка, дремка, прошетка, блг. венчавка, кръщавка, приспивка*.

Из приведенного материала видно, что nomina actionis с суф.-k(a)₂ во всех языках обозначают действие как процесс, и лишь иногда они могут обозначать отдельный акт действия, ср. рус. *вспышка*; блр. *пстрычка* 'щелчок' (*пстрыкнуць* 'дать щелчок'); в-луж. *dobitka*; сх. *ћушка*; мак. *prosevka*; блг. *въздишка*.

II.2. АБСТРАКТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-k(a)₂

Способность суф.-k(a)₂ к образованию имен, обозначающих отвлеченный непроцессуальный признак (на базе А₀) практически ни в одном славянском языке развития не получила. В вост- и юж.-сл.яз. (за исключением слн.) он вообще не известен в этом значении, в слн. и зап.-сл.яз. его употребление является спорадичным, ср. плс. *oklepanka, pustka*; в-луж. *wumyslenka*; чеш. *šířka, tloušťka* 'толщина' (*tlustý* 'толстый'); слц. *dĺžka, hrúbka* 'толщина'; слн. *šaljivka, žaljivka*.

Общая картина использования транспозиционного суф.-k(a)₂ ареально может быть представлена следующим образом: а) в вост.-сл.яз., мак. и блг. он служит лишь для образования nomina actionis (причем

¹⁶ В укр. и блр. яз. способность суф.-k(a)₂ к образованию nomina actionis в значительной степени ограничена более употребительными в этом значении суффиксами, в частности в укр. суф.-ння (ср. рус. *валка* ~ укр. *валяння, дойка* ~ *дойння*), в блр. — суф.-нне (ср. рус. *буксовка* ~ *буксаванне, вырубка* ~ *высяканне*).

используется активно, в отличие от сх. яз., где употребляется редко); б) в плс., чеш., слц. яз. он используется для образования *nomina actionis* (активно) и *nomina abstracta* (пассивно); в) в-луж., слн. яз. — и в той, и в другой группе имен употребляется редко. Таким образом, только вост-сл.яз. демонстрируют единство в функционировании транспозиционного суф.-k(a)₂, в зап- и юж-сл.яз. такого единства не наблюдается.

III. СУФ.-k(a), МОДИФИКАЦИОННЫЙ

Основными значениями модификационного суф.-k(a)₂ во всех славянских языках (за исключением сх.) являются деминутивное и феминативное (в сх. яз. только феминативное), остальные его значения (собирательное, сингулятивное и др.) являются периферийными и конкурировать с ними не могут.

III.1. ФЕМИНАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-k(a)₂

Феминативное значение суф.-k(a)₂ известно всем славянским языкам, однако используется он в этом значении далеко не одинаково: если в вост- и зап-сл.яз. он является одним из основных суффиксов "женскости", то в юж-сл.яз. функционирование его ограничено активным употреблением суф.-ic(a)₂. Представленные в славянских языках феминативы в семантическом отношении распадаются на две группы: 1) названия лиц женского пола, корреспондирующие с соответствующими названиями мужского рода; 2) названия самок животных.

III.1.1. Названия лиц женского пола. Образование феминативов с суф.-k(a)₂ происходит на базе соответствующих атрибутивных или агентивных названий лиц мужского пола, причем во всех языках (за исключением укр., слн., мак. и блг.) атрибутивные названия лиц используются, как правило, активнее в качестве мотивирующих, чем агентивные, в укр., слн., мак. и блг. яз. такой избирательности не наблюдается.

А. Названия лиц женского пола, мотивированные атрибутивными названиями лиц мужского пола (*nomina attributiva*). Феминативы, являющиеся коррелятами к соответствующим атрибутивным названиям лиц мужского пола, во всех славянских языках мотивируются: а) немотивированными сущ. (модель -Ø~-k(a)); б) мотивированными сущ. с суф.-ec (модель -ec~-k(a)), -ag (модель -ag~-agk(a)), -ač (модель -ač~-ačk(a)), -ak (модель -ak~-ačk(a)), -ik (модель -ik~-ičk(a)), -ap (модель -ap~-apk(a)) и др. менее употребительные модели¹⁷ В каждом славянском языке использование этих моделей происходит избирательно.

В русском языке феминативы строятся чаще всего по модели

¹⁷Во всех славянских языках в качестве мотивирующих используются также сущ. с суффиксами иноязычного происхождения типа -or (модель -or~-ork(a)), -ist (модель -ist~-istk(a)), -ant (модель -ant~-antk(a)) и др., однако эти суффиксы при исследовании не учитывались как возникшие сравнительно поздно и потому не оказавшие серьезного влияния на формирование системы феминативов в славянских языках в целом и в каждом языке в отдельности.

-Ø~-k(a) или -ес~-k(a) с отсечением суф.-ес: *sosед*~*sosедка*, *цыган*~*цыганка*; *комсомолец*~*комсомолка*, *японец*~*японка*; реже по модели -ак~-аѣk(a) и -anin~-ank(a): *рыбак*~*рыбачка*, *сибиряк*~*сибирячка*; *горожанин*~*горожанка*, *северянин*~*северянка*; использование др. модели регулярного характера не имеет, ср.: -in~-k(a): *крестьянин*~*крестьянка*, -аѣ~-аѣk(a): *силач*~*силачка*; -ag~-arg(a): *дикарь*~*дикарка*; -in~-ink(a): *грузин*~*грузинка*, -čanin~-čank(a): *англичанин*~*англичанка*; -Ø~-ank(a): *грек*~*гречанка*; -Ø~-enk(a): *француз*~*французенка*; -Ø~-ovk(a): *вор*~*воровка*; -ik~-iċk(a): *фронтвик*~*фронтвичка*; -ес~-ank(a): *горец*~*горянка*; -ес~-аѣk(a): *гордец*~*гордячка* (разг.); -iċ~-iċk(a): *москвич*~*москвичка* и др. модели, использование которых носит спорадический характер.

В украинском языке образование феминативов происходит чаще всего по модели -ag~-arg(a), -ес~-k(a) или -Ø~-k(a): *воротар*~*воротарка*, *скотар*~*скотарка*; *англисець*~*английка*, *чужинець*~*чужинка*; *автор*~*авторка*, *вірмен*~*вірменка*; употребление др. моделей регулярного характера не имеет: -ak~-аѣk(a): *новак*~*новачка*; -un~-unk(a): *дикун*~*дикунка*; -ij~-ijk(a): *мудрий*~*мудрийка*; -iċ~-iċk(a): *родич*~*родичка*; -uk~-uċk(a): *селяк*~*селячка*; -ik~-iċk(a): *степовик*~*степовичка*; -nik~-niċk(a): *двірник*~*двірничка*; -anin~-ank(a): *кинянин*~*кинянка* и др. малоупотребительные модели.

В белорусском языке феминативы образуются в основном по модели -Ø~-k(a) или -ес~-k(a): *стараж*~*старожка*; *таварыш*~*таварышка*; *амерыканец*~*амерыканка*; *ганарлівец*~*ганарліўка*; реже по модели -ag~-arg(a) или -ак~-аѣk(a): *аптэкар*~*аптэкарка*, *пясняр*~*пяснярка*; *дзівак*~*дзівачка*, *бядак*~*бядачка*; употребление др. моделей регулярного характера не имеет, ср.: -аѣ~-аѣk(a): *багач*~*багачка*, -iċ~-iċk(a): *родзіч*~*родзічка*; -it~-itk(a): *малацьбіт*~*малацьбітка*; -ej~-ejk(a): *багацей*~*багацейка*; in~-ink(a): *асецін*~*асецінка*; -Ø~-ovk(a): *сябар*~*сяброўка*; -in~-k(a): *татарын*~*татарка*; -an~-ank(a): *грубян*~*грубянка*; -anin~-ank(a): *хутаранін*~*хутаранка* и др. спорадично употребляющиеся модели.

В польском языке при образовании феминативов чаще всего используется модель -Ø~-k(a) и -ag~-arg(a): *kuzyn*~*kuzynka*, *bułgar*~*bułgarka*; *chlewiarz*~*chlewiarka*, *kolejarz*~*kolejarka*; реже модель -nik~-niċk(a) и -ċik~-k(a): *letnik*~*letniczka*, *ogrodnik*~*ogrodniczka*; *Albańczyk*~*Albanka*, *Irańczyk*~*Irancka*; менее регулярно употребляются модели -ak~-аѣk(a): *tepak*~*tepaczka*, *ślazak*~*ślazaczka*; -anin~-ank(a): *parafianin*~*parafianka*, *Rosjanin*~*Rosjanka*; -аѣ~-аѣk(a): *bogacz*~*bogaczka*; -ес~-k(a): *cyrkowiec*~*cyrkówka*; *Słoweniec*~*Słowenka*; -ik~-iċk(a): *wspólnik*~*wspólniczka*; привлечение др. моделей последовательного характера не имеет, ср.: -uŃ~-uŃk(a): *provincjusz*~*provincjuszka*; -in~-ink(a): *Litwin*~*Litwinka*; -in~-k(a): *pogani*~*poganka*; -ik~-k(a): *Anglik*~*Angielka*; -us~-usk(a): *garbus*~*garbuska*; -as~-ask(a): *grubas*~*grubaska*; -an~-ank(a): *krajan*~*krajanka* и др. модели.

В верхнелужицком языке феминативы строятся чаще всего по модели -Ø~-k(a), -ag~-arg(a), -an~-ank(a): *miŃter*~*miŃterka*, *Dan*~*Danka*, *hribar*~*hribarka*, *husar*~*husarka*, *horjan*~*horjanka*, *Berlinjan*~*Berlinjanka*; реже по модели -čan~-čank(a), -Ø~-ovk(a): *Azičan*~*Azičanka*,

Moskowčan ~ Moskowčanka; bur ~ burowka, Rus ~ Rusowka; использование др. моделей регулярного характера не имеет, ср.: -ес ~ -k(a): *bratrowc ~ bratrowka; -er ~ -erk(a); swinjer ~ swinjerka; -ux ~ -ušk(a); čornuch ~ čornuška; -ak ~ -k(a); Polak ~ Pólka; -ec ~ -ecovk(a); Njenc ~ Njen-cowka* и др. модели.

В чешском языке при образовании феминативов чаще всего используется модель -Ø ~ -k(a) и -ag ~ -ark(a): *agronom ~ agronomka, Ital ~ Italka; rybář ~ rybářka, zelinář ~ zelinářka*; реже модель -ес ~ -k(a), -an ~ -ank(a), -ak ~ -ačk(a): *cizinec ~ cizinka, Říman ~ Římanka; levák ~ le-vačka, školák ~ školačka*; остальные модели употребляются менее регулярно, ср.: -ír ~ -irk(a): *nožič ~ nožička; -ik ~ -ičk(a); akademik ~ akade-mička; -ox ~ -ošk(a); divoch ~ divoška; -ak ~ -k(a); Polák ~ Polka; -al ~ -alk(a); horal ~ horalka; -ač ~ ačk(a); boháč ~ bohačka; -čan ~ -čank(a); Belgičan ~ Belgičanka* и др. спорадично встречающиеся модели.

В словацком языке феминативы строятся чаще всего по модели -Ø ~ -k(a): *mních ~ mniška, poeta ~ poetka, Brit ~ Britka*, реже используются модели -ес ~ -k(a), -ag ~ -ark(a), -an ~ -ank(a), -nik ~ -ničk(a): *starec ~ starka, Macedónc ~ Macedónka, biletár ~ biletárka, kartár ~ kar-tárka; luterán ~ luteránka* (разг.), *Egypt'an ~ Egypt'anika; čajník ~ čajnička, pútnik ~ pútnička*; употребление др. моделей является нерегулярным, ср.: -ak ~ -ačk(a): *jedinák ~ jedináčka; -čan ~ -čank(a); Brazilčan ~ Brazilčan-ka; -ox ~ -ošk(a); černoch ~ černoška; -al ~ -alk(a); goral ~ goralka* и др. мо-дели.

В словенском языке образование феминативов происходит в основ-ном по модели -ес ~ -k(a): *bojazljivec ~ bojazljivka, Varšavec ~ Varšavka*; использование др. моделей носит нерегулярный характер, ср.: -Ø ~ -k(a): *črnoles ~ črnoleska, Tatar ~ Tatarka; -an ~ -ank(a); faran ~ faranka; -ag ~ -ark(a); samotar ~ samotarka; -er ~ -erk(a); garderober ~ garderoberka; -čan ~ -čank(a); Moskovčan ~ Moskovčanka; -ovec ~ -ovk(a); hribovec ~ hri-bovka; -in ~ -ink(a); domačin ~ domačinka; -ič ~ -k(a); mladenič ~ mladenka; -ek ~ -k(a); pastorek ~ pastorka* и др. малоупотребительные модели.

В сербскохорватском языке суф.-k(a); сравнительно редко при-влекается для образования феминативов, причем строятся они, как правило, по модели -ag ~ -ark(a): *govedar ~ govedarka, kolačar ~ kola-čarka*; использование др. моделей регулярного характера не имеет¹⁸, ср.: -Ø ~ -k(a): *siromač ~ siromашka, kalvin ~ kalvinka; -ес ~ -k(a); ubogač ~ uboška, оmlадинач ~ оmlадинка; -ok ~ -k(a); тетак ~ тетка; -ič ~ -k(a); племий ~ племка*. И только в одном случае суф.-k(a) исполь-зуется достаточно регулярно: когда необходимо назвать лицо жен-ского пола по его территориальной или национальной принадлеж-ности. Тогда феминативы образуются чаще всего с суф.-k(a); по мо-делям: -ес ~ -k(a), -in ~ -k(a), -anin ~ -ank(a), -čanin ~ -čank(a): *доли-нац ~ долинка, Босанац ~ Босанка; Бугарин ~ Бугарка, Јерменин ~ Јер-*

¹⁸ При образовании подобного рода феминативов и по тем же моделям зна-чительно активнее используется суф.-ic(a), ср.: -ag ~ -agic(a): *рибар ~ рибарица, птичар ~ птичарица; -Ø ~ -ic(a): сват ~ сватица, краљ ~ краљица; -ес ~ -ic(a): ста-рац ~ старица, глушац ~ глушица; -ik ~ -ic(a): гладник ~ гладница, духовник ~ ду-ховница*. По данным Б. Чорича [1982, 87] феминативов с суф.-ic(a) в 3 раза больше, чем с суф.-k(a).

менка; селянин ~ селянка, Норвежанин ~ Норвежанка; Загребчанин ~ Загребчанка, Лублянчанин ~ Лублянчанка; реже используются др. модели: -Ø ~ -k(a): Румун ~ Румунка; -ак ~ -аџк(a): Поляк ~ Полячка др.

В македонском языке ситуация такая же, как и в сх., т.е. регулярное использование суф.-k(a); наблюдается лишь при образовании феминативов, являющихся *nomina nationalia et regionalia*, основная модель -ес ~ -k(a): Грузиец ~ Грузијка, Сибирец ~ Сибирка, Монголец ~ Монголка; реже используются модели -Ø ~ -k(a): Хrvat ~ Хrvatка; -in ~ -ink(a): Белорусин ~ Белорусинка; -in ~ -k(a): Циганин ~ Циганка; -anin ~ -ank(a): Московјанин ~ Московјанка; при образовании др. феминативов использование суф.-k(a); носит более ограниченный характер, наиболее употребительной является модель -ag ~ -arg(a): лебар ~ лебарка, рибар ~ рибарка; -ес ~ -k(a): првенец ~ првенка, страшливец ~ страшливка; менее употребительны модели -Ø ~ -k(a): братучед ~ братучетка; -аџ ~ -аџк(a): шегач ~ шегачка; -ак ~ -аџк(a): немач ~ немачка; -nik ~ -ničk(a): патник ~ патничка; -ik ~ -ičk(a): службеник ~ службеничка; -anin ~ -ank(a): селанин ~ селанка; -in ~ -k(a): бакалин ~ бакалка и др.¹⁹

В болгарском языке образование феминативов происходит чаще всего по модели -ag ~ -arg(a) или -ес ~ -k(a): гьсар ~ гьсарка, лодкар ~ лодкарка; сьнливец ~ сьнливка, шведец ~ шведка; реже по модели -Ø ~ -k(a), -ак ~ -аџк(a): игумен ~ игуменка, негър ~ негърка; прстак ~ прстачка, южняк ~ южнячка; использование др. моделей носит нерегулярный характер, ср.: -in ~ -k(a): арабин ~ арабка; -anin ~ -ank(a): селянин ~ селянка; -an ~ -ank(a): дебелин ~ дебелинка; -aš ~ -ašk(a): богаташ ~ богаташка; -džija ~ -džijk(a): сметкаджия ~ сметкаджийка; -ik ~ -ičk(a): химик ~ химичка; -nik ~ -ničk(a): чертожник ~ чертожничка и др. модели.

Во всех славянских языках суф.-k(a); участвует также в образовании феминативов, имеющих значение 'жена лица, названного мотивирующим словом'. Особенно выразительно эта нагрузка суф.-k(a); представлена у него в укр., слц., плс. и блг. яз. Причем эти образования имеют широкий стилистический диапазон: от стилистически нейтральных до разговорных (в укр., слц., блг.) и просторечных (в слц.), ср.: рус. моряк ~ морячка; укр. млинар ~ млинарка, лимар ~ лимарка, чабан ~ чабанка; блр. салдат ~ салдатка; плс. *bednarz* ~ *bednarka*, *fornal* ~ *fornalka*, *kowal* ~ *kowalka*; чеш. *manžel* ~ *manželka*; слц. *mäsiar* ~ *mäsiarka*, *farar* ~ *fararka*, *doktor* ~ *doktorka*; слн. *sultan* ~ *sultanka*; сх. *златар* ~ *златарка*; мак. *овчар* ~ *овчарка*; блг. *говедар* ~ *говедарка*, *кръчмар* ~ *кръчмарка*, *майор* ~ *майорка*.

Нетрудно заметить, что основными словообразовательными моделями, характерными для всех языков, являются модели -Ø ~ -k(a), -ес ~ -k(a), -ag ~ -arg(a), однако в распределении этих моделей просле-

¹⁹ В мак. яз. при образовании феминативов, мотивированных немотивированными сущ., а также сущ. с суф.-ik, -ес, -nik значительно активнее используются суф.-ic(a) или -nic(a), ср.: -Ø ~ -ic(a): *гроф* ~ *грофица*, *даскал* ~ *даскалица*; -ес ~ -ic(a): *светец* ~ *светица*, *слепец* ~ *слепица*; -ik ~ -ic(a): *никакаквк* ~ *никаквица*, *завареник* ~ *завареница*; -nik ~ -nic(a): *кукник* ~ *кукница*, *богатник* ~ *богатница*.

живается интересная закономерность: в зап.-сл.яз. употребляется чаще всего модель $-O \sim -k(a)$, в юж.-сл. — модель $-ec \sim -k(a)$, в вост.-сл.яз. обе эти модели используются одинаково активно, т.е. в вост.-сл.яз. как бы отражается ситуация зап- и юж.-сл.яз. (причем ярче всего это проявляется в укр. яз., где кроме этих двух моделей, активно используется модель $-ag \sim -agk(a)$, получившая также широкое распространение в зап- и юж.-сл.яз). Нельзя не отметить и тот факт, что в каждом языке образование феминативов носит индивидуальный характер, о чем свидетельствует, с одной стороны, избирательность моделей и их дистрибуция, а с другой — существование в языках специфичных, только им присущих моделей, ср.: рус. $-ec \sim -ačk(a)$, укр. $-uk \sim -učk(a)$, $-ij \sim -ijk(a)$, блр. $-it \sim -itk(a)$, плс. $-šik \sim -k(a)$, $-as \sim -ask(a)$, в-луж. $-ec \sim -ecovk(a)$, чеш. $-ir \sim -irk(a)$, слн. $-ič \sim -k(a)$, блг. $-džija \sim -džijk(a)$.

Б. Названия лиц женского пола, мотивированные агентивными названиями лиц мужского пола (*nomina agentis*). Феминативы, являющиеся коррелятами к соответствующим агентивным названиям лиц мужского пола, в отличие от рассмотренных, характеризует меньшее разнообразие моделей, по которым они образуются (наибольшей фреквентностью обладают модели $-ec \sim -k(a)$, $-ač \sim -ačk(a)$, $-tel \sim -telk(a)$), причем в каждом языке прослеживается избирательность в их использовании.

В русском языке суф. $-k(a)$; сравнительно редко используется в образовании подобных феминативов, причем строятся они в основном по модели $-ec \sim -k(a)$: *беженец* ~ *беженка*, *торговец* ~ *торговка*; реже $-ag \sim -agk(a)$: *знахарь* ~ *знахарка*, как единичные встречаются модели $-ač \sim -ačk(a)$: *трепач* ~ *трепачка* (прост.), $-ux \sim -ušk(a)$: *пастух* ~ *пастушка*.

В украинском языке, в отличие от русского, суф. $-k(a)$; активно используется в образовании рассматриваемых феминативов, причем основной является модель $-ač \sim -ačk(a)$: *збирач* ~ *збирачка*, *перекладач* ~ *перекладачка*, *читач* ~ *читачка*; реже употребляется модель $-tel \sim -telk(a)$: *мучитель* ~ *мучителька*, *хранитель* ~ *хранителька*; $-ag \sim -agk(a)$: *казар* ~ *казарка*, *пекар* ~ *пекарка*; $-up \sim -upk(a)$: *опікун* ~ *опікунка*, *плигун* ~ *плигунка*; употребление др. моделей регулярного характера не имеет, ср.: $-ec \sim -k(a)$: *торговець* ~ *торговка*; $-ak \sim -ačk(a)$: *співак* ~ *співачка*; $-ij \sim -ijk(a)$: *крадій* ~ *крадійка* и др.

В белорусском языке ситуация такая же, как и в русском, с той разницей, что основными моделями являются $-ag \sim -agk(a)$, $-ač \sim -ačk(a)$ и $-tel \sim -telk(a)$ ²⁰: *гандляр* ~ *гандлярка*, *уладар* ~ *уладарка*; *глядяч* ~ *глядячка*, *слухач* ~ *слухачка*; *збавіцель* ~ *збавіцелька*, *крыўдзіцель* ~ *крыўдзіцелька*; как единичные встречаются модели $-up \sim -upk(a)$: *вяшчун* ~ *вяшчунка*; $-ak \sim -ačk(a)$: *спявак* ~ *спявачка*; $-ec \sim -k(a)$: *бежанец* ~ *бежанка*; $-ataj \sim -atajk(a)$: *завадатай* ~ *завадатайка* и др.

В польском языке образование феминативов происходит чаще все-

²⁰ Использование этой модели отличается непоследовательностью, так как наряду с ней получила распространение и модель $-tel \sim -telnic(a)$: *выхавацель* ~ *выхавацельніца*, *натхніцель* ~ *натхніцельніца*.

го по модели -tel~telk(a) или -ač~-ačk(a): *mściciel~mścicielka, rodziciel~rodzicielka; biegacz~biegaczka, pakowacz~pakowaczka* 'упаковщица'; реже по модели -ar~-ark(a): *łuszczarz~łuszczarka, pisarz~pisarka*; использование др. моделей носит нерегулярный характер: -ak~~-ačk(a): *pijak~pijaczka; -ek~-k(a): wrózek~wróżka; -ox~-ošk(a): śpιοch~śpioszka; -uś~-ušk(a): utracjusz~utracjuszka; -un~-unk(a): piastun~piastunka; -er~-erk(a): pasterz~pasterka; -nik~ničk(a): rysownik~rysowniczka* и др.

В верхнелужицком языке феминативы строятся чаще всего по модели -ar~-ark(a) или -er~-erk(a): *čítar~čitarka, jěchar~jěcharka; džětačer~džětačerka, kurjer~kurjerka*; реже по модели -tel~telk(a): *chowaćel~chowaćelka, stworićel~stworićelka*; употребление др. моделей регулярного характера не имеет: -ec~-ecowk(a): *kupc~kupcowka; -yr~-yrk(a): pastyr~pastyrka* и др.

В чешском языке феминативы с суф.-k(a), образуются, как правило, по модели tel~telk(a): *obyvatel~obyvatelka, sestavovatel~sestavovatelka, cestovovatel~cestovovatelka*; реже по модели -ač~-ačk(a): *hádač~hádačka*; менее регулярно используются модели -ar~-ark(a): *klepař~klepařka; -ič~-ičk(a): topič~topička; eč~-ečk(a): svářeč~svářečka; -ak~-ačk(a): kuřák~kuřačka; -al~-alk(a): chechtal~chechtalka*; употребление др. моделей отличается спорадичностью: -il~ilk(a): *žvanil~žvanilka; -ir~-irk(a): kresliř~kresliřka; -un~-unk(a): pěstoun~pěstounka; -ic~-ičk(a): dědic~dědička; -ec~-k(a): přistěhovalec~přistěhovalka*.

В словацком языке образование феминативов происходит чаще всего по модели -ač~-ačk(a) или -tel~telk(a): *predavač~predavačka, skúšač~skúšačka; predstaviteľ~predstaviteľka, učiteľ~učiteľka*; реже по модели -ar~-ark(a): *luhár~luhárka, pletiar~pletiarka* и -nik~ničk(a): *panovník~panovníčka, výtvarník~výtvarnička*, однако эта модель используется нерегулярно, так как параллельно с ней употребляется модель -nik~-nic(a): *klebetník~klebetnica, lichotník~lichotnica*; употребление др. моделей регулярного характера не имеет: -ak~-k(a): *bosorák~bosorka; ič~-ičk(a): balič~balička; -un~-unk(a): pestún~pestúnka* и др.

В словенском языке феминативы строятся, как правило, по модели -ec~-k(a): *pevec~pevka, prosilec~prosilka, ikalec~ikalka*; остальные модели используются нерегулярно: -aj~-ajk(a): *točaj~točajka; -ač~-ačk(a): gostač~gostačka; -in~-ink(a): trpin~trpinka; -ar~-ark(a): smičar~smičarka* и др.

В сербскохорватском языке суф.-k(a), используется нерегулярно при образовании феминативов, чаще всего они строятся по модели -tel~telk(a): *покровитељ~покровитељка, родитељ~родитељка, хранитељ~хранитељка*²¹; реже по модели -ec~-k(a): *доводац~до-*

²¹ Употребление модели -tel~telk(a) носит в сх. яз. нерегулярный характер, так как параллельно с ней используется модель -tel~telic(a): *пријатељ~пријатељка, укротитељ~укротитељка*. Однако в последнее время, по наблюдениям Б. Чорича [Боруй, 1982, 114, 161], происходит активизация модели с суф.-k(a), в результате появляются варианты типа *учитељ~учитељка~учитељка*. РСХКJ [1967—1976] дает одинаковое количество примеров для обеих моделей.

вотка, продавац ~ продавка; -ag ~ -arg(a); владар ~ владарка; -ig ~ -irk(a); пастир ~ пастирка и др.²²

В македонском языке образование феминативов происходит чаще всего по модели *-ač ~ -ačk(a)*: *берач ~ берачка, готвач ~ готвачка, крадач ~ крадачка*; реже по модели *-tel ~ -telk(a)*: *жител ~ жителка, писател ~ писателка*; использование др. моделей регулярного характера не имеет: *-es ~ -k(a)*: *бегалец ~ бегалка -nik ~ -ničk(a)*: *сводник ~ сводничка; -ag ~ -arg(a)*: *владар ~ владарка* и др.

В болгарском языке феминативы с суф. *-k(a)*₃ строятся чаще всего по модели *-ač ~ -ačk(a)* или *-tel ~ -telk(a)*: *бегач ~ бегачка, гладач ~ гладачка; гадател ~ гадателка, ценител ~ ценителка*; реже используется модель *-es ~ -k(a)*: *прищелец ~ пришелка, страдалец ~ страдалка*; употребление др. моделей является sporadическим: *-ag ~ -arg(a)*: *бръснар ~ бръснарка, пекар ~ пекарка* и др.

Использование суф. *-k(a)*₃ при образовании феминативов, корреспондирующих с агентивными названиями лиц мужского пола, имеет в славянских языках более ограниченный характер, чем при образовании феминативов — *nomina attributiva*, так как в таких языках, как рус., блр. и сх. эту функцию значительно активнее выполняет суф. *-nis(a)*₃ (*a* в сх. яз., кроме того, *-ic(a)*₃). Из моделей, имеющих общеславянское распространение, можно выделить модель *-ač ~ -ačk(a)*, которая особенно активно используется в зап.-сл.яз., укр., мак. и блг., *-tel ~ -telk(a)*, известную всем языкам, за исключением рус. и слн. (в рус. яз. эта модель представлена как *-tel ~ -telnic(a)*: *учитель ~ учительница*; в слн. — как *-tel ~ -telic(a)*: *prijatelj ~ prijateljica*), *-ag ~ -arg(a)*, употребляющуюся в основном в зап.-сл.яз., укр. и блр., *-es ~ -k(a)*, использование которой характерно прежде всего для рус. и юж.-сл.яз. (особенно слн.). Кроме моделей, имеющих общеславянский характер, существуют и ареально ограниченные модели: в в.-луж. модель *-eg ~ -egk(a)*, в плс. — *-ox ~ -ošk(a)*, в чеш. — *-il ~ -ilk(a)*, *-ig ~ -irk(a)*, в слн. — *-in ~ -ink(a)*, *-aj ~ -ajka(a)*, в укр. — *-ij ~ -ijk(a)*. Своеобразие славянских языков проявляется и в распределении общеславянских моделей, а также в степени активности их использования в каждом языке.

III.1.2. Названия самок животных. Эта группа феминативов представлена незначительным числом образований, СБ которых служат преимущественно немотивированные суц., обозначающие соответствующих животных, т.е. во всех языках (за исключением слц. и сх.) используется прежде всего модель *-Ń ~ -k(a)*. Об употребительности др. моделей из-за слабой представленности имен говорить достаточно сложно, однако можно отметить, что почти во всех языках используется также модель *-es ~ -k(a)*, а в юж.-сл., кроме того, модель *-ok ~ -k(a)*, привлечение др. моделей является sporadическим.

Вост.-сл.яз.: рус. *-Ń ~ -k(a)*: *голубь ~ голубка, перепел ~ перепелка*;

²² В этой функции и в тех же моделях в сх. яз. значительно активнее используется суф. *-ic(a)*, ср. модель *-es ~ -ic(a)*: *гаталац ~ гаталица, скиталац ~ скиталица; -ag ~ -agic(a)*: *кувар ~ куварица, плетар ~ плетарица; -ač ~ -ačic(a)*: *играч ~ играчица, певач ~ певачица*. О конкуренции этих моделей см. Б. Чорич [1982, 71].

-Ø ~ -ovk(a): *чиж* ~ *чижовка*, *щегол* ~ *щегловка*; -ес ~ -k(a): *телец* ~ *телка*; -аг ~ -ark(a): *глухарь* ~ *глухарка*; укр. -Ø ~ -k(a): *індик* ~ *індичка*, *лебідь* ~ *лебідка*, -ак ~ -k(a): *гусак* ~ *гуска*; -ок ~ -k(a): *канарок* ~ *канарка* 'канарейка'; -ук ~ -učk(a): *тетерюк* ~ *тетерючка*; -ес ~ -k(a): *самець* ~ *самка*; блр. -Ø ~ -k(a): *трус* ~ *труска* 'крольчиха', *цяцера* ~ *цяцерка*; -ес ~ -k(a): *жарабец* ~ *жаробка*; -аг ~ -k(a): *качар* ~ *качка*; -ак ~ -k(a): *гусак* ~ *гуска*.

Зап.-сл.яз.: плс. -Ø ~ -k(a): *folbut* ~ *folbutka* 'чистокровная кобыла', *kot* ~ *kotka*; -ек ~ -k(a): *bułanek* ~ *bułanka*, *kasztanek* ~ *kasztanka*; -ог ~ -k(a): *kaczor* ~ *kaczka* 'утка'; в-луж. -Ø ~ -k(a): *ćecor* ~ *ćecorka*; чеш. -Ø ~ -k(a): *ještěr* ~ *ještěrka*; -ак ~ -k(a): *lišák* ~ *liška*; -ек ~ -k(a): *daněk* ~ *daňka*; слц. -ik ~ -k(a): *máčik* ~ *mačka* 'кошка'; -ак ~ -k(a): *toriak* ~ *morka* 'индюшка'; -ег ~ -k(a): *káčer* ~ *kačka*.

Юж.-сл.яз.: слн. -Ø ~ -k(a): *medved* ~ *medvedka*; *gos* ~ *goska*; -ес ~ -k(a): *ruševac* ~ *ruševka* 'тетерка'; -ек ~ -k(a): *maček* ~ *mačka*; -ак ~ -k(a): *gosak* ~ *goska*; сх. -ес ~ -k(a): *яловац* ~ *яловка*, *канаринац* ~ *канаринка*; -ок ~ -k(a): *мечак* ~ *мечка* 'медведица', *хурак* ~ *хурка* 'индюшка'; -аг ~ -ark(a): *вењар* ~ *вењарка* 'самка серого дрозда'; мак. -Ø ~ -k(a): *мисир* ~ *мисирка* 'индюшка', *тетреб* ~ *тетренка*; -ог ~ -k(a): *мачор* ~ *мачка* 'кошка'; -ак ~ -k(a): *гусак* ~ *гуска*; блг. -Ø ~ -k(a): *хрът* ~ *хрътка* 'борзая', *куче* ~ *кучка*; -ес ~ -k(a): *семец* ~ *самка*; -ак ~ -k(a): *котак* ~ *котка*; -ок ~ -k(a): *паток* ~ *патка* 'утка'; -ак ~ -ačk(a): *малак* ~ *малачка* (диал.) 'молодая буйволица'.

Использование суф.-k(a)₃ для образования названий самок животных имеет в славянских языках непоследовательный характер, так как употребительность его ограничена суф.-ic(a)₃, который в зап. и юж.-сл.яз. (за исключением блг.), а также в укр. используется значительно активнее, чем суф.-k(a)₃, в рус., блр. и блг. яз. с той же степенью активности. Особенно интересна ситуация в зап.-сл.яз.: здесь при образовании имен с общим значением женскости произошло четкое разделение сфер функционирования суф.-k(a)₃ и -ic(a)₃: если суф.-k(a)₃ используется преимущественно в названиях лиц, то суф.-ic(a)₃ — в названиях самок животных, ср.: плс. *bocian* ~ *bocianica* 'аистиха', *chari* ~ *charcica* 'борзая', *łoś* ~ *łośica*; в-луж. *bar* ~ *barica* 'медведица', *hoľb* ~ *hoľbica*, *ston* ~ *stonica*; чеш. *drozd* ~ *drozdice*; *čáp* ~ *čápice* 'аистиха', *hřebec* ~ *hřebice*; слц. *sokol* ~ *sokolica*, *zajac* ~ *zajačica*, *vrabec* ~ *vrabčica*.

Использование суф.-k(a)₃ как суффикса женскости ареально может быть представлено следующим образом: 1) суф.-k(a)₃ употребляется при образовании всех видов феминативов (названий лиц женского пола, мотивированных как атрибутивными, так и агентивными названиями лиц мужского пола, названий самок животных) — укр., слн., мак., блг. яз.; 2) суф.-k(a)₃ привлекается для образования названий лиц женского пола, мотивированных преимущественно *potiņa attributiva*, а также названий самок животных — зап.-сл., рус., блр., сх. яз. Функционирование суф.-k(a)₃ в феминативном значении обнаруживает, таким образом, с одной стороны, элементы сходства славянских языков (проявляющиеся прежде всего в общеславянском характере его использования, а также в существовании множества эквивалентных моделей, по которым строятся феминативы), а с другой —

различия, которые связаны с распределением этих моделей, их избирательностью и употребительностью, а также с самой функциональной нагрузкой суф.-k(a). Причем различия эти прослеживаются даже между близкородственными языками: в вост-сл.яз., напр., выделяется укр., в котором суф.-k(a) активно участвует в образовании феминативов, мотивированных не только атрибутивными, но и агентивными названиями лиц муж. пола; в зап-сл.яз., с одной стороны, выделяется в-луж., в котором образование феминативов происходит по моделям, находящимся в пассиве и др. зап-сл.яз. (типа -ap ~ -ank(a), -eg ~ -erk(a)), а с другой — плс. яз., в котором суф.-k(a) активнее, чем в др. зап-сл.яз., используется при образовании названий самок животных; в юж-сл.яз. также, с одной стороны, выделяется слн., в котором образование феминативов, обозначающих лиц женского пола, происходит чаще всего по одной модели — -es ~ -k(a), а с другой — сх., в котором феминативное значение суф.-k(a) получило слабое развитие. Ситуация в юж-сл.яз. особенно интересна тем, что в них можно пронаблюдать последовательные стадии утверждения феминативного суф.-k(a) от самой начальной, представленной в сх. яз., где он уже утвердился при образовании феминативов — *potina nationalia et regionalia*, через промежуточные в мак. яз., где в отличие от сх., он начал утверждаться и при образовании феминативов, мотивированных агентивными названиями лиц мужского пола, и слн., где суф.-k(a) уже активно используется при образовании всех видов феминативов, к конечной — в блг., где в отличие от слн., он не только употребляется при образовании всех видов феминативов, но и начинает теснить суф.-ic(a) при образовании названий самок животных.

III.2. ДЕМИНУТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-k(a)

Функционирование суф.-k(a) в деминутивном значении отличается большей последовательностью, чем в феминативном, так как во всех славянских языках (за исключением лишь сх.) он привлекается для образования имен с общим значением уменьшительности (в сх. яз. он в этой функции практически не известен). Присоединяясь к основам сущ. ж.р. на -a или на согласный (бывшие основы на -Ń), реже к основам муж. р. или общего р., обозначающих живые существа или предметы, суф.-k(a) во всех языках образует имена с уменьшительным (как правило, позитивным) значением, которое нередко сопровождается экспрессией ласкательности, иногда уничижительности. Основное различие славянских языков связано с его семантической ориентацией и регулярностью использования.

Пожалуй, только в зап-сл.яз. употребление деминутивного суф. -k(a) носит регулярный характер, его "конкурент" в этом значении суф. -ic(a) либо вообще утрачен (в плс., в-луж.яз.), либо практически утрачен (в чеш. и слц.) [Warchoń, 1984, 318, 323, 328]. Причем суф. -k(a) дает в основном "чистые" деминутивы, образование экспрессивно-деминутивных форм происходит, как правило, с помощью его расширенных вариантов — суф. -ičk(a), -ulk(a), -očk(a) и др.: суф. -k(a) уменьшительный: плс. *klapka: klapa, łączka: łąka, żyłka: żyła*; в-луж. *kopřiwka:*

kopřiva, krónka: króna, babka: baba; чеш. blanka: blána, cévka: céva, šálka: šála; слц. hrstka: hrst', paližka: palica, rovinka: rovina; ласкательный: плс. tatka: tata, brzózka: brzoza; в-луж. mulka: mula; чеш. tetka: teta; слц. odrobinka: odrobina.

В вост.-сл.яз. использование суфф. $-k(a)_3$ при образовании деминутивов не имеет уже такого регулярного характера, как в зап.-сл.яз., т.к. значение уменьшительности передается в них не только суфф. $-k(a)_3$, но и суфф. $-ic(a)_3$. Однако суфф. $-ic(a)_3$ является менее употребительным, поэтому основную нагрузку несет суфф. $-k(a)_3$ ²³. В отличие от зап.-сл.яз., суфф. $-k(a)_3$ вносит в эти образования множество оттенков экспрессивно-деминутивных значений: уменьшительно-ласкательных, ласкательных, уменьшительно-уничижительных, т.е. в этом отношении его семантический диапазон шире, чем в зап.-сл.яз.; суфф. $-k(a)_3$ уменьшительный: рус. бороздка: борозда картинка: картина; укр. галузка: галузь, хатка: хата; блр. галінка: галіна, жменька: жменя; уменьшительно-ласкательный: рус. головка: голова, сиротка: сирота; укр. кізка: коза, теличка: телиця; блр. верабейка: верабей, гадзінка: гадзіна; ласкательный: рус. ночка: ночь, пшеничка: пшеница; укр. донька: доня, зозулька: зозуля; блр. братка: брат, кумка: кума; уменьшительно-уничижительный; рус. системка: система, идея: идея; укр. бродяжка: бродяга, п'яничка: п'яниця; блр. школка: школа, пьянчужка: пьянчуга.

В юж.-сл.яз. значение объективной уменьшительности также может передаваться при помощи суфф. $-k(a)_3$ и $ic(a)_3$, однако в отличие от вост.-сл.яз., основную функциональную нагрузку несет суфф. $-ic(a)_3$, а не $-k(a)_3$. В сх.яз. он является не только основным, но и единственным активно и регулярно используемым суффиксом при образовании деминутивов ж.р. (с суфф. $-k(a)_3$ отмечены лишь единичные образования: бибка: беба 'младенец', ћерка: ћер 'дочь', а также гипокористики на базе сокращенных образований типа разг. чика, 'дека, зека). В слн., мак. и блг.яз. при образовании деминутивов используется прежде всего суфф. $-ic(a)_3$; активность его настолько велика, что на его основе возник суффикс вторичной деминутивации суфф. $-ic(a)_3$ ($-ic(a)_3 + ic(a)_3$), однако позиции суфф. $-k(a)_3$ также достаточно сильны. Он может употребляться как самостоятельно, так и в параллели с суфф. $-ic(a)_3$, т.е. от одной и той же основы можно образовать деминутивы с обоими суффиксами.²⁴ Разница между суфф. $-k(a)_3$ и $-ic(a)_3$ в их семантической ориентации: если суфф. $-k(a)_3$ используется чаще всего для образования

²³ Суфф. $-k(a)$ обладает такой высокой словообразовательной активностью, что на его основе в вост- и зап.-сл.яз. возникли суффиксы вторичной деминутивации, получившие широкое распространение, ср. суфф. $-očk(a) < -ьka + ъka$; $-ečk(a) < -ьka + ъka$; $-ičk(a) < -ica + ъka$ и др.

²⁴ Использование того или иного суффикса при образовании деминутивов в слн. и особенно в блг.яз. Р. Бошковиц [1978, 113] связывает с фонетическим обликом мотивирующей основы: если основа осложнена суфф. $-in(a)$ или $-ic(a)$, то употребляется суфф. $-k(a)$, если же она заканчивается на $-k(a)$ или $-c(a)$, то суфф. $-ic(a)$; если же это немотивированная основа на $-a$, то возможно употребление обоих суффиксов. Однако это наблюдение можно отнести главным образом к блг.яз., так как в слн. суфф. $-ic(a)$ привлекается и в тех случаях, когда основа осложнена суфф. $-in(a)$ или $-ic(a)$, ср.: *blazinica: blazina, lisičica: lisica*.

"чистых" деминутивов (т.е. в этом отношении юж-сл.яз. оказываются ближе к зап-сл.), то суф. -ic(a)₃ — экспрессивно-окрашенных форм [Warchoł, 1984, 66]²⁵, суф. -k(a)₃ уменьшительный: слн. *dolinka* : *dolina*, *pogavička* : *pogavica*, *tiška* : *tiš*; мак. *каделка* : *кадела*, *колипка* : *колиба*, *штичка* : *штица*; блг. *бучка* : *буца*, *гушка* : *гуша*, *кроставичка* : *кроставица*; уменьшительно-ласкательный: слн. *golobička* : *golobica*, *ptička* : *ptič*; мак. *рипка* : *риба*, *жапка* : *жаба*; блг. *лелка* : *лела*, *катеричка* : *катерица*; ласкательный: мак. *старичка* : *старица*; суф. -k(a)//-ic(a): слн. *račka* : *račica* : *raca*, *tačka* : *tačica* : *tača*; мак. *стрелка* : *стрелица* : *стрела*, *ливатка* : *ливадица* : *ливада*; блг. *зълка* : *зълвица* : *зълва*; *могилка* : *могилица* : *могила*. В последнее время в мак.яз. наблюдается активизация суф. ičk(a), возникшего из наложения суф. -k(a) на ic(a), он начинает теснить суф. -ic(a), так как может выступать не только в параллели с ним (*горица* : *горичка* : *гора*), но и без него (*баричка* : *бара*, *жиличка* : *жила*). Тот же процесс протекает и в блг.яз.: первичные деминутивы с суф. -ic(a) приобретают налет архаичности и специфической стилистической окрашенности [Димитрова, 1959, 298; Кръстев, 1976, 44], тогда как суф. -ičk(a), передающий различные оттенки экспрессивности, получает все более широкое распространение (ср. *душичка*, *ръчишка*, *мушичка*).

В заключение отметим еще одну особенность в использовании суф. -k(a)₃ как уменьшительного. Она связана с его способностью образовывать экспрессивы не только от нарицательных, но и от собственных имен. Причем в вост-сл.яз. подобные образования имеют, как правило, оттенок грубоватости или пренебрежительности (ср. *Танька*, *Сашка*)²⁶, а в зап- и юж-сл.яз. (причем даже в сх.) им свойственна экспрессия ласкательности (ср. плс. *Baška*, *Mirka*; чеш. *Mařenka*, *Žofka*; в-луж. *Marka*, *Milka*; слн. *Nežka*, *Zalka*; сх. *Анка*, *Јулка*; блг. *Ганка*, *Еленка*).

III.3. СИНГУЛЯТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -k(a)₃

Сингулятивное значение суф.- k(a)₃, связанное с его использованием для образования имен, обозначающих единичный предмет в ряду однородных предметов, общеславянского характера не имеет. Оно известно, главным образом, в вост- и юж-сл.яз., а из зап-сл. — лишь в плс. и чеш. Основное различие славянских языков связано с активностью его использования (наиболее активное его употребление наблюдается в вост-сл.яз., а из юж-сл. — в сх.). Представленные в языках сингулятивы с суф. -k(a)₃ являются обозначениями: 1) частицы однородной массы (СБ служат сущ. с собирательным значением): рус. *карамелька*, *морковка*, *малинка*; укр. *полуничка* 'клубничка', *суничка*, *лусочка*

²⁵ Следует отметить, что определение семантической ориентации деминутивных суффиксов сопряжено с большими трудностями, так как значение той или иной формы (особенно в словаре) не всегда бывает четко дифференцированным, кроме того установление конкретного значения оценочного слова в отрыве от контекста практически невозможно [Нешименко, 1963, 143], поэтому при определении семантической ориентации деминутивных суффиксов мы опирались прежде всего на данные грамматик и монографических исследований.

²⁶ Некоторое исключение представляет лишь укр.яз., в котором, как указывает Г.П. Цыганенко [1982, 87], эти оттенки выражены менее ярко, чем в рус. и блр.яз.

'чешуйка'; блр. *бобка* 'горошина боба', *шчацінка*, *павуцінка*; плс. *matroladka*, *stomka*, *trzcinka*; чеш. *fazolka*, *rápěrka* 'пушинка' (*rápěra* 'пух'); сх. *воñка* 'фрукт' (*воñе* 'фрукты'), *прашка* 'пылинка' (*прах* 'пыль'), *грашка*; мак. *прашинка* 'пылинка' (*прашина* 'пыль'); блг. *перушинка* 'пушинка' (*перушина* 'пух'); 2) части или куска материала (СБ служат сущ. со значением вещества): рус. *ватка*, *суконка*, *дерюжка*; укр. *гумка* 'резинка', *пінка*, *залізка*; блр. *бляшка* 'кусочек жести', *кардонка*, *рагожка*; сх. *поздерка* 'кусочек костры'; 3) одной из одинаковых частей парных предметов (СБ служат парные сущ.): слн. *стичка* 'лыжина' (*стиці* 'лыжи').

III.4. СОБИРАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -k(a)

Обратное сингулятивному, собирательное значение суф. -k(a) в славянских языках практически не известно. Единичные образования, обозначающие группу однородных лиц, названных мотивирующим словом, отмечены лишь в плс.яз.: *kawalerka* 'молодые люди, парни', *pielgrzymka* 'группа паломников'.

Итак, омосуффикс -k(a) известен всем славянским языкам, хотя не во всех языках он получил одинаковое развитие. Различия прослеживаются прежде всего в его функциональном объеме: в сх.яз. используется в основном мутационный суф. -k(a)₁ (хотя известны, но мало употребительны транспозиционный суф. -k(a)₂ и модификационный суф. -k(a)₃); в слн. и в-луж.яз. получили распространение мутационный суф. -k(a)₁ и модификационный суф. -k(a)₃, в вост- и зап.-сл.яз. (за исключением в-луж.), в мак. и блг. употребляются все три суффикса. Функциональная нагрузка каждого из суффиксов может быть представлена следующим образом:

в рус.яз. мутационный суф. -k(a)₁ служит прежде всего для образования имен с общим значением предметности (преимущественно названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и зооназваний (в основном названий птиц), реже — лица по атрибутивному (качественному, качественно-оценочному и предметному признаку) и агентивному (чаще всего по процессуально-оценочному признаку и места (где совершается действие); транспозиционный суф. -k(a)₂ используется для образования *nomina actionis*; модификационный суф. -k(a)₃ служит для образования феминативов (являющихся обозначениями лиц женского пола (чаще всего *pot. attributia*), основная модель -Ø-k(a), -ес~ -k(a)) и самок животных), деминутивов, реже — сингулятивов;

в укр.яз. мутационный суф. -k(a)₁ употребляется для образования имен с общим значением предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения), реже — лица, главным образом, по атрибутивному (качественному и предметному) признаку и места (где совершается действие); транспозиционный суф. -k(a)₂ служит для образования *nomina actionis*; модификационный суф. -k(a)₃ используется для образования феминативов, обозначающих лиц женского пола, мотивированных атрибутивными (основная модель -Ø~ -k(a), -ес~ -k(a), -аг~ -агk(a)), и агентивными (основная модель -аџ~ -аџk(a)) названиями

лиц мужского пола, и самок животных, а также деминутивов, реже — сингулятивов;

в блр.яз. мутационный суф. $-k(a)_1$ используется прежде всего для образования имен с общим значением предметности (наиболее последовательно — названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и зоонимов (чаще всего названий птиц и насекомых), реже — лица по атрибутивному (качественному или предметному) и агентивному (процессуально-оценочному и профессиональному) признакам и места (где совершается действие); транспозиционный суф. $-k(a)_2$ употребляется для образования *nomina actionis*; модификационный суф. $-k(a)_3$ служит для образования феминативов, являющихся обозначениями лиц женского пола (чаще всего *nom. attributiva*, основная модель $-\Phi\sim-k(a)$ и $-e\sim-k(a)$) и самок животных, а также деминутивов, реже — сингулятивов;

в плс.яз. мутационный суф. $-k(a)_1$ употребляется для образования имен с общим значением предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*), реже — лица по атрибутивному (качественному и предметному) и агентивному (процессуально-оценочному) признаку и места (по атрибутивному признаку); транспозиционный суф. $-k(a)_2$ участвует в образовании прежде всего *nomina actionis*; модификационный суф. $-k(a)_3$ служит для образования феминативов, обозначающих лиц жен. пола (мотивированных преимущественно атрибутивными названиями лиц муж. пола, основная модель $-\Phi\sim-k(a)$, $-a\sim-ark(a)$), реже самок животных, а также деминутивов;

в в-луж.яз. мутационный суф. $-k(a)_1$ служит в основном для образования имен с общим значением предметности (главным образом, названий предметов хозяйственно-бытового назначения и ботанических названий (чаще всего трав); транспозиционный суф. $-k(a)_2$ практически не получил развития; модификационный суф. $-k(a)_3$ привлекается для образования феминативов (обозначающих чаще всего лиц жен. пола преимущественно *nom. attributiva*, основная модель $-\Phi\sim-k(a)$, $-a\sim-ark(a)$), $-a\sim-ank(a)$) и деминутивов;

в чеш.яз. мутационный суф. $-k(a)_1$ используется для образования имен с общим значением предметности (наиболее последовательно в названиях предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и ботанических названиях (трав, цветов), реже — лица, главным образом, по атрибутивному (качественному и предметному) признаку и места (преимущественно по атрибутивному признаку); транспозиционный суф. $-k(a)_2$ употребляется в основном для образования *nomina actionis*; модификационный суф. $-k(a)_3$ служит для образования феминативов, обозначающих чаще всего лиц жен. пола (мотивированных преимущественно атрибутивными названиями лиц муж. пола, основная модель $-\Phi\sim-k(a)$, $-a\sim-ark(a)$) и деминутивов;

в слц.яз. мутационный суф. $-k(a)_1$ служит для образования имен с общим значением предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*), реже — лица (преимущественно по атрибутивному (качественному и предметному) признаку) и места (в основном по атрибутивному признаку); транспо-

зиционный суф. $-k(a)_2$ привлекается прежде всего для образования *nomina actionis*; модификационный суф. $-k(a)_3$ употребляется для образования феминативов, являющихся чаще всего обозначениями лиц жен. пола, мотивированных преимущественно атрибутивными названиями лиц муж. пола (основная модель $-\phi\sim-k(a)$) и деминутивов;

в слн.яз. мутационный суф. $-k(a)_1$ используется прежде всего для образования имен с общим значением предметности (особенно активно названий предметов хозяйственно-бытового назначения); транспозиционный суф. $-k(a)_2$ практически не получил развития; модификационный суф. $-k(a)_3$ наиболее последовательно используется при образовании феминативов, обозначающих лиц жен. пола (мотивированных атрибутивными и агентивными названиями лиц муж. пола, основная модель $-ec\sim-k(a)$), реже самок животных, менее регулярно он привлекается для образования деминутивов;

в сх.яз. мутационный суф. $-k(a)_1$ употребляется, как правило, для образования имен с общим значением предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения, ботанических (преимущественно трав и плодовых деревьев) и зооназваний (в основном птиц); транспозиционный суф. $-k(a)_2$ практически не получил развития; модификационный суф. $-k(a)_3$ используется (но нерегулярно) при образовании феминативов, обозначающих лиц женского пола (чаще всего *nomina attributiva*, основная модель $-ar\sim-ark(a)$, $-ec\sim-k(a)$), реже — сингулятивов;

в мак.яз. мутационный суф. $-k(a)_1$ служит прежде всего для образования имен с общим значением предметности (особенно активно — названий предметов хозяйственно-бытового назначения); транспозиционный суф. $-k(a)_2$ используется, как правило, для образования *nomina actionis*; модификационный суф. $-k(a)_3$ привлекается для образования феминативов, являющихся обозначениями лиц жен. пола, мотивированных атрибутивными (основная модель $-ar\sim-ark(a)$ и $-ec\sim-k(a)$) и агентивными (модель $-a\check{c}\sim-a\check{c}k(a)$) названиями лиц муж. пола, реже деминутивов;

в блг.яз. мутационный суф. $-k(a)_1$ используется чаще всего для образования имен с общим значением предметности (особенно названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*); транспозиционный суф. $-k(a)_2$ употребляется для образования *nomina actionis*; модификационный суф. $-k(a)_3$ наиболее последовательно используется для образования феминативов, обозначающих лиц жен. пола, мотивированных атрибутивными (основная модель $-ar\sim-ark(a)$ и $-ec\sim-k(a)$) и агентивными названиями лиц муж. пола (модель $-a\check{c}\sim-a\check{c}k(a)$ и $-tel\sim-telk(a)$), реже самок животных; менее регулярно он привлекается для образования деминутивов.

Различия прослеживаются не только в функциональной нагрузке мутационного и модификационного суф. $-k(a)$, но и в реализации отдельных СЗ (см., напр., значение места суф. $-k(a)_1$ или женскости суф. $-k(a)_3$), в семантической ориентации суф. $-k(a)_1$ в значении лица и предметности, суф. $-k(a)_3$ в деминутивном значении, в емкости СП омосуффикса $-k(a)$ (самое емкое оно у него в чеш. и слц. яз.), в степени активности использования (напр., модификационного

суф. -k(a)₃ в деминутивном значении или мутационного суф. -k(a)₁ в предметном), в разной степени развития того или иного СЗ (напр., локативного у суф. -k(a)₁, практически неизвестного в в-луж. и юж-сл.яз.), в самом распространении омоуффикса -k(a), который получил самое широкое распространение в вост- и зап-сл.яз. (за исключением в-луж.), в в-луж. и юж-сл.яз. (особенно в сх.) он распространен в значительно меньшей степени (особенно это относится к транспозиционному суф. -k(a)₂ и модификационному суф. -k(a)₃).

Таким образом, несмотря на общеславянский характер происхождения и распространения омоуффикса -k(a), в славянских языках отсутствует последовательное единство в его использовании, так как функционирование его связано с избирательностью в употреблении, продиктованной внутренними потребностями каждого языка в отдельности. В связи с этим наряду со сходством (проявляющимся прежде всего в общеславянском распространении суф. -k(a)₁ и -k(a)₃, в общности функциональной нагрузки мутационного суф. -k(a)₁, ряда ЛСГ образуемых с ним имен и т.д.), в славянских языках отчетливо прослеживаются различия в его употреблении. Причем они наблюдаются не только между языками разных языковых групп, но нередко и близкородственными: так, напр., в вост-сл.яз. выделяется укр., имеющий свои особенности в использовании мутационного суф. -k(a)₁ в предметном и личностном значении, а также модификационного суф. -k(a)₃ в феминативном, которые противопоставляют его рус. и блр.яз.; в зап-сл. — в-луж. (см., напр., употребление в нем суф. -k(a)₁ в личностном и локативном значениях или суф. -k(a)₂ в процессуальном; в юж-сл.яз., с одной стороны, выделяется сх., в котором омоуффикс -k(a) получил сравнительно слабое развитие, а с другой — блг., в котором использование омоуффикса -k(a) по отношению к другим юж-сл.яз. носит более активный характер.

СУФФИКС -ak

Суф. -ak, в отличие от суф. -k(a), не обладает таким широким диапазоном значений. Во всех славянских языках он выступает в основном как мутационный суффикс, однако в ряде языков он функционирует как омоуффикс. Возникшие в процессе исторического развития словообразовательных систем некоторых славянских языков транспозиционный суф. -ak₂ и модификационный суф. -ak₃ в целом серьезного развития не получили, поэтому по отношению к мутационному суф. -ak₁ они являются периферийными. Исключение представляет лишь блг.яз., в котором модификационный суф. -ak₃ имеет столь же широкое распространение, как и мутационный суф. -ak₁.

І. СУФ. -ak₁ МУТАЦИОННЫЙ

Функциональная нагрузка мутационного суф. -ak₁ определяется использованием его всеми славянскими языками для образования имен с общим значением лица, предметности и места, причем в мак.яз. основным значением его является значение лица, в вост- и зап-сл.яз., а также в блг. — значение лица и предметности, в слн. и сх. — зна-

чение лица, предметности и места. Различия проявляются не только в распределении функциональной нагрузки суф. -ak₁, но и в степени развития каждого из его значений.

1.1. ЗНАЧЕНИЕ ЛИЦА СУФ. -ak₁

Обладая способностью к образованию имен с общим значением лица, суф. -ak₁ во всех языках (за исключением в-луж.) используется прежде всего для образования *nomina attributiva*, в в-луж. — *nomina agentis*.

1.1.1. *Nomina attributiva* с суф. -ak₁ во всех славянских языках являются наименованиями лиц чаще всего по качественному, качественно-оценочному или предметному признаку, иногда по признаку территориальной или национальной принадлежности, редко по профессиональному (лишь в слц., чеш.яз. суф. -ak₁ достаточно активно используется при образовании названий лиц по роду их деятельности). В каждом языке он ориентирован семантически по-разному. В употреблении суф. -ak₁ при образовании этих имен прослеживается следующая особенность: в вост- и зап-сл.яз. (за исключением в-луж.), а также в блг. он особенно активен в разг. речи; в в-луж., слн., сх. и мак. яз. он дает стилистически нейтральные образования. СБ их во всех языках служат преимущественно A₀ (хотя нельзя не отметить, что в зап-сл.яз. активно привлекаются и C₀).

В русском языке суф. -ak₁ употребляется прежде всего для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку (*добряк, пошляк, здоровяк*), реже по качественному (*холостяк, своляк*) и признаку места жительства (*сибиряк, туляк*), редко по национальной (*австрияк*) или профессиональной (*рыбак*) принадлежности.

В украинском языке суф. -ak₁ используется чаще всего при образовании названий лиц по качественному (*мертвяк, новак*) и качественно-оценочному признаку (*силак, тупак*), реже по признаку места жительства (*подоляк, західняк*) и совсем редко по профессиональному (*збіржак*).

В белорусском языке ситуация та же, что и в украинском: *глушак, сляпак; дзівак, дружбак; прусак; марак*.

В польском языке суф. -ak₁ привлекается чаще всего для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку (*chudziak, ciemniak, pustak*) и признаку места жительства (*Krakowiak, Lwowiak, Warszawiak*), реже по предметному (*sztubak, pąhszczyźniak*) и профессиональному (*wodniak, flisak*).

В верхнелужицком языке суф. -ak₁ употребляется для образования названий лиц по качественному (*čornak, lěwak*) и качественно-оценочному признаку (*hłupak, pjanak*), реже по признаку места жительства и роду деятельности (*horak; předženak*).

В чешском языке суф. -ak₁ наиболее последовательно используется при образовании названий лиц по качественно-оценочному признаку и признаку места жительства, реже по качественному, предметному и профессиональному. Ситуация в чеш.яз. примечательна тем, что в нем как ни в одном др. языке суф. -ak₁ особенно активен в разг. речи, давая немало экспрессивно-просторечных образований: *dobrák, chytrák*,

sprosi'ák прост.; *zálesák, měš'ák* прост., *Pražák* прост.; *cizák, školák; ovčák, poší'ák* прост.

В словацком языке ситуация та же, что и в чеш. с той лишь разницей, что здесь шире представлены стилистически нейтральные образования: *darebák podliak, hmiliak* разг.; *Záhorák, Brniak, Bratislavák* (разг.); *Ľavák, junák; lesák, dopravák* (разг.).

В словенском языке суф. -ак₁ используется в основном для образования названий лиц по качественному (*mrtvak, pešak*) и качественно-оценочному признаку (*babjak, veseljak*), редко по признаку места жительства (*južnjak*) и роду деятельности (*težak*).

В сербскохорватском языке суф. -ак₁ привлекается прежде всего для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку (*божјак, вештак, особењак*), реже по качественному (*немак, глупак*) и совсем редко по признаку национальной или профессиональной принадлежности (*Пољак, црквењак*).

В македонском языке суф. -ак₁ употребляется для образования названий лиц по качественному (*единак, имењак, левак*) и качественно-оценочному признаку (*глупак, јунак, леснак*), редко по профессиональному (*полјак*) и национальному (*Полјак*).

В болгарском языке суф. -ак₁ участвует в основном в образовании названий лиц по качественно-оценочному признаку (*дебелак, простак, цурак* разг.), реже по качественному (*единак*) или предметному (*селяк*) и совсем редко по признаку территориальной и профессиональной принадлежности (*южняк, поляк* диал.).

Из приведенного материала видно, что суф. -ак₁ во всех языках ориентирован прежде всего на образование названий лиц по качественно-оценочному признаку, лишь в укр., блр., в-луж., слн., мак. яз. он так же активно участвует и в образовании названий лиц по качественному признаку, а в зап.-сл. (за исключением в-луж.) — по признаку места жительства.

I.1.2. *Nomina agentis*. Способность суф. -ак₁ к образованию агентивных названий лиц получила развитие лишь в в-луж.яз. (в этой функции с ним не может конкурировать ни один суффикс с элементом -К-, -С-, -Ѕ-). Во всех остальных языках он используется прежде всего для образования *nomina attributiva*, поэтому *nomina agentis* представлены незначительным числом образований (особенно в рус., блр. и юж.-сл.яз.). Все они являются наименованиями лиц, как правило, по постоянному процессуальному, процессуально-оценочному или профессиональному признаку (лишь в в-луж.яз. встречаются единичные названия лиц по временному процессуальному признаку (*doběrak* 'подбирающий остатки'). В стилистическом отношении эти имена также неоднородны: если в рус., в-луж., и юж.-сл.яз. они являются стилистически нейтральными, то в укр., блр. и зап.-сл.яз. (за исключением в-луж.) они часто составляют принадлежность разговорной речи. СБ их служат inf. на -ati или -iti.

В русском языке суф. -ак₁ представлен в единичных образованиях, в основе которых лежит процессуальный (*вожак*) и процессуально-оценочный (*остряк*) признак.

В украинском языке суф. -ак₁ также используется при образовании

названий лиц по процессуальному и процессуально-оценочному признаку, однако в отличие от рус.яз., он является более употребительным (*ходак, вояк, приймак; жебрак, пияк, шарпак* разг.).

В белорусском языке суф. -ак₁ отмечен в единичных названиях, в основе которых лежит процессуальный (*бязляк*), процессуально-оценочный (*здыхляк* разг.) и профессиональный признак (*вазак*).

В польском языке суф. -ак₁ используется чаще всего при образовании названий лиц по процессуально-оценочному и профессиональному признакам (*klepak* разг. 'болтун', *świstak* разг. 'вертопрах', *stróżak, wozak*), редко по процессуальному (*sysak*).

В верхнелужицком языке суф. -ак₁ привлекается для образования названий лиц прежде всего по процессуально-оценочному признаку (*bijak, hwizdak, lizak*), значительно реже по процессуальному (*kurjak, klacak*) и профессиональному признакам (*hrjebak, wjazak*).

В чешском языке суф. -ак₁ также употребляется чаще всего при образовании названий лиц по процессуально-оценочному признаку (*lajdák, škrabák, ležák*), реже по процессуальному (*kuřák*) и профессиональному (*pasák*), разница лишь в активности использования.

В словацком языке ситуация та же, что и в чеш.: *maznák, ulievak, vrták; divák; spevák*.

В словенском языке суф. -ак₁ отмечен в единичных образованиях, в основе которых лежит процессуально-оценочный признак (*prosjak, ležak*).

В сербскохорватском языке суф. -ак₁ также представлен в единичных названиях лиц, в основе которых лежит процессуальный (*дошљак*), процессуально-оценочный (*лежак*) и профессиональный признак (*тежак*).

В македонском и болгарском языках суф. -ак₁ зафиксирован в единичных образованиях, в основе которых лежит процессуальный (мак. *дошљак*) и процессуально-оценочный признак (мак. *просјак*, блг. *просјак*).

Нетрудно заметить, что при образовании агентивных названий лиц суф. -ак₁ используется чаще всего в названиях лиц по процессуально-оценочному признаку, в вост-сл.яз., сх. и мак., кроме того, по процессуальному; в зап-сл., укр., блр. и сх.яз. он иногда встречается в названиях лиц по профессиональному признаку. Таким образом, при образовании имен с общим значением лица (независимо от того, атрибутивные или агентивные это названия) суф. -ак₁ употребляется прежде всего в названиях лиц по оценочному признаку (особенно строго этот принцип выдерживается в чеш., слц., и блг. яз.). Различия наблюдаются в лексической реализации значения лица суф. -ак₁, а также в активности его использования (которая является самой высокой в зап-сл.яз., особенно в в-луж.).

1.2. ПРЕДМЕТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -ак₁

Предметное значение суф. -ак₁ связано с использованием его всеми славянскими языками для образования имен, обозначающих: 1) предметы хозяйственно-бытового назначения (особенно активно в зап.-сл.яз.); 2) *nomina instrumenti* (особенно в в-луж.); 3) зооназвания (особенно в в-луж.); 4) ботанические (особенно в плс.); 5) анатомические; 6) названия болезней; 7) названия атмосферных и погодных явлений; 8) видов пищи; 9) названия геологических пород, минералов и проч. Причем в вост.-сл.яз., слн. и сх. суф. -ак₁ представлен чаще всего в названиях "предмет — носитель атрибутивного (качественного) признака"; в в-луж. — "предмет — носитель процессуального признака", в остальных языках — "атрибутивного и процессуального". В семантической ориентации суф. -ак₁ наблюдаются следующие особенности.

В русском языке суф. -ак₁ используется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов, при образовании имен др. ЛСГ он привлекается спорадически:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат Г и А₀): *лежак, стояк, кругляк, косяк*; редко С₀: *медяк* (разг.); 2) зооназвания (чаще всего животных): *беляк, пестряк, гончак*; реже др. видов: *светляк*, СБ преимущественно А₀; 3) ботанические названия (чаще всего трав и грибов): *сорняк, чистяк, беляк*, СБ преимущественно А₀, редко С (*козляк*); 4) названия минералов, почв: *железняк, искряк, свинчак*, СБ — И₀; 5) *nomina instrumenti*: *резак, тесак*; 6) названия болезней: *брюшняк, сыпняк* (разг.), СБ—А₀; 7) анатомические названия: *косяк*; 8) названия нечистот: *коровяк*.

В украинском языке ситуация та же, что и в рус.: 1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат И и Г₀): *срібняк, сіряк, личак, літак, лежак*; 2) зооназвания (чаще всего животных, птиц, насекомых): *хижак, рисак, тетервак, світляк, гробак*, СБ преимущественно И₀, редко Г (*ціп'як*); 3) ботанические названия (чаще всего трав) *коров'як* 'царский скипетр', *синяк, ріпак*, реже др. видов: *масляк*, СБ служат преимущественно И₀; 4) *nomina instrumenti*: *бляк, держак* 'валек'; 5) названия видов пищи: *житняк, кисляк, вишняк* (все разг.), СБ — А₀; 6) анатомические названия: *кістяк*; 7) названия болезней: *сипняк* (разг.); 8) названия минералов: *вапняк залізняк*, СБ — И₀.

В белорусском языке суф. -ак₁ употребляется преимущественно для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоо- и ботанических названий, при образовании имен др. ЛСГ он привлекается спорадически:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат И и Г₀): *смаляк, касяк, дзяржак* 'рукоятка'; 2) зооназвания (чаще всего животных): *асляк, ганчак, русак*, реже др. видов: *слізняк*, СБ преимущественно И₀, редко Г (*шчупак*); 3) ботанические названия (в основном трав): *кругляк, чысцяк, жытняк*; реже др. видов: *масляк*, СБ преимущественно А₀, реже Г (*разак*); 4) *nomina instrumenti*: *цясак, разак*; 5) названия видов пищи: *праснак*; 6) анатомические названия: *гарляк*; 7) названия болезней: *сыпняк* (разг.); 8) названия пород,

минералов: *смаляк* 'торф', *вапняк*, СБ — С₀; 9) названия нечистот: *каравяк*.

В польском языке суф. -ак₁ используется чаще всего при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и зооназваний, реже при образовании ботанических названий, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно Г и С₀): *leżak, wieszak, chlebak, śliniak*, реже А₀: *pustak*; 2) *nomina instrumenti* (девербативы от inf.₀): *motak, mieszak, toczak*; 3) зооназвания (чаще всего животных): *klusak, stepak, świstak*, реже др. видов: *ślepak, pływak*, СБ — И и Г₀; 4) ботанические названия (в основном трав): *kobylak, skrzydlak, ziarniak*, реже др. видов: *czernidlak*, СБ преимущественно С₀, реже А (*modrak*) и Г (*pełzak*); 5) названия видов пищи: *jarzębiak* 'рябиновка', *lizak, wiśniak*, СБ — С и Г₀; 6) названия минералов: *żelaziak*, 7) названия болезней: *mięsak*.

В верхнелужицком языке суф. -ак₁ служит прежде всего для образования *nomina instrumenti*, реже названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) *nomina instrumenti* (девербативы от inf.₀): *bijak, katak, klepak*; 2) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно Г₀): *comak, kolebak, warjak*, редко С₀ (*hłowak*) и А (*ślěbornak*); 3) зооназвания (чаще всего животных и птиц): *hanjak* 'скаковая лошадь', *wjelčak, nurjak, hnězďak*, реже др. видов: *cyrcak* СБ преимущественно Г и С₀, редко А (*řysak*); 4) ботанические названия (в основном трав и грибов): *mlóčnak, žottak, prawak, brězak*, СБ преимущественно И₀, редко Г (*pucherjak*); 5) анатомические названия (чаще всего пальцев): *pjeršćenjak, srjedźak, pokazowak*, СБ — И и Г₀; 6) названия погодных явлений (чаще всего дождей): *miholak, pjeršak, próšak*, СБ — Г₀; 7) названия веществ: *rozbuchowak*.

В чешском языке суф. -ак₁ используется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже *nomina instrumenti* и зоонимов, при образовании имен др. ЛСГ он привлекается спорадически:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат Г и И₀): *hořák, věšák, uhlák, větrák, železnák, širák*; 2) *nomina instrumenti* (девербативы от inf.₀): *bodák, naviják, škrabák*; 3) зооназвания (чаще всего животных, особенно лошадей): *klusák, ryzák, grošák, vlčák*, реже др. видов: *křížák*, СБ преимущественно С₀, реже А; 4) ботанические названия (чаще всего грибов, трав, овощей): *borovák, kozák, bodlák, kvěťák*, СБ преимущественно И₀; 5) названия видов пищи: *ležák, bramborák*, СБ — Г и С₀; 6) названия атмосферных и погодных явлений: *liják, severák*, СБ — Г и С₀; 7) названия веществ: *šumák*; 8) анатомические названия: *ukazovák*.

В словацком языке ситуация та же, что и в чеш.: 1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат Г и И₀): *povijak, sušiak, rebrinák, perinák, medenák, slamenák*; 2) *nomina instrumenti* (девербативы от inf.₀): *česák, vrták, s'ahovák*; 3) зооназвания (чаще всего животных, особенно лошадей): *hnedák, plavák* разг.,

ovčiak, ušiak, реже др. видов: *križiak*, СБ преимущественно С_о, реже А и Г (*bučiak*); 4) ботанические названия (чаще всего грибов и овощей): *dubák, masliak, ružiak*, СБ — И_о; 5) анатомические названия: *pažerák, hryzák*, СБ — Г_о; 6) названия видов пищи: *burčiak, pletenák*, СБ — Г_о; 7) названия атмосферных и погодных явлений: *lejак, severák*, СБ — Г и С_о.

В словенском языке суф. -ак₁ используется преимущественно для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоонимов, названий видов пищи, а также нечистот, при образовании имен др. ЛСГ он употребляется сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно С_о): *blazinjak, zidak, žlebak*, редко Г (*lepak*) и А_о (*cesarščak*); 2) зооназвания (чаще всего животных): *volčjak, celак ovčjak*, реже др. видов: *gosак*, СБ служат преимущественно С_о, реже А (*plemenjak*); 3) названия видов пищи (чаще всего хлеба): *ovsenjak, rženjak, pšeničnjак*, СБ преимущественно А_о; 4) названия нечистот: *mišjak, gosjak, kokošjak*, СБ преимущественно А_о, однако не исключена и субстантивная мотивация [Вајес, 1950, 81]; 5) ботанические названия (чаще всего трав): *konščак, ranjak, jetrnjak*, СБ — А_о; 6) названия атмосферных явлений (чаще всего ветров): *jutrnjak, gornjak, zapadnjак*, СБ — А_о; 7) названия пород, минералов: *peščenjак, kremenjak*, СБ — И_о; 8) *nomina instrumenti*: *prebijак, vijак, lijак*, СБ — inf._о; 9) анатомические названия: *požirак, kočnjак*, СБ — Г и А_о.

В сербскохорватском языке суф. -ак₁ употребляется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов, реже ботанических названий и названий видов пищи, в образовании имен др. ЛСГ он участвует нерегулярно:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ служат преимущественно А_о): *гвоздењак, пењњак, маслењак*, реже С (*грљак*) и Г (*крижак*), особенность этой группы имен — названия палок, отсутствующие в др. языках, СБ их служат А_о: *брестовак, дреновак, лесковак*; 2) зооназвания (чаще всего животных): *кукуружњак, кичмењак, рудњак*, реже др. видов: *слепак*, СБ преимущественно А_о, реже С (*сабљак*); 3) ботанические названия (чаще всего трав): *кисељак, кокошињак, месечњак*, реже др. видов: *глушак*, СБ преимущественно А_о; 4) названия видов пищи (чаще всего мучных изделий): *кукуружњак, просењак, уљенак*, реже др. видов: *црвењак*, СБ преимущественно А_о, редко С (*комињак*) (*комина* 'виноградные выжимки'); 5) *nomina instrumenti*: *цртак, прањак*, СБ — inf._о; 6) анатомические названия: *кутњак, предњак, средњак*, СБ преимущественно А_о, редко С (*прстењак*); 7) названия атмосферных явлений (чаще всего ветров): *горњак, доњак*; СБ — А_о; 8) названия нечистот: *мишјак, кокошињак*, СБ — А_о.

В македонском языке суф. -ак₁ в предметном значении употребляется довольно редко, отмеченные немногочисленные образования являются в основном зоонимами, реже названиями предметов хозяйственно-бытового назначения:

1) зооназвания (чаще всего животных): *вијак, крамак, јаловак*, реже др. видов: *лилјак*, СБ преимущественно Г и А_о, реже С (*волчјак*); 2) наз-

вания предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ преимущественно Γ_0): *капак, врзак*; 3) ботанические названия: *жабјак, волчјак, лилјак*, СБ — A_0 ; 4) названия атмосферных явлений: *сињак, горњак*, СБ — A_0 ; 5) названия напитков: *првак*; 6) *nomina instrumenti*: *вијак*.

В болгарском языке предметное значение суф. -ак₁ также выражено слабо (большинство образований являются диалектными), он служит в основном для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (СБ преимущественно Γ и A_0): *похлупак, черпак, кривак, гнилак*; 2) зооназвания (чаще всего животных): *котак, турмак, яловак*, реже др. видов: *гривяк*, СБ — I_0 ; 3) ботанические названия (чаще всего трав): *млечак, зеленак* диал. 'хмель', СБ — A_0 ; 4) *nomina instrumenti*: *валяк, тесак*; 5) названия напитков: *преснак* диал. 'парное молоко', *първак*, СБ — A_0 ; 6) названия веществ: *живаки*; 7) анатомические названия: *тумбак* 'живот' (*тумбест* разг. 'пузатый'); 8) названия атмосферных явлений: *горняк*.

Несмотря на разнообразие семантической ориентации суф. -ак₁, нетрудно заметить, что общим для всех языков (за исключением в-луж. и мак.) является использование его прежде всего для образования имен, обозначающих предметы хозяйственно-бытового назначения, в в-луж. — *nomina instrumenti*, в мак. — животных. Различия наблюдаются не только в семантической ориентации суф. -ак₁, но и в его словообразовательных связях (в рус., блр. и сх.яз. для него характерно сочетание преимущественно с A_0 , в в-луж. — с Γ_0 , в мак. и блг.яз. — с A и Γ_0 , в укр. и слн. — с A и C_0 , в плс., чеш., слц. — с Γ и C_0), а также в активности использования в предметном значении (здесь выделяются зап.-сл.яз., особенно в-луж., где зафиксировано самое большое число образований).

1.3. ЛОКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -ак₁

Локативное значение суф. -ак₁ не получило развития практически ни в одном славянском языке, кроме слн. и сх. *Nomina loci* с суф. -ак₁ являются, как правило, обозначениями места по характерному качественному или предметному признаку, названному мотивирующим словом, лишь в зап.-сл.яз. отмечены единичные образования, обозначающие место, где совершается действие. СБ *nomina loci* суф. -ак₁ во всех языках (за исключением в-луж. и чеш.) служат преимущественно A_0 , реже C (лишь в блг. они образуются чаще от C_0), в в-луж. и чеш.яз. — Γ_0 . Свообразие зап.-сл.яз. проявляется и в том, что суф. -ак₁ дает образования, характерные в основном для разг. речи, тогда как в вост- и юж.-сл.яз. — стилистически нейтральные.

Вост.-сл.яз.: рус. *большак, тепляк*; блр. *быстрак*.

Зап.-сл.яз.: плс. *okraglak, zieleniak, deptak* 'место для прогулок' (*deptak* 'шагать'); в-луж. *rězak*; чеш. *obývák*; слц. *koncentrák*.

Юж.-сл.яз.: слн. — особенностью *nomina loci* с суф. -ак₁ в слн.яз. является то, что в большинстве своем они представляют собой обозначения места (как правило, помещения), где находится то, что названо

мотивирующим словом: *kozjak*, *zverinjak*, *psinjak*, *konjak*; сх.: в сх.яз., в отличие от слн., *potina loci* являются обозначениями не только помещения, но и пространства, где находится то, что названо мотивирующим словом: *голуби́няк*, *гуси́няк*, *сви́няк*, *кукурузи́няк*, *купуши́няк*, *конопьяк*; мак. *волчяк*; блг. *ливадак*, *царевичак*, *скалак*.

Изложенный выше материал свидетельствует о том, что в славянских языках отсутствует единство в использовании мутационного суф. -ак₁, хотя довольно существенны моменты сходства (ср., напр., набор его СЗ, практически одинаковую реализацию и семантическую ориентацию в значении лица, общность значительной части ЛСГ имен с предметным значением). Различия наблюдаются прежде всего в распределении функциональной нагрузки суф. -ак₁, в лексической реализации и семантической ориентации суф. -ак₁ в предметном и локативном значениях, в степени развития этих значений (предметное получило наибольшее развитие в зап.-сл.яз., а локативное — в слн. и сх.), в словообразовательных связях мутационного суф. -ак₁ (в вост- и юж.-сл.яз. они ограничены в основном А₀, в в.-луж. — Г₀, в плс., чеш., слц.яз. он одинаково активно сочетается как с И₀, так и с Г, причем при образовании имен с общим значением лица он сочетается преимущественно с А₀, а при образовании имен с предметным значением — с С и Г₀), в самом распространении суф. -ак₁ (получившим наиболее широкое использование в зап.-сл.яз., особенно в в.-луж.).

II. СУФ. -ак₂ ТРАНСПОЗИЦИОННЫЙ

Транспозиционный суф. -ак₂ не получил развития ни в одном славянском языке, лишь в плс., блг. и мак. отмечены единичные девербативные образования, обозначающие действие, которое может иметь ограниченный, мгновенный характер (плс. *kopniak*) или неограниченный (блг. *изпроводяк*; мак. *резилак*).

III. СУФ. -ак₃ МОДИФИКАЦИОННЫЙ

Модификационный суф. -ак₃ также не получил серьезного развития в славянских языках. Из всех его значений можно выделить лишь собирательное, которое имеет достаточно широкое распространение.

III.1. СОБИРАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -ак₃

Собирательное значение суф. -ак₃ известно в вост- и юж.-сл.яз., однако только в блг. и отчасти в сх. и мак.яз. он регулярно используется для образования имен с общим значением собирательности. Отмеченные в славянских языках *potina collectiva* являются, как правило, обозначениями совокупности деревьев, кустарников, реже др. растений, названных мотивирующим словом.

Вост.-сл.яз.: рус. *сосняк*, *вишняк*; укр. *вишняк*; блр. *сасняк*, *вишняк*.

Юж.-сл.яз.: слн. *malinjak*; сх. *брестак*, *желак* 'ельник', *ивак*; мак. *сливак*, *капињак*, *копривак*; блг. *брезак*, *букак*, *бъзак*, *ягодак*; в блг.яз., в отличие от др. языков, суф. -ак₃ может использоваться и для образования *potina collectiva*, обозначающих совокупность любых однородных предметов: *коренак*, *листак*, *камьяк*.

III.2. ЗНАЧЕНИЕ НЕВЗРОСЛОСТИ СУФ. -ak₃

Это значение суф. -ak₃ отмечено только в плс. яз., где он употребляется (хотя и достаточно нерегулярно²⁷) для образования названий детенышей животных (в качестве мотивирующих выступают названия соответствующих животных): *koźliak, kociak, psiak*.

III.3. МАСКУЛАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -ak₃

Маскулативное значение суф. -ak₃ связанное с его использованием для образования названий самцов животных от соответствующих названий самок, характерно в основном для чеш. и слн.яз., как единичное оно встречается в плс., слц., ср.: чеш. *myšák, žabák, opičák*; слн. *srnjak, mišjak, racak*; плс. *sarniak*; слц. *opičiak*.

III.4. АУГМЕНТАТИВНОЕ И ПЕЙОРАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЯ СУФ. -ak₃

Аугментативное и пейоративное значения суф. -ak₃ ни в одном славянском языке развития не получили, однако в чеш., слц., слн и укр. яз. они иногда выступают как сопутствующие мутационному значению лица — носителя атрибутивного признака, указывая на интенсивность этого признака: укр. *силак*, слц. *silák* (expr.), чеш. *silák*, слн. *silak*, слц. *chlapák* (expr) разг. 'сильный мужчина' (*chlap* 'мужчина'), *panák*; чеш. *darebák*.

Таким образом, модификационный суф. -ak₃ в вост- и юж-сл.яз. функционирует как суффикс собирательности, в плс. — как суффикс невзрослости, в чеш. и слн. — как маскулативный, остальным языкам он практически не известен.

Итак, общая картина распространения омосуффикса -ak в славянских языках выглядит следующим образом: в блг., мак. и плс.яз. известны все три суффикса, в вост-сл., сх., слн. и чеш.яз. — два: мутационный суф. -ak₁ и модификационный суф. -ak₃, в слц. и в-луж. — один: мутационный суф. -ak₁. Однако реально в большинстве славянских языков получил распространение практически лишь мутационный суф. -ak₁ и только в блг. (а также отчасти сх. и мак.яз.) достаточно широко используется и модификационный суф. -ak₃.

Функционирование омосуффикса -ak в каждом славянском языке в отдельности можно представить следующим образом:

в рус.яз. получил распространение мутационный суф. -ak₁, который используется для образования имен с общим значением лица (чаще всего по атрибутивному, качественно-оценочному признаку) и предметности (преимущественно названий предметов хозяйственно-бытового назначения и животных);

в укр.яз. также известен в основном мутационный суф. -ak₁, который служит для образования имен с общим значением лица (чаще всего по атрибутивному, качественному и качественно-оценочному признаку) и предметности (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов (животных, птиц, насекомых);

²⁷ Эту функциональную нагрузку в плс.яз. несет в основном суф. -ę (*gęsie, wydrzę, tygrysię*), а суф. -ak используется преимущественно в диалектах (особенно в Мазовше и на севере Польши) [Grzegorzczukowa, 1974, 118].

в блр.яз. ситуация такая же, как и в укр., разница лишь в семантической ориентации суф. -ак₁ в предметном значении (он используется чаще всего в названиях предметов хозяйственно-бытового назначения, зоонимах и фитонимах);

в плс.яз. получили распространение мутационный суф. -ак₁ и модификационный суф. -ак₃: мутационный суф. -ак₁ служит для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественно-оценочному признаку или признаку места жительства) и предметности (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и зоонимов (чаще всего животных); модификационный суф. -ак₃ используется для образования имен с общим значением невзростости;

в в-луж.яз. известен лишь мутационный суф. -ак₁, который служит для образования имен с общим значением лица (преимущественно по агентивному, процессуально-оценочному признаку) и предметности (чаще всего *nomina instrumenti*);

в чеш.яз. используется в основном мутационный суф. -ак₁, который употребляется для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественно-оценочному признаку и признаку места жительства) и предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения);

в слц.яз. ситуация та же, что и в чеш.;

в слн.яз. известен в основном мутационный суф. -ак₁, который служит для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественному и качественно-оценочному признаку), предметности (наиболее последовательно используется при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоонимов, названий видов пищи и нечистот) и места (чаще всего названий помещений, где находится то, что названо мотивирующим словом);

в сх.яз. получили распространение мутационный суф. -ак₁ и модификационный суф. -ак₃: мутационный суф. -ак₁ используется для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественно-оценочному признаку), предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов) и места (названий помещений и пространств, где находится то, что названо мотивирующим словом); модификационный суф. -ак₃ служит для образования *nomina collectiva*, обозначающих совокупность деревьев, кустарников и др. растений;

в мак.яз. также известны оба омосуффикса: мутационный суф. -ак₁ используется в основном для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественному и качественно-оценочному признаку), реже предметности (в основном названий животных); модификационный суф. -ак₃ привлекается для образования *nomina collectiva*, обозначающих совокупность деревьев, кустарников и др. растений;

в блг.яз. также получили распространение оба омосуффикса: мутационный суф. -ак₁ служит для образования имен с общим значением лица (чаще всего по атрибутивному, качественно-оценочному признаку) и предметности (преимущественно названий предметов хозяйственно-

бытового назначения); модификационный суф. -ак₃ употребляется для образования *nomina collectiva*, обозначающих совокупность деревьев, кустарников или любых однородных предметов.

Использование омосуффикса -ак в славянских языках свидетельствует, с одной стороны, об их очевидном сходстве, а с другой — об их различии (ср., напр., различия в функциональной нагрузке мутационного суф. -ак₁ и модификационного суф. -ак₃ или различия в семантической ориентации суф. -ак₁ в предметном значении, различия в его словообразовательных связях, в активности использовании и т.д.). Причем различия прослеживаются не только между языками разных языковых групп, но и в пределах одной (ср., напр., ситуацию в зап.-сл.яз., где отчетливо выделяется в-луж. (см., напр., реализацию значений лица и предметности суф. -ак₁ или его семантическую ориентацию в предметном значении, словообразовательные связи и т.д.) или в юж.-сл., где, с одной стороны, выделяются слн. и сх.яз., а с другой — мак. и блг. (о чем свидетельствуют расхождения в функциональной нагрузке мутационного суф. -ак₁ и модификационного суф. -ак₃).

СУФФИКС -аѣ

Суф. -аѣ так же, как и суф. -ак, практически во всех славянских языках известен как мутационный. Возникшие в некоторых языках в процессе их истории транспозиционный суф. -аѣ₂ и модификационный суф. -аѣ₃ ни в одном из них серьезного развития не получили, поэтому по отношению к мутационному они выступают как периферийные.

1. СУФ. -аѣ₁ МУТАЦИОННЫЙ

Основными значениями суф. -аѣ₁, известными во всех славянских языках, являются значения лица и предметности, однако функциональная нагрузка его распределяется по-разному: в рус., блр., слн., мак. и блг.яз. суф. -аѣ₁ функционирует в основном как суффикс лица, в в-луж. — как суффикс предметности, в остальных языках он одинаково активно "работает" как в личностном, так и предметном значении.

1.1. ЗНАЧЕНИЕ ЛИЦА СУФ. -аѣ₁

Будучи известен всем славянским языкам как суффикс лица, суф. -аѣ₁, однако, используется в языках по-разному: в юж- и зап.-сл.яз. (за исключением в-луж.), а также укр. он привлекается прежде всего для образования *nomina agentis*, в рус., блр. и в-луж.яз. — *nomina attributiva*.

1.1.1. *Nomina agentis* с суф. -аѣ₁ во всех языках являются наименованиями лиц по процессуальному, процессуально-оценочному и профессиональному признаку (обычно это названия лиц, занятых физическим трудом, особенно многочисленна эта группа имен в плс., чеш., слц. и блг.яз.). Причем в каждом славянском языке суф. -аѣ₁ ориентирован семантически по-разному. СБ этих имен во всех языках служат *inf.* на -ati, в слн. и сх. яз., кроме того, на -iti.

В русском языке суф. -аѣ₁ используется чаще всего для образова-

ния названий лиц по процессуально-оценочному признаку (*рвач* (разг.), *трепач* (прост.)), реже по профессиональному (*ткач*, *нюхач*).

В украинском языке суф. -аї, употребляется для образования названий лиц преимущественно по профессиональному или процессуальному признаку (*викладач*, *настроювач*, *відвідувач*, *продовжувач*), реже по процессуально-оценочному (*знищувач*).

В белорусском языке суф. -аї, привлекается в основном для образования названий лиц по процессуальному признаку (*глядач*, *слухач*), реже по процессуально-оценочному (*карпач*, *насмяхач*, (все разг.) и еще реже по профессиональному (*капач*).

В польском языке суф. -аї, служит прежде всего для образования названий лиц по профессиональному признаку (*dmuchacz*, *ładowacz*, *pakowacz*), реже по процессуальному и процессуально-оценочному (*posiadacz*, *poszukiwacz*; *pieniacz naciągacz* (разг.)).

В верхнелужицком языке отмечены единичные агентивные образования, в основе которых лежит процессуальный (*njechač*), процессуально-оценочный (*wukač* 'зевака') и профессиональный признак (*drač*).

В чешском языке суф. -аї, служит прежде всего для образования названий лиц по профессиональному признаку (*natěrač*, *pletač*, *rubáč*), реже по процессуальному и процессуально-оценочному (*po-mahač*, *polsuchač*; *udávač*, *našeptávač*).

В словацком языке ситуация та же, что и в чеш.: *mapovač* 'картограф', *odlievač*, *rezač*; *rozprávač*, *pytač*; *spáč*, *zahál'ač* 'лентяй'.

В словенском языке суф. -аї, используется чаще всего для образования названий лиц по профессиональному или процессуально-оценочному признаку (*gonjač*, *kovač*; *blebetač*, *laskač*), реже по процессуальному (*jahač*).

В сербскохорватском языке суф. -аї, наиболее последовательно употребляется при образовании названий лиц по профессиональному и процессуальному признаку (*заваривач*, *кројач*; *бирач*, *стварач*), реже по процессуально-оценочному (*лизач*).

В македонском языке суф. -аї, используется одинаково активно при образовании названий лиц как по процессуальному и процессуально-оценочному, так и профессиональному признаку (*владаач*, *вложувач*; *бијач*, *јадач*; *готвач*, *острач*).

В болгарском языке суф. -аї, употребляется для образования названий лиц преимущественно по профессиональному признаку (*метач*, *гледач*), реже по процессуальному и процессуально-оценочному (*събирач*; *одумвач*).

Иногда суф. -аї, используется для образования названий лиц по временному процессуальному и профессиональному признаку (укр. *запитувач* 'спрашивающий'; плс. *zapisywacz* 'человек, записывающий что-либо'; в-луж. *buchač* 'человек, стучащий в дверь'; слц. *vumeriavač* 'тот, кто измеряет что-либо'; чеш. *spáč* 'спящий', *osévač* 'сеятель'; слн. *kidač* 'сгребаящий снег'; сх. *прибујач* 'прибывающий что-либо', *орач* 'пахарь'; мак. *ветувач* 'человек, обещающий что-либо' (*ветува* 'обещать'), *жнеач*; блг. *подслушвач* 'подслушивающий', *косач*).

В целом можно сказать, что суф. -аї, используется чаще всего при образовании *nomina professionalia* (особенно последовательно этот

принцип выдержан в юж- и зап.-сл.яз., а из вост.-сл. — в укр.) и лишь в рус. и блр.яз. наблюдается отступление от этого принципа. Различия прослеживаются не только в семантической ориентации суф. -аѣ, но и в степени активности его использования (здесь также выделяются рус., блр. и в-луж.яз., в которых представлено меньше всего агентивных названий).

1.1.2. *Nomina attributiva*. Употребление суф. -аѣ для образования атрибутивных названий лиц в славянских языках наблюдается значительно реже. Практически только в рус., блр. и в-луж.яз. он достаточно активно используется в этой группе имен. *Nomina attributiva* с суф. -аѣ являются, как правило, наименованиями лиц по предметному, предметно-оценочному, качественному, качественно-оценочному и профессиональному признаку, причем в отличие от агентивных названий лиц, в семантической ориентации суф. -аѣ прослеживается большее единообразие, так как в большинстве языков он используется чаще всего в названиях лиц оценочного характера (особенно последовательно этот принцип выдерживается в разг. речи). СБ этих имен во всех языках служат преимущественно C_0 , реже A_0 .

В вост.-сл.яз. суф. -аѣ привлекается чаще всего для образования названий лиц по оценочному признаку (качественному или предметному): рус. *силач, лихач, трюкач*; укр. *головач, патлач, кудлач*; блр. *лаўкач, лабач, кудлач*; реже по предметному, качественному и профессиональному: рус. *бородач, циркач*; укр. *горбач, вусач, сурмач*; блр. *кірпач, бубнач*.

В зап.-сл.яз. ситуация неоднозначная: в плс. и в-луж.яз. картина такая же, как и в вост.-сл.яз.: плс. *głowacz, krętaacz, puskacz; brodacz; trębacz*; в-луж. *hubač doňhač, kuňtač; plěchač*. В чеш.яз. суф. -аѣ используется для образования названий лиц по предметному, качественному и оценочному признакам (*kudrnáč, naháč; břicháč* прост., *ramenáč*). В слц.яз. суф. -аѣ употребляется чаще всего для образования названий лиц по оценочному (качественному и предметному) признаку (*zelenáč, pyskáč, bachráč*), реже по предметному (*hrbáč*) и профессиональному (*leptač*).

В юж.-сл.яз. картина еще более мозаичная: в слн.яз. суф. -аѣ участвует одинаково в образовании названий лиц по предметному (*mejač*), оценочному (качественному и предметному): *vampač, suhač* и профессиональному признаку (*sokač*); в сх.яз. суф. -аѣ представлен в единичных образованиях, в основе которых лежит предметный (*штрайкач*) и профессиональный признак (*кошарач*); в мак. яз. суф. -аѣ отмечен в единичных названиях, в основе которых лежит оценочный (качественный и предметный) признак (*долгач, шегач*); в блг.яз. суф. -аѣ также встречается в единичных образованиях, но в их основе лежит преимущественно профессиональный признак (*тамбурач, кърмач*), реже оценочный (*рогач*).

Итак, использование суф. -аѣ как суффикса лица в славянских языках происходит по-разному: если в рус., блр. и в-луж.яз. он служит прежде всего для образования *nomina attributiva*, то в остальных языках — *nomina agentis*. Отсюда различия в его словообразовательных

связях (в рус., блр., и в-луж.яз. для него характерно сочетание преимущественно с C_{∞} в остальных языках — с Γ_0) и семантической ориентации (так как сочетание суф. -аџ₁ с I_0 приводит часто к образованию названий лиц оценочного характера, а сочетание с Γ_0 дает *nomina professionalia*, реже названия лиц по процессуальному признаку), и только в двух языках — рус. и блг. — такой зависимости семантической ориентации суф. -аџ₁ от категориальной принадлежности производящей основы не наблюдается, так как в рус.яз. он используется прежде всего для образования оценочных названий лиц (независимо от того, *nomina attributiva* это или *nomina agentis*), а в блг. — для образования названий лиц по роду их деятельности.

1.2. ПРЕДМЕТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -аџ₁

Функционирование суф. -аџ₁ в предметном значении связано с использованием его всеми славянскими языками (за исключением рус. и в-луж.) для образования названий предметов в основном по процессуальному признаку, в рус. и в-луж. — по процессуальному и предметному. Среди этих имен: 1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (особенно активно он употребляется в сх.яз.); 2) *nomina instrumenti* (особенно в плс. и слц.); 3) зооназвания (особенно в в-луж.); 4) ботанические; 5) названия видов пищи; 6) анатомические (особенно в слц.); 7) названия химических веществ (особенно в плс.). Причем в каждом языке суф. -аџ₁ ориентирован семантически по-разному.

В русском языке суф. -аџ₁ используется в основном при образовании *nomina instrumenti* и зооназваний, в образовании имен др. ЛСГ он практически не участвует:

1) *nomina instrumenti* (СБ — inf_0 на -ати): *тягач, толкач, пугач*; 2) зооназвания (животных, птиц, рыб), СБ — С и Γ_0 : *рогач, горлач* 'морская рыба', *секач, дергач*; 3) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *горлач* (диал.); 4) названия напитков: *первач* (прост.).

В украинском языке суф. -аџ₁ употребляется чаще всего для образования *nomina instrumenti*, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) *nomina instrumenti* (СБ — inf_0 на -ати): *вимикач, оббрызкувач, стругач*; 2) зооназвания (животных, птиц, насекомых): *носач, пугач, усач*, СБ — С и Γ_0 ; 3) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *сповивач, налигач*, СБ — Γ_0 , реже С (*рогач*); 4) названия напитков: *спотикач*; 5) ботанические названия: *сйдач*; 6) анатомические: *згинач*.

В белорусском языке ситуация такая же, как в рус.: 1) *nomina instrumenti* (СБ — inf_0 на -ати): *капач, сякач, штурхач*; 2) зооназвания (чаще всего птиц): *драч, крумкач, пугач*, реже др. видов: *сякач*, СБ — Γ_0 , реже С (*гарлач*); 3) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *трапкач, пляскач* (разг.), *гарлач* (диал.), СБ — С и Γ_0 ; 4) ботанические названия: *касач*.

В польском языке суф. -аџ₁ служит прежде всего для образования

nomina instrumenti, реже зоонимов и названий химических веществ, в образовании имен др. ЛСГ он участвует редко:

1) nomina instrumenti (СБ — inf._o на -ati): *drapacz, łamacz, wyrupacz*; 2) зооназвания (чаще всего птиц): *gardłacz, zaganiacz, puchacz*, реже др. видов: *głowacz*, СБ — С и Г_o, реже А (*srokacz*); 3) названия химических веществ: *utleniacz, utwardzacz, zmiękczac*, СБ — Г_o; 4) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *sękacz, włochacz, opalacz*, СБ — И и Г_o; 5) названия видов пищи: *sękacz, sikacz* (разг.), *maślacz*, СБ — С и Г_o; 6) ботанические названия: *maślacz, pływacz*, СБ — С и Г_o.

В верхнелужицком языке суф. -аџ используется чаще всего для образования зооназваний, реже предметов хозяйственно-бытового назначения, nomina instrumenti и ботанических названий, в образовании имен др. ЛСГ он практически не участвует:

1) зооназвания (чаще всего животных): *koźuchaџ, rohiznaџ, dwuhorbaџ*, реже др. видов: *wuchaџ*, СБ преимущественно С_o, реже Г (*šćowkaџ*), и А_o (*nahaџ*); 2) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *čahaџ* 'постромка', *šćipaџ, kukaџ*, СБ — Г_o, реже С (*sukaџ*); 3) nomina instrumenti (СБ — inf._o на -ati): *kaťaџ, klepaџ, łuskaџ*; 4) ботанические названия (чаще всего трав): *sukaџ, hłowaџ, zubkaџ*, СБ — С_o; 5) названия болезней: *čołaџ*.

В чешском языке суф. -аџ служит прежде всего для образования nomina instrumenti, реже названий предметов хозяйственно-бытового назначения, в образовании имен др. ЛСГ он участвует редко: 1) nomina instrumenti (СБ — inf._o на -ati): *děrovaџ, kopkovaџ, vazaџ*; 2) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *pekáџ, prosěvaџ, splachovaџ*, СБ — Г_o, реже С_o (*kořenáџ*); 3) зооназвания (птиц, животных, насекомых), *hřivnáџ, chlupáџ, sekáџ*, СБ — С и Г_o; 4) ботанические названия (трав, грибов): *pcháџ, vstavaџ, křemenáџ*, СБ — Г и С_o; 5) названия химических веществ: *odbarvovaџ, odmašř'ovaџ*, СБ — Г_o; 6) названия видов пищи: *koláџ, uzenáџ*, СБ — С и Г_o; 7) анатомические названия: *odtahovaџ, ohybaџ*, СБ — Г_o.

В словацком языке суф. -аџ употребляется чаще всего для образования nomina instrumenti, реже зооназваний, при образовании имен др. ЛСГ он привлекается спорадически:

1) nomina instrumenti (СБ — inf._o на -ati): *klopaџ, sáďzaџ, trhaџ*; 2) зооназвания (чаще всего животных и рыб): *stavaџ, stopovaџ, zubáџ, pleskáџ*, реже др. видов: *bahnáџ*, СБ — Г и С_o; 3) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *kuťaџ, pútaџ*, СБ — Г_o, реже С (*kvetináџ*); 4) ботанические названия (чаще всего трав и деревьев): *blyskáџ, luskáџ, vstavaџ, listnáџ*, СБ преимущественно Г_o; 5) анатомические названия (чаще всего мышц): *odchyř'ovaџ, zdvřhaџ, zvráři'ovaџ*, СБ — Г_o; 6) названия химических веществ: *pohlčovaџ, odmašř'ovaџ, odfarbovaџ*, СБ — Г_o; 7) названия пищи: *údenáџ, koláџ*, СБ — Г и С_o.

В словенском языке суф. -аџ ориентирован прежде всего на образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения и nomina instrumenti, реже зоонимов:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *kotač naslanjač, otirač*, СБ — Г_о; 2) *nomina instrumenti* (СБ — inf._о на -ati); *nabijač, naravnjač, strgač*; 3) зооназвания (животных, птиц, рыб, насекомых): *rogač, kljunač, glavač, govnač*, СБ — С_о.

В сербскохорватском языке суф. -аџ₁ используется прежде всего для образования *nomina instrumenti*, реже (хотя также достаточно регулярно) названий предметов хозяйственно-бытового назначения, при образовании имен др. ЛСГ он привлекается спорадически:

1) *nomina instrumenti* (СБ — inf._о на -ati и -iti): *бријач, бушач, резач*; 2) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *брисач, запушач, огртач*, СБ — Г_о, редко С (бакрач); 3) зооназвания (чаще всего птиц и животных): *гњурач 'нырок', превртач, касач, тркач*, СБ — Г_о; 4) ботанические названия: *драч, рогач*, СБ — Г и С_о; 5) анатомические названия: *жватач, прегибач, обртач*; СБ — Г_о; 6) названия видов пищи: *рогач, превирач* СБ — С и Г_о.

В македонском языке суф. -аџ₁ представлен незначительным числом образований, большую часть которых составляют названия предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *грејач, покривач, простирач*, СБ — Г_о; 2) *nomina instrumenti* (СБ — inf._о на -а и -и): *бројач, влекач, копач*; 3) зооназвания (чаще всего животных, пресмыкающихся): *грабач, терач, лазач, кркач*, СБ — Г_о; 4) ботанические названия: *долгач*; 5) анатомические названия: *мигач*; 6) названия веществ: *отрувач*; 7) названия напитков: *пелинач*.

В болгарском языке также отмечено незначительное число образований с суф. -аџ₁, однако большую часть их составляют *nomina instrumenti* и зоонимы:

1) *nomina instrumenti* (СБ — inf._о на -а): *бръснач, дълбач, секач*; 2) зооназвания (животных, птиц, насекомых): *гризач, теглач, кълвач, плавач*, СБ — Г_о; 3) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *бакрач* (диал.), *гребач*, СБ — С и Г_о; 4) анатомические названия: *клепач, мигач*, СБ — Г_о; 5) ботанические названия: *рогач*.

Несмотря на разнообразие семантической ориентации суф. -аџ₁, нетрудно заметить, что во всех языках (за исключением в-луж.) он ориентирован прежде всего на образование *nomina instrumenti*, в в-луж. — зооназваний. Сходство проявляется и в словообразовательных связях суф. -аџ₁: во всех языках (за исключением рус. и в-луж.) он сочетается преимущественно с Г_о (в рус. и в-луж. — с С и Г_о). Значительно больше расхождений в активности его использования: если в укр., сх. и особенно зап.-сл.яз. он имеет достаточно широкое применение, то в рус., блр., слн., мак. и блг.яз. употребительность его как суффикса предметности ограничена.

III. СУФ. -аџ₂ ТРАНСПОЗИЦИОННЫЙ

Транспозиционный суф. -аџ₂ славянским языкам не известен. Единичное образование, обозначающее отдельный акт действия, отмечено лишь в блр.яз.: *пляскач 'шлепок'*.

III. СУФ. -аѣ; МОДИФИКАЦИОННЫЙ

Модификационный суф. -аѣ ни в одном славянском языке серьезного развития не получил. Основными значениями его являются собирательное и аугментативное.

III. 1. СОБИРАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -аѣ;

Собирательное значение суф. -аѣ отмечено лишь в единичных образованиях в рус. и слц.яз., причем в рус.яз. *nomina collectiva* с суф. -аѣ являются обозначениями совокупности деревьев (*кедрач* (диал.) *пихтач* (прост.), а в слц. — совокупности живых существ (*červac*)²⁸.

III.2. АУГМЕНТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -аѣ;

Аугментативное значение суф. -аѣ ни в одном славянском языке специального выражения не получило. Однако оно является нередко сопутствующим значению лица мутационного суф. -аѣ, указывая на интенсивность процессуального или предметного признака, внося элемент оценки (по-видимому, именно этим объясняется тот факт, что многие названия характерны в основном для разг. речи), ср.: рус. *носач*, *трепач*; укр. *головач*, *брехач*; блр. *лабач*; плс. *brzuchacz*; в-луж. *rukač*; чеш. *okáč*; слц. *bachráč*, *žráč*; мак. *кркач*; сх. *смејач*; блг. *къркач*; слн. *klepetáč*.

Анализ функционирования омосуффикса -аѣ свидетельствует о том, что наибольшее распространение получил лишь мутационный суф. -аѣ. Его функциональную нагрузку с учетом основных тенденций в использовании можно представить следующим образом:

в рус.яз. суф. -аѣ служит прежде всего для образования имен с общим значением лица по атрибутивному, оценочному (качественному или предметному) признаку, реже имен с предметным значением (в основном *nomina instrumenti* и зоонимов);

в укр.яз. суф. -аѣ используется для образования имен с общим значением лица (преимущественно по агентивному, профессиональному и процессуальному признаку) и предметности (чаще всего *nomina instrumenti*);

в блр.яз. суф. -аѣ употребляется в основном для образования имен с общим значением лица по атрибутивному, оценочному (качественному или предметному) признаку, реже имен с предметным значением (преимущественно *nomina instrumenti* и зоонимов);

в плс.яз. суф. -аѣ привлекается для образования имен с общим значением лица (преимущественно по агентивному, профессиональному признаку) и предметности (чаще всего *nomina instrumenti*);

в в-луж.яз. суф. -аѣ служит прежде всего для образования имен с общим значением предметности (особенно названий животных), реже

²⁸ Я. Горецки [Horecký, 1959, 141] собирательное значение суф. -аѣ выделяет и в образованиях типа *Slovač*, *žobrač* 'нищие' (*žobrák* 'нищий'), однако представляется, что здесь значение собирательности передается суф. -ј (<* -јь), а не суф. -аѣ, подобно рус. *кулак*~*кулачье*.

лица (преимущественно по атрибутивному, оценочному (качественному или предметному) признаку);

в чеш.яз. суф. -аѣ₁ используется для образования имен с общим значением лица (чаще всего по агентивному, профессиональному признаку) и предметности (в основном *nomina instrumenti*);

в слц.яз. ситуация та же, что и в чеш.;

в слн.яз. суф. -аѣ₁ употребляется прежде всего для образования имен с общим значением лица (преимущественно по агентивному, профессиональному и процессуально-оценочному признаку), реже предметности (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*);

в сх.яз. суф. -аѣ₁ участвует в образовании имен с общим значением лица (чаще всего по агентивному, процессуальному и профессиональному признаку) и предметности (преимущественно *nomina instrumenti*);

в мак.яз. суф. -аѣ₁ привлекается прежде всего для образования имен с общим значением лица (чаще всего по агентивному, процессуальному, процессуально-оценочному и профессиональному признаку), реже предметности (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*);

в блг.яз. суф. -аѣ₁ также служит в основном для образования имен с общим значением лица (преимущественно по агентивному, профессиональному признаку), реже предметности (в основном *nomina instrumenti* и зоонимов).

Итак, в использовании суф. -аѣ в славянских языках прослеживаются как моменты их сходства, так и различия. Сходство, обусловленное общеславянским характером происхождения и распространения суф. -аѣ, проявляется прежде всего в общности СЗ, значительной части ЛСГ образуемых с ним имен, в семантической ориентации при образовании имен с общим значением лица. Различия связаны: 1) с разной функциональной нагрузкой суф. -аѣ₁ (ср. в рус., блр., слн., мак., блг.яз. он функционирует в основном как суффикс лица, а в в-луж. — как суффикс предметности); 2) с разной лексической реализацией значений лица и предметности; 3) с разной семантической ориентацией суф. -аѣ₁ в предметном значении (ср., напр., ситуацию в в-луж., мак. и блг.яз.); 4) с разной емкостью его семантического поля: по этому признаку славянские языки могут быть расположены следующим образом в убывающей последовательности: а) слц., чеш. и мак.яз. (самое емкое поле); б) укр., плс., сх.; в) в-луж., блг.; г) рус., блр.; д) слн.; 5) с разными словообразовательными связями суф. -аѣ₁: в укр., плс., чеш., слц., юж-сл.яз. для него характерно сочетание преимущественно с Γ_{∞} , в рус., в-луж. и блр.яз. — с С и Γ_0 (причем в блр.яз. при образовании имен с общим значением лица он сочетается чаще всего с S_{∞} , а при образовании имен с общим значением предметности — с Γ_0); 6) с разной степенью активности употребления суф. -аѣ₁ при образовании имен той или иной ЛСГ (ср., напр., названия предметов хозяйственно-бытового назначения, где выделяется сх.яз., или зооназвания — в-луж.); 7) с самым распространением суф. -аѣ: будучи известным всем славянским языкам, он получил, однако, самое широкое распространение в зап-сл.яз. (особенно в слц., именно здесь лежит центр его ареала). Причем раз-

личия наблюдаются не только между языками разных языковых групп, но и близкородственными, ср., напр., положение в вост-сл.яз., где выделяется укр., в котором суф. -аѣ имеет более емкое семантическое поле, чем в рус. и блр.яз., иное распределение функциональной нагрузки, иную реализацию значения лица, более сильные связи с Γ_0 и более высокую словообразовательную активность (особенно при образовании агентивных названий лиц и *nomina instrumenti*); или в зап-сл.яз., где выделяется в-луж., в котором суф. -аѣ имеет другую функциональную нагрузку, иную реализацию значения лица, семантическую ориентацию в предметном значении, слабые связи с Γ_0 и сравнительно низкую словообразовательную активность (особенно при образовании имен с общим значением лица); или в юж-сл.яз., где выделяется сх., в котором суф. -аѣ обладает не только сильно развитым значением лица, но и предметности.

Развитие основных значений мутационного суф. -аѣ и общая картина его использования в славянских языках во многом объясняется генетическими и словообразовательными связями суф. -аѣ с суф. -ак. Возникнув на базе суф. -ак (<*-акъь), суф. -аѣ унаследовал и ряд его значений (прежде всего лица и предметности), однако развитие их пошло в несколько ином направлении. Решающую роль здесь сыграло расширение словообразовательных связей суф. -аѣ за счет активного соединения с Γ_0 . Это привело к тому, что он начал последовательнее, чем суф. -ак, использоваться всеми языками (за исключением в-луж.) для образования имен по процессуальному признаку (в в-луж. в этой сфере активно "работал" суф. -ак, поэтому развитие суф. -аѣ пошло по пути расширения его словообразовательных связей с именными (С) основами, отсюда преобладание *nomina attributiva* в именах с общим значением лица). В вост-сл.яз. ситуация сложнее: в укр. развитие суф. -аѣ шло по пути расширения его словообразовательных связей с Γ_0 , отсюда его активное использование при образовании агентивных названий лиц и *nomina instrumenti*; в рус. — по пути расширения словообразовательных связей с S_0 , отсюда преобладание *nomina attributiva* в именах с общим значением лица; промежуточное положение занимает блр.яз., в котором СБ дериватов с суф. -аѣ служат как S_0 (особенно в именах с общим значением лица), так и Γ_0 (особенно в именах с предметным значением). Общее направление развития суф. -аѣ в славянских языках позволяет предположить, что в рус. и блр.яз. также произойдет постепенное расширение словообразовательных связей суф. -аѣ за счет привлечения Γ_0 , о чем свидетельствуют появляющиеся уже сейчас новообразования типа рус. *дрыгач, пускач, портач*.

СУФФИКС -ik

Будучи праславянским словообразовательным формантом, суф. -ik известен всем славянским языкам, однако представлен в них по-разному. В ряде языков в процессе их исторического развития на его основе сложились два, а иногда и три омосуффикса — мутационный, транспозиционный и модификационный, из которых самое широкое распространение получил мутационный суф. -ik.

СУФ. -ik₁ МУТАЦИОННЫЙ

Мутационный суф. -ik₁ во всех языках употребляется при образовании имен с общим значением лица, предметности и места, причем в юж-сл.яз. его основным значением является значение лица, в вост- и зап-сл.яз. — значение лица и предметности. Локативное значение во всех языках выражено у него слабо, однако нельзя не отметить, что в вост-сл.яз. и сх. оно получило несколько большее развитие.

1.1. ЗНАЧЕНИЕ ЛИЦА СУФ. -ik₁

Личностное значение суф. -ik₁ во всех славянских языках реализуется одинаково: повсюду он служит прежде всего для образования *nomina attributiva*, в образовании *nomina agentis* он практически не участвует.

1.1.1. *Nomina attributiva*. Атрибутивные названия лиц с суф. -ik₁ во всех языках строятся на основе качественного, качественно-оценочного или профессионального признаков, причем в семантической ориентации суф. -ik₁ прослеживается следующая закономерность.

В вост.-сл.яз. суф. -ik₁ используется прежде всего для образования названий лиц по профессиональному признаку (рус. *буровик, нефтяник, пищевик*; укр. *взуттьовик, крановик, річковик*; блр. *партавік, пуцявік, тамажнік*), реже по качественному (рус. *старик*; укр. *молодик*; блр. *смяротнік*) и качественно-оценочному признаку (рус. *скромник*; укр. *негідник*; блр. *злоснік*); СБ этих имен служат А₀ (как простые, так и осложненные суф. морфом -ov (этот тип основ особенно характерен для укр. яз.), редко С (рус. *сотник*; укр. *лазник*; блр. *старызнік*).

В зап.-сл.яз. суф. -ik₁ служит чаще всего для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку (плс. *nedznik, okrutnik, szkaradnik*; в-луж. *knížomnik, krasnik, požadnik*; слц. *nenásytník, ohavník, zvrhlník*; чеш. *bídník hamizník, úlisník*), реже по качественному (плс. *młodzik*; в-луж. *křížik*; чеш. *zakrslík*; слц. *súkromník*) и профессиональному признаку (плс. *lutnik*; в-луж. *kamjenik*; чеш. *kominik*; слц. *lekárnik*); СБ этих имен служат преимущественно А₀, реже С (плс. *szewczyk*; в-луж. *winik*; чеш. *straník*; слц. *tetanik*), особенно много десубстантивных образований среди *nomina professionalia*.

В юж-сл.яз. ситуация складывается по-разному: в слн.яз. суф. -ik₁ одинаково активно используется как при образовании названий лиц по качественному и качественно-оценочному, так и профессиональному признаку (*konjenik, privatnik; netečnik, petičnik; blagajnik, stavbenik*); в сх.яз. суф. -ik₁ служит для образования названий лиц по качественному и качественно-оценочному признаку (*гладник, црник; гадник, јадник, поганик*) и очень редко по профессиональному (*цариник*); в мак. и блг.яз. суф. -ik₁ употребляется преимущественно для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку (мак. *галеник, гнасник, збеснатик*; блг. *греховник, мизерник* (разг.), *мръсник*), реже по качественному (мак. *средник*; блг. *гладник*) и совсем редко по профессиональному (мак. *благажник*; блг. *крановик*), СБ служат преимущественно А₀, реже С (слн. *pesnik*; сх. *баштиник* (*баштина* 'нас-

ледство), мак. *благајник*, блг. *катраник* (разг.) 'прихвостень' (*катран* 'деготь')²⁹.

Семантическая ориентация суф. *-ik₁* свидетельствует о довольно четкой противопоставленности вост-сл. языков зап-сл. Юж-сл. яз. (особенно мак и блг.) в целом больше тяготеют к зап-сл., так как в них суф. *-ik₁* также чаще всего используется в названиях лиц по качественно-оценочному признаку. Значительно большее единообразие прослеживается в СБ этих имен, так как во всех языках это прежде всего *A₀* (в вост-сл., особенно в укр., нередко осложнены суф. морфом *-ov*), *C₀* во всех языках используются редко (в основном при образовании *nomina professionalia*).

1.1.2. *Nomina agentis*. Способность к образованию агентивных названий лиц у суф. *-ik₁* во всех славянских языках выражена слабо. Только в чеш. и слц. их отмечено немногим больше десятка, в остальных языках они представлены единичными образованиями. В основе этих имен лежит, как правило, процессуальный или процессуально-оценочный признак, редко профессиональный. СБ их во всех языках служат *inf.₀* на *-iti* (реже на *-ati*), в чеш. и слц., кроме того, *l—ptc.₀*.

В рус. и блр.яз. суф. *-ik₁* отмечен в единичных образованиях, в основе которых лежит процессуально-оценочный или профессиональный признак (рус. *жулик*, *нытик*, *сыщик*; блр. *ныцік*, *шыцік* (диал.) 'портной')³⁰. В укр.яз. суф. *-ik₁* представлен в названиях лиц по процессуальному и процессуально-оценочному признаку (*кочовик*, *підлабузник*).

В зап-сл.яз. суф. *-ik₁* встречается чаще всего в названиях лиц по процессуальному признаку (плс. *łazik*, *umrzyk*; в-луж. *basnik* 'поэт' (*basnić* 'сочинять стихи'); чеш. *přeběhlík*, *řečník* 'оратор' (*řečniti* 'ораторствовать'), *účastník*, 'участник' (*účastnit se* 'принимать участие'); слц. *ubehlík*, *usadlík*), реже по процессуально-оценочному признаку (чеш. *skrblík*; слц. *odpadlík*) или профессиональному' (чеш. *zvoník*; слц. *poslík*).

В юж-сл.яз. ситуация неоднозначная: в сх.яз. он представлен в единичных образованиях, в основе которых лежит процессуальный признак (*поклоник*), в блг. — процессуально-оценочный (*подтисник* 'угнетатель'), в мак. — процессуальный (*заменик*) и процессуально-оценочный (*бесник* 'проказник' (*беснее* 'бесчинствовать')), в слн.яз. подобные образования отсутствуют.

Слабая представленность агентивных названий лиц с суф. *-ik₁* не позволяет выявить закономерности в его использованиях, однако

²⁹ Во всех языках среди имен, мотивированных *C₀*, выделяются названия лиц по признаку принадлежности к общественно-политическим течениям, научным направлениям, профессиям, склонностям характера, болезням и проч. (типа рус. *химик*, *меланхолик*, плс. *platonik*, *fanatyk*, чеш. *fonetik* и т.д.), которые возникли с помощью лат. суф. *-icus*. В связи с этим в работе они не рассматриваются как не имеющие отношения к праславянскому суф. *-ik₁* и не отражающие индивидуальные особенности каждого славянского языка.

³⁰ Более широкое распространение этот тип образований получил в блр. диалектах, особенно в могилевских говорах, ср. *дрыжык*, *выцік*, *тужык* [Сцяцко, 1977, 41].

некоторые соответствия все же прослеживаются: в зап.-сл.яз. суф. -ik₁ ориентирован в основном на образование названий лиц по процессуальному признаку, в вост.-сл.яз. — по процессуально-оценочному, в юж.-сл. — по процессуальному и процессуально-оценочному.

1.2. ПРЕДМЕТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -ik₁

Использование суф. -ik₁ в предметном значении характерно в основном для вост- и зап.-сл.яз., в юж.-сл.яз. это значение суф. -ik₁ практически не получило развития. В лексической реализации этого значения наблюдаются следующие особенности: во всех славянских языках суф. -ik₁ употребляется прежде всего для образования имен по атрибутивному признаку, однако если в вост- и юж.-сл.яз. (за исключением слн.) это в основном названия "предмет — носитель качественного признака, названного мотивирующим словом", то в зап.-сл.яз. (за исключением в-луж.) — "предметного", в в-луж. и слн.яз. — "качественного и предметного". В семантическом отношении это довольно пестрая группа имен, среди которых: 1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (особенно многочисленна эта группа имен в чеш.яз.); 2) ботанические названия (особенно в рус., блр. и в-луж.яз.); 3) зооназвания (особенно в плс., укр., чеш.; слц.); 4) названия видов пищи; 5) *nomina instrumenti*; 6) названия химических веществ, минералов; 7) названия болезней; 8) анатомические названия; 9) названия атмосферных явлений и т.д. Причем в каждом языке суф. -ik₁ ориентирован семантически по-разному.

В русском языке суф. -ik₁ служит для образования преимущественно названий предметов хозяйственно-бытового назначения и фитонимов, реже зоонимов, при образовании имен др. ЛСГ он используется редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *голик*, *дощаник*, *половик*, СБ преимущественно А_о, нередко осложненные суф. морфом -ов; 2) ботанические названия (чаще всего трав и грибов): *луговик*, *борщевик*; *дождевик*, *рыжик*, СБ — А_о, нередко осложненные суф. морфом -ов; 3) зооназвания (чаще всего животных и насекомых): *овсяник*, *хищник*; *крестовик*, *долгоносик*, реже др. видов: *головастик*, СБ преимущественно А_о; 4) названия видов пищи: *крупенник*, *свекольник*, СБ — А_о; 5) *nomina instrumenti*: *пищук*, *вабик*, СБ — inf._o на -ati и -iti; 6) названия горных пород: *песчаник*, *змеевик*, *роговик*, СБ — А_о.

В украинском языке суф. -ik₁ используется прежде всего для образования зооназваний и названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже (хотя также достаточно активно) фитонимов и названий пищи, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) зооназвания (чаще всего насекомых): *ковалик*, *косарик*, *пальовик*, реже др. видов: *возовик*, СБ преимущественно И_о, реже Г (*повзик*); 2) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *дощовик*, *повстяник*, *солom'яник*, СБ преимущественно А_о, реже С (*гудзик*); 3) ботанические названия (чаще всего трав и грибов): *восковик*,

роговик, дубовик, слизовик, СБ преимущественно A_0 (нередко осложненные суф. морфом -ov); 4) названия видов пищи (часто хлебных изделий): *просяник, медяник, вівсяник*, СБ — A_0 ; 5) названия минералов, пород: *пісковик, піщаник, змійовик*, СБ — A_0 ; 6) *nomina instrumenti*: *борозник (борознити 'бороздить), пищик*, СБ — inf_0 на -iti, -ati.

В белорусском языке суф. -ik₁ употребляется преимущественно для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и фитонимов, реже зоонимов и названий видов пищи, в образовании имен др. ЛСГ он практически не участвует:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *грузавік, нафтавік, пылавік*, СБ преимущественно A_0 (нередко осложненные суф. морфом -ov), реже С (*шалік*) и Г (*лапік* 'заплатак'); 2) ботанические названия (чаще всего грибов): *асінавік, дажджавік, добрык*, реже др. видов: *валасацік*, СБ — A_0 ; 3) зооназвания (чаще всего насекомых и птиц): *аўсянік, гнявік, чубацік, сінік*, реже др. видов: *сонечнік*, СБ — A_0 ; 4) названия видов пищи: *гречанік, бульбянік, мядовік*, СБ — A_0 ; 5) названия веществ: *бярозавік, кляновік*, СБ — A_0 ; 6) названия пород: *пясчанік*; 7) анатомические названия: *кутнік* (разг.) (*кутні зуб* 'то же'); 8) названия болезней: *вогнік*; 9) *nomina instrumenti*: *маргалик*.

В польском языке суф. -ik₁ привлекается прежде всего для образования зооназваний, реже (хотя также достаточно регулярно) названий предметов хозяйственно-бытового назначения и фитонимов, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) зооназвания (чаще всего насекомых и птиц); *oprzędzik* 'долгоносик', *owsik, kowalik, orlik*, реже др. видов: *todzik* СБ преимущественно C_0 , реже А (*światlik*) и Г (*piewik*); 2) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *medalik, wacik, wagonik*, СБ преимущественно C_0 , реже Г (*sadzyk*); 3) ботанические названия (чаще всего трав): *obuwik, owsik, sierpik*, СБ преимущественно C_0 , реже А (*światlik*); 4) *nomina instrumenti*: *gładzik, wodzik, tłumik*, СБ — inf_0 преимущественно на -iti; 5) названия видов пищи: *pasztecik, jabłecznik, chłodnik*, СБ — I_0 ; 6) названия болезней: *wąglik*.

В верхнелужицком языке суф. -ik₁ служит для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, ботанических и зооназваний, реже веществ, в образовании имен др. ЛСГ он практически не участвует:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *dženik, lětnik, wuzlik*, СБ преимущественно I_0 , реже Г (*spušćik*); 2) ботанические названия (чаще всего трав и цветов): *sparik, habrik, mječik*, СБ преимущественно C_0 , реже А (*slěbornik*) и Г (*měrik*); 3) зооназвания (преимущественно птиц): *tućnik, chocholik, přewalik*, реже др. видов: *slěbornik*, СБ преимущественно A_0 , реже С и Г; 4) названия веществ: *wapnik, barbik, wonik*, СБ — С и G_0 ; 5) названия видов пищи: *poćcik*.

В чешском языке суф. -ik₁ используется прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов, реже фитонимов и названий веществ, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *ceník, kozlík, struník*, СБ преимущественно С_о, реже А (*skleník*) и Г (*dudlák* 'соска' (*dudlat* 'сосать')); 2) зооназвания (чаще всего животных): *jezevčík, poník, vraník*, реже др. видов: *hrobařík*, СБ преимущественно С_о, реже А; 3) ботанические названия (чаще всего трав): *kozlík, bavlínk, mečík*, реже др. видов: *ostružínk*, СБ преимущественно С_о, реже А (*peprník*) и Г (*hledík*); 4) названия веществ: *soďák, vápník, hliník*, СБ преимущественно С_о, реже А (*sírník*) и Г (*dusík*); 5) названия видов пищи: *perník, jahelník, moučník*, СБ — А_о; 6) анатомические названия: *hrudník, malík, prsteník*, СБ — И_о; 7) nomina instrumenti: *hoblík, výměník*, СБ — inf._о на -ati и -iti.

В словацком языке суф. -ik₁ также употребляется прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов, реже названий химических веществ, в образовании имен др. ЛСГ он участвует редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *fúrik, kočík, živôtk*, СБ преимущественно С_о, реже А (*zimník*) и Г (*balík*); 2) зооназвания (чаще всего животных): *jazvečík, plnokrvník, vraník*, реже др. видов: *medvedík, rybárik*, СБ преимущественно С_о, реже А; 3) названия химических веществ: *kosík, luník, solík*, СБ — С_о, реже Г (*dusík*); 4) ботанические названия (чаще всего трав): *vrcholík, bocianík, mečík*, СБ преимущественно С_о, реже А (*rýdzík*); 5) nomina instrumenti: *strúžik, ilčík*, СБ — inf._о; 6) названия видов пищи: *jablčík, kapustník, cukrík*, СБ — И_о; 7) анатомические названия: *prostredník, hrudník*, СБ — А_о; 8) названия погодных явлений: *mrázik*.

В словенском языке суф. -ik₁ привлекается преимущественно для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже названий видов пищи и химических веществ, в образовании имен др. ЛСГ он практически не участвует:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *imenik, tednik, srebrnik, dnevnik*, СБ преимущественно И_о; 2) названия видов пищи: *jabolčnik, nekvašenik, opresnik*, СБ — А_о; 3) названия химических веществ: *dušik, kisik, ogljik*, СБ — И и Г_о; 4) ботанические названия (чаще всего трав): *jetrník, lepenik*, СБ — А_о; 5) зооназвания: *slanik*; 6) названия минералов: *navzgoranjik*; 7) названия атмосферных явлений (ветров): *vzhodnik, zapadnik*, СБ — А_о.

В сербскохорватском языке суф. -ik₁ используется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, фитонимов и названий видов пищи, в образовании имен др. ЛСГ он участвует реже:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *живик, сланик, сунчаник*, СБ преимущественно А_о, реже С (*буквик*); 2) ботанические названия (чаще всего трав): *зеленик, оштрик, плаветник*, СБ преимущественно А_о, реже С (*ланик*); 3) названия видов пищи (часто хлебных изделий): *зељаник, пшеничник, тиквеник*, реже др. видов: *вишњовик*, СБ преимущественно А_о; 4) зооназвания (чаще всего животных): *ушкопљеник, храњеник*, СБ — n—ptc.pass._о; 5) анатомические названия: *грленик, прстеник*, СБ — И_о; 6) названия химических веществ: *водик, кисик, душик*, СБ — И и Г_о; 7) названия атмосферных явлений: *топлик*; 8) названия болезней: *пламеник*.

В македонском языке суф. -ik₁ встречается в единичных образованиях, обозначающих преимущественно предметы хозяйственно-бытового назначения и виды пищи, редко в др. ЛСГ имен:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *брашеник, газеник, горник*, СБ преимущественно А_о, реже С (законик); 2) названия видов пищи (чаще всего хлеба): *ячменик, пченкарник, 'рженик*, СБ — А_о; 3) названия атмосферных и погодных явлений: *ясник, северник*, СБ — А_о; 4) названия пород: *песочник*; 5) зооназвания: *стреник*.

В болгарском языке ситуация та же, что и в мак.: 1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *газеник, медник, сламеник*, СБ преимущественно А_о, реже С (*катраник*); 2) названия видов пищи (в основном хлеба): *просеник, кукурузник, царевичник*, СБ — А_о; 3) ботанические названия: *ечемик 'ячмень' (ечмен диал. 'то же)*; 4) зооназвания: *чаплик 'аист' (чапля 'чапля)*; 5) названия пород: *варовик, пясъчник*, СБ — А_о; 6) названия атмосферных явлений: *вечерник*.

Из приведенного материала видно, что во всех языках (за исключением плс.) суф. -ik₁ привлекается чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, в плс.яз. — зоонимов. Сходства и различия славянских языков прослеживаются не только в семантической ориентации суф. -ik₁, но и в его словообразовательных связях: здесь можно говорить о противопоставленности вост. и юж-сл.яз. (за исключением слн.), для которых характерно сочетание суф. -ik₁ преимущественно с А_о, зап-сл. (за исключением в-луж.), в которых его словообразовательные связи ограничены преимущественно С_о, в слн. и в-луж.яз. он легко вступает в словообразовательные связи как с тем, так и с другим видом основ. Различия наблюдаются и в активности использования суф. -ik₁ как при образовании имен отдельных ЛСГ, так и в целом: здесь выделяются укр. и зап-сл.яз. (особенно чеш.), в которых употребление суф. -ik₁ является наиболее активным.

1.3. ЛОКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -ik₁

Локативное значение суф. -ik₁ в сравнении с его личностным и предметным значениями ни в одном славянском языке серьезного развития не получило (только в вост-сл. и сх.яз. наблюдается относительно активное его использование). *Nomina loci* с суф. -ik₁ являются в основном атрибутивными образованиями (*nomina agentis* отмечены как единичные в плс., слн. и сх.яз.), однако если в вост. и юж-сл.яз. (за исключением слн.) они обозначают место чаще всего по качественному признаку, то в зап-сл. и слн. — по качественному и предметному. В семантическом отношении это довольно пестрая группа имен, среди которых названия помещений, построек, пространств, географических объектов и др. Причем даже в этой, сравнительно небольшой группе, наблюдается избирательное использование суф. -ik₁.

В вост-сл.яз. суф. -ik₁ употребляется при образовании локативов, являющихся обозначениями места с ограниченным и неограниченным

пространственным объемом: рус. *омшаник, тайник, конопляник, торфяник*; укр. *бджоляник, потайник, цілик, льодовик*; блр. *дрывотнік, патайнік, грачышнік* (диал.), *тарфянік*, СБ — A_0 .

В зап.-сл.яз. суф. $-ik_1$ представлен в единичных образованиях, обозначающих место с ограниченным пространственным объемом (в основном названий помещений, построек): в-луж. *wjelbik*; чеш. *seník, světlík*; слц. *skleník*; редко с неограниченным: плс. *lucernik*; СБ преимущественно I_0 , редко Γ (плс. *brodzik*).

В юж.-сл.яз. ситуация складывается по-разному: в сх.яз. суф. $-ik_1$ используется чаще всего в локативах, обозначающих место с неограниченным пространственным объемом (*леденик, пешчаник, стареник*), реже с ограниченным (*стакленик*), СБ преимущественно A_0 , реже C (*хмельик*) и Γ (*свибик*); в мак.яз. он отмечен в локативах, обозначающих место с ограниченным пространственным объемом (*нужник, зимник*), реже с неограниченным (*видик*), СБ преимущественно A_0 ; в слн. и блг.яз. — с ограниченным и неограниченным: слн. *senik, ledenik*; блг. *топлик, темник*, СБ в слн.яз. преимущественно I_0 (редко Γ : *zvonik*), в блг. — A_0 . В целом можно сказать, что в юж.-сл.яз. так же, как и в вост.-сл., суф. $-ik_1$ участвует в образовании локативов, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом.

Несмотря на довольно скромную представленность локативных образований с суф. $-ik_1$, нетрудно заметить, что в славянских языках четко вырисовываются два противопоставленных ареала: зап.-сл.яз., с одной стороны, и вост- и юж.-сл.яз. — с другой, основанием для выделения которых является расхождение в лексической реализации локативного значения суф. $-ik_1$ и его семантической ориентации.

II. СУФ. $-ik_2$ ТРАНСПОЗИЦИОННЫЙ

Транспозиционный суф. $-ik_2$ славянским языкам практически не известен. Лишь в плс. отмечено единичное отадективное образование, обозначающее отвлеченный непроцессуальный признак (*rewnik* 'истина'), и в блг. — девербативные образования, обозначающие отвлеченный процессуальный признак (*плесник, ритник* 'пинок').

III. СУФ. $-ik_3$ МОДИФИКАЦИОННЫЙ

Модификационный суф. $-ik_3$ получил распространение главным образом в вост- и зап.-сл.яз., из юж.-сл. только в сх. Причем если в вост- и зап.-сл.яз. его основным значением является деминутивное, то в сх.яз. — собирательное.

III.1. ДЕМИНУТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. $-ik_3$

Основная функциональная нагрузка модификационного суф. $-ik_3$ в вост- и зап.-сл.яз. связана с использованием его как суффикса деминутивности (в юж.-сл.яз. это значение передается суф. $-ok, -es, -i\check{s}, -\check{y}\acute{e}$ — из разряда суффиксов с элементами $-K-, -C-, -\check{C}-$). Присоединяясь к основам сущ. муж.р. как одушевленных, так и неодушевленных (как правило, с конкретным предметным значением), суф. $-ik_3$ обра-

зует имена с общим значением уменьшительности. Кроме значения объективной уменьшительности, он может передавать семантику уменьшительно-ласкательности, ласкательности, а иногда и уменьшительно-уничижительности. В семантической ориентации суф. -ik₃ в деми-нутивным значении наблюдаются следующие особенности.

В вост-сл.яз. суф. -ik₃ служит для передачи семантики объективной уменьшительности (рус. *винтик* : *винт*, *гвоздик* : *гвоздь*; укр. *кухлик* : *кухоль*, *цебрик* : *цебер*; блр. *гузік* : *гуз*, *дроцік* : *дрот*) и уменьшительно-ласкательности (рус. *животик* : *живот*, *козлик* : *козел*; укр. *борщик* : *борщ*, *коник* : *конь*; блр. *ветрык* : *вецер*, *марозік* : *мароз*), реже ласкательности (рус. *солдатик* : *солдат*; укр. *дударик* : *дударь*; блр. *саколік* : *сокал*) и уменьшительно-уничижительности (рус. *театрик* : *театр*; блр. *попік* : *пон*); исключение укр.яз., в котором суф. -ik₃ так же активно "работает" и в уменьшительно-уничижительном значении: *куркулик* : *куркуль*, *багачик* : *багач* [Городенська ..., 1981, 143].

В зап-сл.яз. суф. -ik₃ используется в основном для передачи семантики объективной уменьшительности (плс. *konik* : *koň*, *krzyżyk* : *krzyż*; в-луж. *kučik* : *kuč*, *pakčik* : *paket*; чеш. *kufřík* : *kufr*, *lesík* : *les*; слц. *flačik* : *flak*, *oblůčik* : *oblok*), реже уменьшительно-ласкательности (плс. *zošnierzyk* : *zošnierz*; в-луж. *bratřík* : *bratr*; чеш. *prstík* : *prst*; слц. *človiečik* : *človek*) и уменьшительно-уничижительности (чеш. *inteligentík* : *inteligent*; слц. *doktorík* : *doktor*).

В юж-сл.яз. деминутивные образования с суф. -ik₃ отсутствуют, лишь в слн. отмечено единичное *grozdik* : *grozd*.

Из приведенного материала нетрудно заметить расхождения в семантической ориентации суф. -ik₃, которые свидетельствуют о противопоставленности вост- и зап-сл.яз.

III.2. ЗНАЧЕНИЕ НЕВЗРОСЛОСТИ СУФ. -ik₃

Значение невзрослости суф. -ik₃ отмечено лишь в единичных образованиях в рус. (*бегемотик*), чеш. (*sokolík*) и слц. (*zajačik*) языках. Возникнув на базе деминутивного значения, оно, однако, не получило развития ни в одном из этих языков, так как в рус.яз. эту функциональную нагрузку несет в основном суф. -onok, в чеш. — суф. -ek, -e, -ě, в слц. — суф. -a, -ča [МС, 1986, 308; Норецкы, 1959, 103].

III.3. СОБИРАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -ik₃

Собирательное значение суф. -ik₃ как основное его значение отмечено лишь в сх.яз., где он активно используется для образования *potípa* collectiva, обозначающих совокупность деревьев или кустарников. В остальных языках оно либо вообще не получило развития, либо встречается как единичное (как, напр., в укр., слн. и мак.яз.). СБ этих имен служат С₀: укр. *вишник*, *сосник*, *терник*; слн. *brezik*, *šljivik*; сх. *борик*, *врбик*, *јелик*, *липик*; мак. *бурјаник* (наряду с *бурјаниште*), *кленик*.

III.4. СИНГУЛЯТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ. -ik₃

Сингулятивное значение суф. -ik₃ отмечено лишь в плс.яз., где *nomina singulariva* с суф. -ik₃ обозначают единичный предмет из совокупности однородных предметов, названных мотивирующим словом: *kolczyk* 'серьга' (*kolce* 'серьги'), *koralik* 'бусина' (*korale* 'бусы').

Итак, анализ функционирования омосуффикса -ik свидетельствует о том, что славянским языкам известны в основном два суффикса: мутационный суф. -ik₁ и модификационный суф. -ik₃ (транспозиционный суф. -ik₂ ни в одном языке развития не получил), причем общеславянским является лишь один — мутационный суф. -ik₁, ареал модификационного суф. -ik₃ ограничен, с одной стороны, вост- и зап.-сл.яз., а с другой — сх.яз. Распределение функциональной нагрузки омосуффикса -ik в каждом языке (с учетом основных тенденций в его использовании) можно представить следующим образом:

в рус.яз. мутационный суф. -ik₁ служит для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному (профессиональному) признаку) и предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения и фитонимов (названий трав, грибов), реже он употребляется для образования *nomina loci*, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом; модификационный суф. -ik₃ используется в основном для образования имен с уменьшительным и уменьшительно-ласкательным значением;

в укр.яз. мутационный суф. -ik₁ употребляется для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному (профессиональному) признаку) и предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов (названий насекомых), реже он используется для образования имен с локативным значением, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом; модификационный суф. -ik₃ служит для образования имен с уменьшительным, уменьшительно-ласкательным и уменьшительно-уничтожительным значением;

в блр.яз. ситуация такая же, как и в рус.;

в плс.яз. мутационный суф. -ik₁ привлекается для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному (качественно-оценочному) признаку) и предметности (чаще всего зооназваний (насекомых и птиц)); модификационный суф. -ik₃ используется прежде всего для образования имен с уменьшительным значением;

в в-луж.яз. мутационный суф. -ik₁ служит для образования имен с общим значением лица — носителя атрибутивного (качественно-оценочного) признака и предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения, ботанических (трав, цветов) и зооназваний (птиц)); модификационный суф. -ik₃ употребляется для образования имен чаще всего с уменьшительным значением;

в чеш.яз. мутационный суф. -ik₁ используется для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному (качественно-оценочному) признаку) и предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов (жи-

вотных); модификационный суф. $-ik_3$ участвует в основном в образовании имен с уменьшительным значением;

в слц.яз. ситуация та же, что и в чеш.;

в слн.яз. мутационный суф. $-ik_1$ употребляется в основном для образования имен с общим значением лица — носителя атрибутивного (качественного, качественно-оценочного или профессионального) признака, реже имен с предметным значением (преимущественно названий предметов хозяйственно-бытового назначения);

в сх.яз. мутационный суф. $-ik_1$ служит прежде всего для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному (качественному и качественно-оценочному) признаку), реже предметности (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения, фитонимов (названий трав) и названий видов пищи) и места (чаще всего с неограниченным пространственным объемом); модификационный суф. $-ik_3$ употребляется для образования *pomina collectiva*, обозначающих совокупность деревьев или кустарников;

в мак.яз. мутационный суф. $-ik_1$ привлекается для образования имен с общим значением лица — носителя атрибутивного (качественно-оценочного признака), реже предметности (преимущественно названий предметов хозяйственно-бытового назначения и видов пищи);

в блг.яз. ситуация та же, что и в мак.

Функционирование омосуффикса $-ik$ свидетельствует об отсутствии в славянских языках последовательного единства в его использовании. Наряду с довольно существенными моментами сходства, явившимися следствием общеславянского происхождения суф. $-ik$, проявляющимися в единстве СЗ мутационного суф. $-ik_1$, реализации этих значений, общности ряда ЛСГ имен, в единстве словообразовательных связей при образовании имен с общим значением лица, в славянских языках прослеживаются и не менее существенные различия. Они связаны: 1) с разным функциональным объемом омосуф. $-ik$ (ср. ситуацию в вост- и юж-сл.яз.); 2) с разной функциональной нагрузкой мутационного и модификационного суф. $-ik$; 3) с разной семантической ориентацией мутационного суф. $-ik_1$ в значении лица; предметности и места, а также модификационного суф. $-ik_3$ в деминутивном значении; 4) с разной емкостью СП мутационного суф. $-ik_1$: по этому признаку славянские языки можно расположить следующим образом в убывающей последовательности: а) блр.яз. (самое емкое поле); б) слц. и сх.яз.; в) чеш.; г) рус., укр. плс., слн., блг.; д) в-луж., мак.яз.; 5) с разными словообразовательными связями мутационного суф. $-ik_1$: в вост- и юж-сл.яз. (за исключением слн.) для него характерно сочетание преимущественно с A_0 (в слн.яз. при образовании имен с общим значением предметности он достаточно свободно сочетается и с C_0), в зап-сл.яз. — с A_0 (при образовании имен с общим значением лица) и C_0 (с предметным значением); 6) с разной степенью активности употребления суф. $-ik$ при образовании имен той или иной ЛСГ, отсюда с разной степенью развития его СЗ (ср. предметное и локативное значения); 7) с самым распространением суф. $-ik$: будучи известным всем славянским языкам, он получил, однако, самое широкое распространение в вост- и зап-сл.яз. (особенно в чеш. и слц., где с ним зафиксиро-

ровано наибольшее число образований), в юж.-сл.яз. можно выделить лишь слн. и сх.яз. Различия существуют не только между языками разных языковых групп, но нередко и одной: в вост.-сл.яз. выделяется, напр., укр., обнаруживающий своеобразие в использовании мутационного суф. -ik₁ в предметном значении и модификационного суф. -ik₃ в демиnutивном; в зап.-сл.яз. — в-луж. (ср. использование в нем мутационного суф. -ik₁ в предметном значении и характер его словообразовательных связей в этом значении), в юж.-сл.яз. — сх., в котором наблюдается активное функционирование модификационного суф. -ik₃ в собирательном значении, и слн.яз., выделяющийся семантической ориентацией суф. -ik₁ в предметном значении и его словообразовательными связями.

СУФФИКС -nik

Возникнув на базе суф. -ik и унаследовав в целом набор его значений, суф. -nik также выступает как омосуффикс, однако основным, регулярно используемым суффиксом во всех славянских языках является мутационный суф. -nik₁.

I. СУФ. -nik₁ МУТАЦИОННЫЙ

Мутационный суф. -nik₁ во всех языках обладает значениями лица, предметности и места, причем распределение его функциональной нагрузки происходит следующим образом: в укр., блр., сх., мак. и блг.яз. он используется прежде всего как суффикс лица (предметное и особенно локативное значения выражены у него значительно слабее), в рус., зап.-сл. и слн.яз. он функционирует как суффикс лица и предметности. Локативное значение суф. -nik₁ ни в одном славянском языке развития не получило, однако в вост.-сл.яз., плс., мак. и блг. наблюдается достаточно активное (в сравнении с др. славянскими языками) его употребление и для образования *nomina loci*.

I.1. ЗНАЧЕНИЕ ЛИЦА СУФ. -nik₁

Личностное значение суф. -nik₁ связано с использованием его всеми славянскими языками для образования имен с общим значением лица, причем реализация этого значения происходит по-разному: в рус. и зап.-сл.яз. он служит для образования названий лиц в основном по атрибутивному признаку, в укр., блр. и юж.-сл.яз. такой избирательности в его использовании не наблюдается, так как он одинаково активно участвует в образовании и *nomina attributiva*, и *nomina agentis*.

I.1.1. *Nomina attributiva* с суф. -nik₁ во всех славянских языках являются наименованиями лиц по предметному, предметно-оценочному и профессиональному признаку, причем при образовании этих имен суф. -nik₁ в каждом языке ориентирован семантически по-разному. СБ их во всех языках служат, как правило, С₀.

В русском языке суф. -nik₁ используется чаще всего при образовании названий лиц по предметному (*помощник, путник, сторонник*) и профессиональному (*дворник, сапожник, мясник*) признакам, реже по предметно-оценочному (*взяточник*).

В украинском языке суф. -nik₁ служит прежде всего для образования названий лиц по профессиональному признаку (*поромник, розлинник, чередник*), реже по предметному (*боржник, жалобник*), при образовании названий лиц по предметно-оценочному признаку он используется нерегулярно (*зздричник*). Своеобразие укр.яз. проявляется не только в семантической ориентации суф. -nik₁, но и в его словообразовательных связях, так как при образовании *potina professionalia* он может сочетаться и с А₀, осложненными суф. морфом -ov: *кранівник, лісівник, птахівник*.

В белорусском языке ситуация такая же, как и в рус.: *адзіно́тнік, удзельнік; алейнік, кажущнік; хабарнік*.

В польском языке суф. -nik₁ используется прежде всего для образования названий лиц по профессиональному признаку (*cukiernik, hutnik, kapelusznik*), реже по предметному (*nartnik, kamienicznik*), при образовании названий лиц по предметно-оценочному признаку он используется нерегулярно (*zausznik*).

В верхнелужицком языке суф. -nik₁ привлекается для образования названий лиц по предметному (*brigadnik, wosadnik*) и профессиональному признаку (*hajnik, tódźnik*), реже по предметно-оценочному (*krawnik*).

В чешском языке суф. -nik₁ употребляется чаще всего для образования названий лиц по профессиональному признаку (*drůbežník, hrobník, klenotník*), реже по предметному (*farník*) и спорадически по предметно-оценочному (*hadrník*).

В словацком языке ситуация такая же, как и в чеш.: *pltník, vinogradník, záhradník; nocľažník; krádežník*.

В словенском языке суф. -nik₁ используется чаще всего для образования названий лиц по предметному (*levičnik, stričnik*) и профессиональному признаку (*hišnik, šolnik*), реже по оценочному (качественному и предметному) признаку (*svetnik, lakotnik*).

В сербскохорватском языке суф. -nik₁ служит прежде всего для образования названий лиц по предметному признаку (*власник, излетник, парник*), реже по профессиональному (*обртник, лекарник*) и оценочному (качественному и предметному) признаку (*веселник, кућник*).

В македонском языке суф. -nik₁ употребляется в основном для образования названий лиц по предметному признаку (*врсник, меѓник, заговорник*), реже по предметно-оценочному (*гнасотник, крвник*) и спорадически по профессиональному (*порезник*).

В болгарском языке ситуация такая же, как и в мак.: *кръжочник, конник; крамолник, дрвник; капелник* (разг.).

Из приведенного материала видно, что в вост- и зап.-сл.яз. суф. -nik₁ чаще всего используется при образовании названий лиц по профессиональному признаку (особенно последовательно этот принцип выдерживается в укр., плс., чеш., слц.яз.), а в юж.-сл. — по предметному. Общее, что характерно для всех славянских языков, это довольно пассивное участие суф. -nik₁ в образовании названий лиц по оценочному признаку (в этой функции значительно активнее употребляются суф. -ak₁, -ač₁, -ik₁).

1.1.2. Nomina agentis. Употребление суф. -nik₁ для образования агентивных названий лиц характерно в основном для юж-сл.яз., укр. и блр., в остальных языках эта нагрузка суф. -nik₁ выражена значительно слабее. Nomina agentis с суф. -nik₁ обозначают лица, как правило, по постоянному процессуальному, процессуально-оценочному или профессиональному признаку, причем в каждом языке наблюдается избирательное использование суф. -nik₁.

В русском языке суф. -nik₁ привлекается чаще всего для образования названий лиц по процессуально-оценочному признаку (*изменник, сводник, преступник*), реже по процессуальному (*кочевник, наследник*), в образовании имен по профессиональному признаку он участвует редко (*мельник*), СБ преимущественно inf._o.

В украинском языке суф. -nik₁ служит прежде всего для образования названий лиц по профессиональному признаку (*бурильник, молотник, різник*), реже по процессуальному (*замовник, поздоровник*) и sporadически по процессуально-оценочному (*посидільник*), СБ служат inf._o и -l—ptc._o.

В белорусском языке суф. -nik₁ используется в основном для образования названий лиц по процессуальному признаку (*зачынальнік, насельнік, пакупнік*), реже по процессуально-оценочному (*гарэзнік, шкоднік*), для образования nomina professionalia он привлекается эпизодически (*вартаўнік*), СБ — inf._o и -l—ptc._o.

В польском языке суф. -nik₁ употребляется чаще всего для образования названий лиц по профессиональному признаку (*rysownik, spławnik, walcownik*), реже по процессуальному (*płatnik, użytkownik*) и процессуально-оценочному (*gwałtownik, pochlebnik*), СБ преимущественно inf._o.

В верхнелужицком языке суф. -nik₁ участвует с равной степенью активности в образовании названий лиц как по процессуальному и процессуально-оценочному, так и профессиональному признакам (*jězdnik, naslědnik; mutnik, škódnik; maznik, rěznik*, СБ преимущественно inf._o).

В чешском языке суф. -nik₁ используется преимущественно для образования названий лиц по процессуальному (*poplatník, opatrovník*) и профессиональному признаку (*ilumočník, lakýrník*), реже по процессуально-оценочному (*lichotník*), СБ — inf._o.

В словацком языке ситуация та же, что и в чеш.: *poručník, následník; účtovník, výtvarník; príživník*, СБ — inf._o.

В словенском языке суф. -nik₁ служит прежде всего для образования названий лиц по процессуальному признаку (*naročnik, odpravnik, rodpisnik*), реже по профессиональному (*tovornik, voznik*) и sporadически по процессуально-оценочному (*odpadnik*), СБ — inf._o.

В сербскохорватском языке суф. -nik₁ употребляется чаще всего для образования названий лиц по процессуальному признаку (*говорник, заручник, отпремник*), реже по процессуально-оценочному (*напасник, штетник*) и sporadически по профессиональному признаку (*лечник*), СБ — inf._o.

В македонском языке суф. -nik₁ используется при образовании назва

ний лиц преимущественно по процессуальному (*населник, скитник*) и процессуально-оценочному признаку (*провалник, угодник*), реже по профессиональному (*прислужник*), СБ— inf.°.

В болгарском языке ситуация та же, что и в мак.: *поклонник, сговорник; одумник, прахосник; бирник*, СБ— inf.°.

В юж-сл.яз суф.-*nik*₁ может использоваться и для образования названий лиц по временному процессуальному признаку (слн. *zatumnik* 'опоздавший'; сх. *налазник* 'нашедший'; *преболник* 'выздоровливающий'; блг. *калесник* (диал.) 'приглашающий на свадьбу', а в блр. и плс.яз. — по временному профессиональному (блр. *жатник* (диал.), плс. *podbieralnik* 'тот, кто подбирает хлеб за косой').

Несмотря на разнообразие семантической ориентации суф.-*nik*₁, в использовании его славянскими языками прослеживается следующая закономерность: в зап-сл.яз (особенно в плс.) он наиболее последовательно употребляется при образовании названий лиц по профессиональному признаку, а в юж-сл. (особенно в слн. и сх.) по процессуальному, в вост-сл.яз. говорить о какой-либо закономерности сложно, так как в каждом языке он ориентирован по-разному. Значительно больше единства в словообразовательных связях суф.-*nik*₁ при образовании этих имен, так как во всех языках он сочетается преимущественно с inf.° и лишь в укр. и блр.яз. активно вступает в словообразовательные связи и с бывшими -l—*ptc*°.

1.2. ПРЕДМЕТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-*nik*₁

Предметное значение суф.-*nik*₁ связано с использованием его всеми славянскими языками для образования имен, обозначающих: 1) предметы хозяйственно-бытового назначения (особенно активно в слн.яз.); 2) *nomina instrumenti* (особенно в плс.); 3) предметы-вместилища того, что названо мотивирующим словом (особенно в слц.яз.); 4) фитонимы (особенно в плс.яз.); 5) зоонимы (особенно в плс.); 6) виды пищи (особенно в слц.); 7) породы и минералы; 8) атмосферные и погодные явления; 9) анатомические названия (особенно в слц. и слн.яз.) и др. В лексической реализации этого значения наблюдается следующая особенность: в вост- и зап-сл.яз. (за исключением плс.), в мак. и блг. суф.-*nik*₁ участвует чаще всего в образовании *nomina attributiva*, в плс., слн. и сх.яз. он так же последовательно используется и при образовании *nomina agentis*. В отличие от суф.-*ik*₁, он получил более широкое распространение в предметном значении (особенно в рус., зап-сл. и слн.яз.), однако в ряде языков (в частности, в укр., блр., сх., мак., блг.) использование его в этом значении (в сравнении со значением лица) носит более ограниченный характер.

В русском языке суф.-*nik*₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже (хотя так же достаточно активно) он используется для образования фитонимов, из др. ЛСГ можно выделить названия предметов-вместилищ, *nomina instrumenti*, зоонимы и названия видов пищи, для образования имен др. ЛСГ он привлекается редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *воротник, градусник, сошник*, СБ преимущественно С₀, реже Г (*умывальный*);

2) ботанические названия (чаще всего трав): *жабник, майник, пустырник*, реже др. видов: *орешник*, СБ преимущественно С₀, реже Г (*порезник*) и А (*терновник*); 3) названия предметов—вместилищ того, что названо мотивирующим словом: *салатник, молочник, соусник*, СБ—С₀; 4) nomina instrumenti: *запашник, окучник, паяльник*, СБ—inf. и l—ptc₀; 5) зооназвания (чаще всего птиц и насекомых): *рябинник, крапивник, навозник, щитник*; реже др. видов: *камышник*, СБ преимущественно С₀, реже Г (*оцупник*); 6) названия видов пищи: *макаронник, морковник, картофельник*, СБ преимущественно С₀, реже А (*маковник*); 7) названия пород: *галечник, ракушечник*, СБ—С₀; 8) анатомические названия: *кишечник, позвоночник*, СБ—С₀.

В украинском языке суф.-nik₁ также используется в основном для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже фитонимов и nomina instrumenti, из др. ЛСГ можно выделить названия предметов-вместилищ и зоонимы, в образовании других имен он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *годинник, свічник, сірник*, СБ преимущественно С₀, реже Г (*довідник*) и А (*путівник*); 2) ботанические названия (чаще всего трав): *рдесник, щучник, язичник*, реже др. видов: *підберезник*, СБ преимущественно С₀, реже А (*борщівник*); 3) nomina instrumenti: *праник, просапник, садильник*, СБ-inf. и l—ptc₀; 4) названия предметов-вместилищ: *кашник, рубник, опарник*, СБ—С₀; 5) зооназвания (чаще всего птиц и насекомых): *пересмішник, ягятник, панцирник, наїзник*, реже др. видов: *веретільник*, СБ—С и Г₀; 6) названия видов пищи: *калинник, маківник, медівник*, СБ—И₀; 7) названия веществ: *окисник*; 8) анатомические названия: *сечівник*; 9) названия пород: *черепашник*.

В белорусском языке суф.-nik₁ употребляется прежде всего для образования фитонимов, реже названий предметов хозяйственно-бытового назначения, из др. ЛСГ, где наблюдается достаточно регулярное использование суф.-nik₁, можно выделить nomina instrumenti и названия предметов—вместилищ, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) ботанические названия (чаще всего трав): *воцатнік, малачайнік, мечнік*, реже др. видов: *пад'ельнік*, СБ преимущественно С₀, реже А (*гняздоўнік*) и Г (*дрыжнік*); 2) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *газнік, настольнік, падстрэшнік*, СБ преимущественно С₀, реже Г (*уціральнік*) и А (*макоўнік*); 3) nomina instrumenti: *апырскавальнік, літавальнік, разрыхляльнік*, СБ преимущественно l—ptc₀, реже inf. (*паглыбнік*); 4) названия предметов—вместилищ: *пясочнік, рыбнік, патроннік*, СБ—С₀; 5) зооназвания (чаще всего птиц): *кrapiўнік, пясочнік, сцяrvятнік*, СБ—С₀; 6) названия видов пищи: *крупнік, скавароднік, грушоўнік*, СБ—И₀; 7) анатомические названия: *страўнік, надкаленнік*, СБ—С₀; 8) названия веществ: *акісляльнік*.

В польском языке суф.-nik₁ чаще всего используется при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения, nomina instrumenti и ботанических названий, реже зоонимов, при образовании имен др. ЛСГ он употребляется сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *dymnik, potnik, ręcznik*, СБ преимущественно С₀, реже (хотя также достаточно регулярно) привлекаются Г (*palnik, warnik*), А₀ используются редко (*prochownik*); 2) nomina instrumenti: *pilnik, miernik, obsypnik*, СБ преимущественно inf.₀, реже -l—ptc (*powiększalnik*), 3) ботанические названия (чаще всего трав): *glistnik, kopytnik, kulnik*, реже др. видов: *gnojnik* 'гриб-навозник', СБ преимущественно С₀, реже Г (*rozchodnik*) и А (*miodownik*); 4) зооназвания (чаще всего насекомых и птиц): *kornik, piasznik, nawałnik, zaskórnik*, реже др. видов: *jarnik*, СБ преимущественно С₀, реже А (*piaskownik*); 5) названия предметов—вместилищ: *gnojnik, piórnik, mapnik*, СБ—С₀; 6) названия видов пищи: *sernik, herbatnik, jagodnik*, СБ преимущественно С₀, реже А (*miodownik*); 7) названия веществ: *rozczywnik, rozpuszczalnik*, СБ—Г₀; 8) анатомические названия: *obrotnik*.

В верхнелужицком языке суф.-nik₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже фитонимов, из др. ЛСГ можно выделить зоонимы и названия предметов—вместилищ, для образования имен др. ЛСГ он привлекается спорадически:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *časnik, porjernik, rybarnik*, СБ преимущественно С₀, реже Г (*zapisnik*); 2) ботанические названия (чаще всего трав): *jařobnik, krawnik, próšnik*, реже др. видов: *křižnik*, СБ—С₀, реже А (*róžownik*) и Г (*rozkólnik*); 3) зооназвания (чаще всего насекомых): *mučnik, nósnik, žitnik*, реже др. видов: *rudnik*, СБ—С₀, реже Г (*naliwnik*) и А (*pawownik*); 4) названия предметов—вместилищ: *nóžnik, potujnik, popjelnik*, СБ—С₀; 5) nomina instrumenti: *tóčnik, šrubnik* 'тиски', СБ—inf.₀; 6) названия веществ: *roztwornik*; 7) анатомические названия: *žolčnik*.

В чешском языке суф.-nik₁ привлекается чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и фитонимов, реже названий предметов — вместилищ, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *deštnik, rukávník, větrník*, СБ преимущественно С₀, реже Г (*nosník*) и А (*kilometrovník*); 2) ботанические названия (чаще всего деревьев): *citrónovník, granátovník, kaštanovník*, реже др. видов: *jahodník, náprstník*, СБ служат И₀(А₀ часто осложнены суф.морфом-ov); 3) названия предметов—вместилищ: *livanečnik, omelečník, siřibrník*, СБ—С₀; 4) зооназвания (чаще всего насекомых и птиц): *bodláčnick, hedvábník, ořešník, rákosník*, реже др. видов: *mravenečnick*, СБ преимущественно С₀, реже Г (*potápník*); 5) nomina instrumenti: *cedník, dopravník, průbojník*, СБ—inf.₀; 6) анатомические названия: *konečnick, papečnick, žlučnick*, СБ—С₀; 7) названия веществ: *kysličnick*; 8) астрономические названия: *nadhlavník*; 9) географические термины: *obratník, obzorník*, СБ—С₀.

В словацком языке ситуация та же, что и в чеш. с той лишь разницей, что суф.-nik₁ достаточно активно участвует и в образовании названий видов пищи (особенно пирогов):

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *ciferník, medzník, mlńník*, СБ преимущественно С₀, реже Г (*obrubník*); 2) ботани-

ческие названия (чаще всего трав и деревьев): *krvavnik, srdcovnik, korkovnik, potarančovnik*, СБ преимущественно А₀ (нередко осложненные суф.морфом -ov), реже С (*bociannik*); 3) названия предметов—вместилищ: *mlečnik, popolnik, sol'nik*, СБ—С₀; 4) названия видов пищи: *lekvárovnik, makovnik, orechovnik*, СБ преимущественно А₀ (часто осложненные суф.морфом -ov), реже С (*tvarožnik*) и Г (*hodovnik*); 5) *nomina instrumenti*: *šrotovnik, údernik, vábnik*, СБ—inf.₀; 6) зооназвания (чаще всего животных и птиц): *jednokopytnik, orešnik*, реже др. видов: *okuliarnik*, СБ—С₀; 7) анатомические названия: *prsnik, prstennik, vrátnik*, СБ—С₀; 8) астрономические названия: *nadhlavník*; 9) географические термины: *obratník*.

В словенском языке суф.-nik₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже *nomina instrumenti*, из др. ЛСГ можно выделить названия предметов—вместилищ и анатомические названия:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *časnik, glavnik, gorilnik, hranilnik*, СБ служат С и Г₀, редко А (*logaritmovnik*); 2) *nomina instrumenti*: *ožemalnik, sesalnik, stepalnik*, СБ преимущественно -l—ptc₀, редко inf. (*predajnik*); 3) названия предметов—вместилищ: *črnilnik, jušnik, kavnik*, СБ—С₀; 4) анатомические названия: *osrčnik, podočnik, žolčnik*, СБ—С₀, реже Г (*požiralnik*); 5) ботанические названия (чаще всего трав): *kukavičnik, ostrožnik, pljučnik*, реже др. видов: *lešnik*, СБ—С₀; 6) названия видов пищи: *jajčnik, ponvičnik, žličnik*, СБ—С₀; 7) зооназвания: *deževnik, mračnik*, СБ—И₀; 8) названия веществ: *smodnik*.

В сербскохорватском языке суф.-nik₁ используется чаще всего при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *комарник, птичарник, одморник, праоник*, СБ—С и Г₀, реже А (*ђубровник*); 2) *nomina instrumenti*: *збирник, назувник*, СБ—inf.₀; 3) названия предметов—вместилищ: *биберник*; 4) анатомические названия: *душник, крајник, јажник*, СБ—С и Г₀; 5) названия веществ: *кисеоник*.

В македонском языке суф.-nik₁ также привлекается прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *градник, газјарник, соларник*, СБ преимущественно С₀, нередко осложненные суф. морфом -ag, реже Г (*бележник*) и спорадически А (*соновник*); 2) *nomina instrumenti*: *мелник, толчник*, СБ—inf.₀; 3) названия предметов—вместилищ: *зобник* 'мешок для овса' (*зоб 'овес'*), *солник, салатник*, СБ—С₀; 4) анатомические названия: *газник, душник, 'рбетник*, СБ—С и Г₀; 5) ботанические названия (чаще всего трав и кустарников): *пчелник, прашник, лешник*, СБ—С₀; 6) названия погодных явлений: *поројник*; 7) названия видов пищи: *млечник*; 8) названия пород: *варовник*.

В болгарском языке ситуация та же, что в мак.: 1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *дръеник, кошник, потник*. СБ преимущественно С₀, реже Г (*плювалник*) и спорадически А (ча-

овник); 2) названия предметов—вместилищ: *льжичник, стрелник, пепелник*, СБ—С₀; 3) названия видов пищи: *рыбник, спаначник*, СБ—С₀; 4) ботанические названия (в основном трав): *копитник, прашник, семенник*, СБ—С₀; 5) зооназвания: *хоботник, стръвник*, СБ—С₀, реже А (*дъждовник*); 6) анатомические названия: *пестник, кътник*, СБ—С₀; 7) названия атмосферных явлений: *есенник*; 8) *nomina instrumenti: будилник*.

В использовании суф.-*nik*₁ в предметном значении наряду с моментами сходства (проявляющимися прежде всего в общности значительной части ЛСГ имен, в образовании которых он участвует), славянские языки обнаруживают различия. Они связаны: 1) с лексической реализацией этого значения; 2) с семантической ориентацией суф.-*nik*₁ (ср. ситуацию в рус. и плс.-яз.); 3) с его словообразовательными связями как при образовании имен отдельных ЛСГ, так и в целом: во всех славянских языках (за исключением плс., слн. и сх.) он сочетается преимущественно с С₀ в плс., слн. и сх.-яз. — с С и Г₀; 4) с активностью его использования: здесь выделяются плс., чеш. и слц.-яз., в которых употребление суф.-*nik*₁ носит наиболее активный характер.

1.3. ЛОКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-*nik*₁

Локативное значение суф.-*nik*₁ ни в одном славянском языке серьезного развития не получило, хотя нельзя не отметить, что в вост.-сл.-яз., плс., мах. и блг. он используется в этом значении значительно активнее, чем в других славянских языках. *Nomina loci* с суф.-*nik*₁ являются, как правило, обозначениями места по характерному предметному признаку, лишь в плс. — по предметному и процессуальному (чаще всего это названия помещений или пространств, где находится то, что названо мотивирующим словом или где совершается действие). В семантической ориентации суф.-*nik*₁ при образовании этих имен наблюдаются следующие особенности.

В вост.-сл.-яз. суф.-*nik*₁ используется прежде всего для образования локативов, обозначающих место с ограниченным пространственным объемом (помещения, где находится то, что названо мотивирующим словом, реже где совершается действие): рус. *коровник, птичник, телятник; зимовник*; укр. *голубник, курник, курчатник; витверезник*; блр. *авечнік, парасятнік, сабачнік; мыцельнік*; реже он употребляется при образовании локативов, обозначающих место с неограниченным пространственным объемом: пространство, где находится то, что названо мотивирующим словом, реже где совершается действие: рус. *цветник, рудник; отстойник*; укр. *капустник, квітник; розплідник*; блр. *жабнік, макоўнік; бельнік* (обл.), СБ служат преимущественно С₀.

В зап.-сл.-яз. (за исключением плс.) суф.-*nik*₁ служит для образования локативов, обозначающих место как с ограниченным, так и неограниченным пространственным объемом (чаще всего это названия помещений (а в в.-луж. — названия заводов) или пространств, где находится то, что названо мотивирующим словом): в.-луж. *kopornik* 'меднолитейный завод' (*kopor* 'медь'), *krupnik; rybnik, wódnik*; чеш. *holubník, teletník; trávník*; слц. *prasačnik, senník; zverník, rybník*; реже где

совершается действие: в-луж. *třělník, chódník*; чеш. *krmník*; слц. *chodník*, в плс.яз. суф.-*nik*₁ употребляется чаще всего для образования локативов, обозначающих место с неограниченным пространственным объемом (по предметному или процессуальному признаку): *pašník, osadník, oczyszczalnik; warzywnik, mszarnik, kapustnik*, реже с ограниченным (в основном названий помещений, где находится то, что названо мотивирующим словом): *gnojník, gołębnik*, реже — где совершается действие: *przyspiesznik*, СБ служат С и Г_о в остальных зап-сл.яз. преимущественно С_о.

В юж-сл.яз. ситуация складывается по-разному: в сх. и блг.яз. суф.-*nik*₁ используется чаще всего при образовании локативов, обозначающих место с ограниченным пространственным объемом, как правило, названий помещений (сх. *голубарник, живинарник*; блг. *овчарник, птичарник*), реже с неограниченным: пространство по характерному предметному или процессуальному признаку: сх. *цвећарник; расадник*; блг. *ягодарник; разводник*; в слн.яз. суф.-*nik*₁ привлекается для образования локативов, обозначающих место в основном с неограниченным пространственным объемом (пространство по характерному предметному, реже процессуальному признаку): *ribník, travník, pašník*, реже с ограниченным (названия помещений, где находится то, что названо мотивирующим словом): *kurník* 'курятник', *tičník*; в мак.яз. су.-*nik*₁ участвует в образовании локативов, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом (как правило, это названия помещений или пространств, где находится то, что названо мотивирующим словом): *воловарник, гускарник, пчеларник, жабарник*; реже, где совершается действие: *ходник*, СБ служат преимущественно С_о (в сх., мак., блг.яз. часто осложненные суф.-аг).

Несмотря на разнообразие семантической ориентации суф.-*nik*₁, нетрудно заметить, что в целом он используется прежде всего для образования названий помещений, где находится то, что названо мотивирующим словом (исключение составляют лишь плс. и слн.яз., где он чаще встречается в названиях пространств). Значительно больше единства в словообразовательных связях суф.-*nik*₁, так как во всех языках (за исключением плс.) для него характерно сочетание преимущественно с С_о, (в плс. — с С и Г_о), хотя необходимо отметить, что и это единство является относительным, так как в юж-сл.яз. (за исключением слн.) СБ являются не просто С_о, а основы, осложненные суф.-аг, что отличает их от др. языков, где подобный вид мотивации либо вообще отсутствует, либо встречается как единичный (ср. рус. *свинарник, укр. скотарник*).

II. СУФ.-*nik*₂ ТРАНСПОЗИЦИОННЫЙ

Транспозиционный суф.-*nik*₂ славянским языкам не известен. Лишь в укр.яз. отмечено единичное девербативное образование, обозначающее отвлеченный процессуальный признак: *зупинник* (спец.) 'останов'.

III. СУФ.-nik, МОДИФИКАЦИОННЫЙ

Модификационный суф.-nik₃, в отличие от мутационного суф.-nik₁, имеет довольно ограниченный ареал и сферу употребления, так как распространен он главным образом в вост-сл.яз., где используется для образования *nomina collectiva*, обозначающих совокупность деревьев или кустарников (реже др. видов растений), в остальных языках собирательное значение суф.-nik₃ либо вообще не известно, либо встречается как единичное, ср.: рус. *ельник, осинник, осокорник*; укр. *бузинник, чагарник, конопельник*; блр. *хвойнік, шыпшынік, ажынік*; плс. *oliwnik*; чеш. *prutník*; слн. *slivnik*; мак. *панрадник*; СБ этих имен служат *C₀*, как единичные встречаются А (плс. *brzozownik*).

Итак, функционирование омосуффикса -nik в славянских языках характеризуется следующими особенностями: в юж. и зап-сл.яз. используется в основном мутационный суф.-nik₁, в вост-сл. — мутационный суф.-nik₁ и модификационный суф.-nik₃, причем модификационный суф. по отношению к мутационному развит значительно слабее, таким образом основным, регулярно используемым суффиксом во всех языках является мутационный суф.-nik₁. Функциональная нагрузка омосуффикса -nik может быть представлена следующим образом:

в рус. яз. мутационный суф.-nik₁ употребляется для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному (чаще всего предметному и профессиональному) признаку) и предметности (наиболее последовательно — названий предметов хозяйственно-бытового назначения), реже *nomina loci*, обозначающих в основном помещения, где находится то, что названо мотивирующим словом; модификационный суф.-nik₃ служит для образования *nomina collectiva*, обозначающих совокупность деревьев, кустарников, реже др. растений;

в укр.яз. мутационный суф.-nik₁ используется в основном для образования имен с общим значением лица — *nomina attributiva*, *nomina agentis* (чаще всего по профессиональному признаку), реже со значением предметности (преимущественно названий предметов хозяйственно-бытового назначения) и места (главным образом, названий помещений, где находится то, что названо мотивирующим словом); модификационный суф.-nik₃ служит для образования *nomina collectiva*, обозначающих совокупность деревьев, кустарников, реже др. растений;

в блр.яз. мутационный суф.-nik₁ служит в основном для образования имен с общим значением лица (*nomina attributiva* чаще всего по предметному и профессиональному признаку; *nomina agentis* — по профессиональному), реже со значением предметности (наиболее последовательно ботанических названий) и места (в основном названий помещений, где находится то, что названо мотивирующим словом); модификационный суф.-nik₃ используется как суф. собирательности при образовании имен, обозначающих совокупность деревьев, кустарников или др. растений;

в плс.яз. мутационный суф.-nik₁ используется для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному (профессиональному) признаку) и предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и фитонимов), реже *nomina loci* (при образовании названий пространств,

где находится то, что названо мотивирующим словом или где совершается действие);

в в-луж.яз. мутационный суф.-*nik*₁ употребляется для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному (предметному и профессиональному) признаку) и предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения), редко *nomina loci*;

в чеш.яз. мутационный суф.-*nik*₁ служит для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному (профессиональному) признаку) и предметности (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения и фитонимов), редко со значением места;

в слц.яз. ситуация та же, что и в чеш.

в слн.яз. мутационный суф.-*nik*₁ используется для образования имен с общим значением лица (*nomina attributiva* чаще всего по предметному и профессиональному признаку; *nomina agentis* — по процессуальному) и предметности (наиболее последовательно — названий предметов хозяйственно-бытового назначения), редко *nomina loci*;

в сх.яз. мутационный суф.-*nik*₁ служит прежде всего для образования имен с общим значением лица (*nomina attributiva* чаще всего по предметному признаку, *nomina agentis* — по процессуальному), реже предметности (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения) и еще реже места (названий помещений, где находится то, что названо мотивирующим словом);

в мак.яз. мутационный суф.-*nik*₁ употребляется прежде всего для образования имен с общим значением лица (*nomina attributiva* чаще всего по предметному признаку; *nomina agentis* — по процессуальному и процессуально-оценочному); реже со значением предметности (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения) и места (названий помещений или пространств, где находится то, что названо мотивирующим словом);

в блг.яз. ситуация та же, что и в мак., с той лишь разницей, что при образовании *nomina loci* суф.-*nik*₁ используется чаще всего в названиях помещений, где находится то, что названо мотивирующим словом.

Из этого распределения функциональной нагрузки омосуффикса -*nik* видно, что наряду с довольно существенными моментами сходства, в славянских языках прослеживаются и не менее существенные различия. Сходство, относящееся в основном к использованию мутационного суф.-*nik*₁ проявляется: 1) в общности его СЗ; 2) в его семантической ориентации в предметном и локативном значениях; 3) в значительной части ЛСГ образуемых с ним имен. Различия связаны: 1) с функциональным объемом омосуффикса -*nik*; 2) с распределением функциональной нагрузки мутационного суф.-*nik*₁; 3) с лексической реализацией значений лица и предметности суф.-*nik*₁; 4) с его семантической ориентацией в значении лица; 5) с разной емкостью его семантического поля: по этому признаку славянские языки можно расположить следующим образом в убывающей последовательности: а) чеш., слц., укр.яз. (самое емкое СП); б) рус., блр., плс., слн.,

мак., блг.яз.; в) в-луж.; г) сх.яз.; б) со словообразовательными связями суф.-*nik*₁ как при образовании имен отдельных ЛСГ, так и в целом: в рус., в-луж., чеш., слц.яз. для него характерно сочетание преимущественно с *C*₀, в остальных языках с *C* и *Г*₀ (связи с *A*₀ во всех языках носят ограниченный характер); 7) с разной степенью активности использования суф.-*nik*₁ как при образовании имен той или иной ЛСГ (ср., напр., его активное использование при образовании *nomina instrumenti* в плс.яз., предметов-вместилищ — в слц.), так и в целом; 8) с разной степенью развития того или иного СЗ (ср., напр., локативное значение); 9) с самым распространением суф.-*nik*: будучи известным всем славянским языкам, он получил, однако, самое широкое распространение в вост- и зап-сл-яз. (а из юж-сл. — в слн.), причем при образовании имен с общим значением лица он активнее всего используется в укр., а при образовании имен с общим значением предметности — в плс., чеш., слц.

Различия эти прослеживаются не только между языками разных языковых групп, но и близкородственными, ср., напр., ситуацию в вост-сл.яз., где, с одной стороны, выделяется рус., в котором суф.-*nik*₁ обладает иной функциональной нагрузкой, чем в укр. и блр.яз., а с другой — укр. и блр.яз., в которых он имеет иную, чем в рус.яз., реализацию значения лица; или в зап-сл.яз., где также, с одной стороны, выделяется плс., в котором суф.-*nik*₁ достаточно активно используется для образования *nomina loci*, а с другой — в-луж., в котором он имеет отличную от др. зап-сл.яз. семантическую ориентацию при образовании имен с общим значением лица и предметности; или в юж-сл., где выделяется слн.яз., в котором суф.-*nik*₁ обладает иной функциональной нагрузкой и используется значительно активнее, чем в др. юж-сл.яз.

Развитие основных значений суф.-*nik*₁ было тесно связано с суф.-*ik*₁, на базе которого он возник еще в праславянский период, причем решающую роль в становлении его как самостоятельного суффикса сыграло расширение словообразовательных связей за счет активного соединения с *C*₀ и особенно с *Г*. Это привело к тому, что во всех славянских языках при образовании имен с общим значением лица наблюдается предпочтительное употребление суф.-*nik*₁, при образовании же агентивных названий лиц — практически только суф.-*nik*₁, так как с суф.-*ik*₁ отмечено ничтожно малое число образований. Расширение словообразовательных связей повлекло за собой и более активное (по сравнению с суф.-*ik*₁) использование его всеми славянскими языками при образовании имен с общим значением предметности (особенно названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*), а также места.

СУФФИКС -ec

Являясь праславянским словообразовательным формантом, суф.-ec получил широкое развитие во всех славянских языках, в результате в большинстве из них он выступает как омосуффикс, хотя возникшие на его основе мутационный, транспозиционный и модификационный суффиксы имеют разный характер распространения и употребления.

1. СУФ.-ЕС₁ МУТАЦИОННЫЙ

Основными значениями мутационного суф.-ес₁ являются значения лица и предметности, причем в вост- и юж-сл.яз. он функционирует прежде всего как суффикс лица, а в зап-сл. он так же активно используется и при образовании имен с общим значением предметности. Локативное значение развито у него значительно слабее, однако в зап-сл.яз. и сх. он достаточно регулярно по сравнению с др. языками привлекается для образования *nomina loci*.

1.1. ЗНАЧЕНИЕ ЛИЦА СУФ.-ЕС₁

Личностное значение суф.-ес₁ связано с использованием его всеми языками для образования имен с общим значением лица, причем во всех языках, за исключением слн. и сх., он употребляется чаще всего для образования *nomina attributiva*, в слн. и сх.яз. он так же активно участвует и в образовании *nomina agentis*.

1.1.1. *Nomina attributiva* с суф.-ес₁ во всех славянских языках являются наименованиями лиц по качественному и качественно-оценочному признаку. Профессиональный признак редко кладется в основу этих имен (исключение составляют лишь плс. и отчасти вост-сл.яз., в которых суф.-ес₁ используется и при образовании *nomina professionalia*). Кроме того, суф.-ес₁ имеет еще одну функциональную нагрузку, отличающую его от рассмотренных уже суффиксов, это образование названий лиц по месту их жительства, национальной принадлежности, а также по принадлежности к общественным и идейным течениям, идеологическим направлениям, партиям, учреждениям и т.д. Причем в разных славянских языках суф.-ес₁ ориентирован семантически по-разному.

В русском языке суф.-ес₁ служит преимущественно для образования названий лиц по месту их жительства (*ленинградец, орловец*), национальной принадлежности (*итальянец, осетинец*), принадлежности к общественным и идейным течениям, партиям, учреждениям (*толстовец, студиец*), а также по качественно-оценочному признаку (*глупец, подлец*), значительно реже он используется для образования названий лиц по качественному (*мертвец*) и профессиональному признаку (*путеец*), СБ служит чаще всего А₀ (нередко это словосочетания с мотивирующим прилагательным в качестве определения), реже С₀.

В украинском языке суф.-ес₁ имеет в принципе ту же семантическую ориентацию с той лишь разницей, что активнее, чем в рус.яз., используется при образовании названий лиц по качественному признаку: *верховинець, полтавець; англієць, італієць; нахімовець, стахановець; лукавець, сміливець; білявець; сестрінець; службовець*, СБ преимущественно А₀, реже С.

В белорусском языке суф.-ес₁ ситуация та же, что и в укр: *слаўгарадзец, местачковец; аўстраліец, карзец; мясцомавец, шчорсавец; баязлівец, ганарлівец; глушыц, адзінец; забяспечэнец*.

В польском языке суф.-ес₁ используется прежде всего для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку (*niegodziwiec, pechowiec, poczciwiec*), реже по качественному (*malec, synowiec*),

профессиональному (*drogowiec, naftowiec*), а также по признаку принадлежности к общественным и идейным течениям, организациям, партиям, учреждениям (*grudniowiec, lewicowiec ludowiec, związkowiec*), редко по признаку территориальной и национальной принадлежности (*miastowiec, Słoweniec*), СБ служат преимущественно A_0 (часто осложненным суф.морфом -ow или -iw), нередко словосочетания с мотивирующим прилагательным в качестве определения.

В верхнелужицком языке суф.-ес₁ употребляется преимущественно для образования названий лиц по качественному признаку (*młodźenc starc, šědźiwc*), реже (хотя и достаточно регулярно) — по качественно-оценочному (*hrubowc*), в образовании имен с др. семантическими признаками он используется сравнительно редко (*babjenc, bohosłowc, komsomolc; Malajowc, Eskimowc*), СБ служат преимущественно A_0 .

В чешском языке суф.-ес₁ используется чаще всего для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку (часто негативному [МČ, 1986, 267]): *bázlivec, hrabivec; odvážlivec*; реже по качественному (*blíženec, slepec*) и по признаку территориальной и национальной принадлежности (*Jugoslávec, Iránc*), в образовании имен др. семантических групп он участвует сравнительно редко (*zaměstnanec; leninovec, kantovec*), СБ служат преимущественно A_0 .

В словацком языке ситуация та же, что и в чеш.: *bezočivec, ctižiadostivec, dotieravec*; особенностью слц.яз. является то, что эти образования часто имеют пейоративную окраску (*nafúkanec, skuhravec; mládenec, synovec; orientálec vrchovec, Afganec; učenic; heglovec, tolstojovec, rodobranec*).

В словенском языке суф.-ес₁ привлекается чаще всего для образования названий лиц по качественному (*nagec, plešec*) и качественно-оценочному признаку (*laskavec, strašljivec*), а также по признаку территориальной и национальной принадлежности (*Finec, Indijanec, gorjanec*), в образовании имен др. семантических групп он участвует спорадически (*agrarec; kalvinec, gimnazijec*), СБ преимущественно A_0 .

В сербскохорватском языке суф.-ес₁ употребляется преимущественно для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку (*брбљивац, завидљивац, поганац*), реже по качественному признаку (*грбавац, кудравац*), а также по признаку территориальной и национальной принадлежности (*долинац, Босанац, Херцеговац*), в образовании имен др. семантических групп он участвует значительно реже (*трамвајац, аристокреловац, партијац*); особенность сх-яз. — в использовании суф.-ес₁ для образования названий лиц — членов семьи, рода: *Ашеровац, Дановац* [Babić, 1986, 61]. СБ служат преимущественно A_0 .

В македонском языке суф.-ес₁ используется для образования названий лиц по качественному (*младинец, мртовец*), качественно-оценочному (*грабливец, истрец*), а также по признаку территориальной и национальной принадлежности (*Московјанец, Сибирец, Монголец*), в образовании имен др. семантических групп он участвует спорадически (*металец; хегелијанец, бригадирец*), СБ преимущественно A_0 .

В болгарском языке суф.-ес₁ служит для образования названий лиц чаще всего по качественно-оценочному признаку (*палавец, свадли-*

вещ), а также по признаку территориальной и национальной принадлежности лица (*добруджанец, московец, армянец*), реже по качественному признаку (*самец, старец*), в образовании имен др. семантических групп он участвует сравнительно редко (*текстилец; хегелианец*), СБ преимущественно A_0 .

Несмотря на разнообразие семантической ориентации суф.-ес₁, не трудно заметить, что во всех языках (за исключением в-луж.) он используется прежде всего для образования названий лиц по качественно-оценочному признаку, а также по признаку национальной и территориальной принадлежности, в вост-сл-яз., кроме того, по признаку принадлежности лица к общественным и идейным течениям, партиям, организациям и проч. Значительно больше единства в словообразовательных связях суф.-ес₁, так как во всех языках он сочетается преимущественно с A_0 (в зап-сл. часто осложненными суф.-морфом -ov или -iv), реже C_0 (главным образом при образовании *nomina nationalia et regionalia*, причем нередко опосредствованно).

1.1.2. *Nomina agentis*. Способность к образованию агентивных названий лиц выражена у суф.-ес₁ слабее. Только в слн. и сх.яз. он достаточно активно используется и в этой функции. *Nomina agentis* с суф.-ес₁ являются наименованиями лиц по процессуальному (как правило, постоянному), процессуально-оценочному и профессиональному признаку. Причем в каждом языке суф.-ес₁ ориентирован семантически по-разному.

В вост-сл.яз. суф.-ес₁ привлекается чаще всего для образования названий лиц по процессуальному признаку (рус. *выходец, творец, жилец*; укр. *замовець, курець, мандрівець*; блр. *падавец, спажывец, тапелец*), реже по профессиональному (рус. *продавец, торговец*; укр. *швець, жнець*; блр. *касец, шавец*) и спорадически по процессуально-оценочному (рус. *льстец*; укр. *здирець*), СБ преимущественно inf.₀.

В зап-сл.яз. (за исключением в-луж.) суф.-ес₁ используется при образовании названий лиц по процессуальному (плс. *jeździec, wędrowiec*; слц. *chodec, vuhorelec*; чеш. *běžec, kupec*) и профессиональному признаку (плс. *remontowiec, trałowiec*; чеш. *letec, lítec*; слц. *kosec, mlatec*), редко по процессуально-оценочному (плс. *łakomicz*; чеш. *ožralec*; слц. *opilec*), СБ служат преимущественно inf.₀, реже -l—ptc₀ (хотя в слц.яз., в отличие от чеш., они используются более активно, ср. *zblúdílec, zurvalec*). В в-луж.яз. суф.-ес₁ употребляется чаще всего при образовании названий лиц по профессиональному признаку (*krawc, twarc, tkalc*), реже по процессуальному (*darc, zběrc*) и процессуально-оценочному (*wopiłc, worakawc*), СБ преимущественно inf.₀, реже -l—ptc₀.

В юж-сл.яз. ситуация неоднозначная: в слн.яз. суф.-ес₁ служит для образования названий лиц по процессуальному (*došlec, snubec*) и профессиональному признаку (*čistilec, predec*), реже (хотя также достаточно регулярно) по процессуально-оценочному (*mučilec, morilec*), СБ преимущественно -l—ptc₀, реже inf.₀. В сх.яз. суф.-ес₁ употребляется в основном для образования названий лиц по профессиональному признаку (*возац, глумац, личилац*), реже (хотя также доста-

точно регулярно) по процессуальному (*просац, слушалац*) и процессуально-оценочному признаку (*балавац, желац*), СБ — inf. и -1—ptc_o. В мак. и блг.яз. суф.-ес₁ используется одинаково как при образовании названий лиц по процессуальному (мак. *купец*; блг. *платец*) и процессуально-оценочному признаку (мак. *крадец*; блг. *брьцолевец* (разг.)), так и профессиональному (мак. *варилец*; блг. *свирец*), СБ преимущественно inf._o, реже -1—ptc.

Из приведенного материала видно, что в вост-сл.яз. суф.-ес₁ ориентирован в основном на образование названий лиц по процессуальному признаку, а в зап- и юж-сл. — по профессиональному. СБ этих имен во всех языках (за исключением слн. и сх.) служат преимущественно inf._o, в слн. — -1—ptc_o, в сх.яз. активно используются оба типа основ.

1.2. ПРЕДМЕТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-ЕС₁

Предметное значение суф.-ес₁ связано с использованием его всеми славянскими языками (особенно активно зап-сл.) для образования имен, обозначающих: 1) предметы хозяйственно-бытового назначения (особенно многочисленна эта группа имен в зап-сл.яз.); 2) *nomina instrumenti* (особенно в слн.); 3) фитонимы (особенно в плс. и в-луж.); 4) зоонимы (особенно в плс., в-луж., сх.яз.); 5) виды пищи (особенно в слн.); 6) минералы, породы (особенно в зап-сл.яз.); 7) анатомические названия; 8) болезни; 9) атмосферные и погодные явления (особенно в сх. и мак.яз.); 10) нечистоты (в основном в в-луж., чеш., слц.) Во всех славянских языках эти имена являются по преимуществу *nomina attributiva* и лишь в слн., мак. и блг.яз. среди них так же широко представлены и *nomina agentis*. В семантической ориентации суф.-ес₁ наблюдаются следующие особенности.

В русском языке суф.-ес₁ употребляется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоо- и ботанических названий, реже названий видов пищи, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *падавец, рубец, стланец*, СБ преимущественно Г_o, реже А (*сырец*); 2) ботанические названия (чаще всего трав): *острец, чистец, чабрец*, СБ преимущественно И_o, реже Г (сеянец); 3) зооназвания (чаще всего животных): *ленивец, иноходец, жеребец*, реже др. видов: *голец*, СБ преимущественно И_o, реже Г (*выжлец*); 4) названия видов пищи: *холодец, варенец, леденец*, СБ преимущественно А_o, реже Г (*смалец*); 5) названия болезней: *гнилец, мокрец, нутрец*, СБ—И_o; 6) названия пород: *орлец, останец*, СБ—С и Г_o; 7) *nomina instrumenti*: *резец*; 8) анатомические названия: *крестец*.

В украинском языке ситуация та же, что и в рус.: 1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *дубець, корець, топирець*, СБ преимущественно С_o, реже А (*живець*) и Г (*схидець*); 2) ботанические названия (чаще всего трав): *жовтець, мокрець, синець*, реже др. видов: *яловець*, СБ преимущественно А_o; 3) зооназвания (чаще всего животных): *телець, свавець, лівивець*, реже др. видов: *топірець*, СБ преимущественно И_o, реже Г (*нурець*); 4) названия

видов пищи: *млинець, ліпець, сирівець*, СБ—И₀; 5) названия химических веществ: *вуглець* 'углерод'; 6) *nomina instrumenti*: *різець*; 7) названия болезней: *дитинець, свербець*, СБ—А и Г₀.

В белорусском языке суф.-ес₁ служит преимущественно для образования ботанических и зооназваний, реже названий предметов хозяйственно-бытового назначения, в образовании имен др. ЛСГ он практически не участвует:

1) ботанические названия (чаще всего трав): *вастрэц, звярэц, казялец, варанец*, реже др. видов: *ядловец*, СБ преимущественно И₀, реже Г (*званец*); 2) зооназвания (животных, птиц, рыб): *глушэц, лянівец, рыбец, рамянец*, СБ преимущественно И₀, реже Г (*нырэц*); 3) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *дубец, чырвонец, жывец*, СБ—И₀; 4) названия видов пищи: *рубец, ледзянец*, СБ—Г и А₀; 5) анатомические названия: *мезенец* (*мезены палец* 'то же'); 6) *nomina instrumenti*: *разец*.

В польском языке суф.-ес₁ используется чаще всего при образовании ботанических и зооназваний, реже названий предметов хозяйственно-бытового назначения, в образовании имен др. ЛСГ он участвует менее активно:

1) ботанические названия (чаще всего трав и деревьев): *czerniec, gajowiec, chlebowiec, granatowiec*, реже др. видов: *jaśminowiec*, СБ преимущественно А₀ (часто осложненные суф. морфом -ow), реже С (*jastrzębiec*) и Г (*wilec*); 2) зооназвания (чаще всего животных и насекомых): *wierzchowiec, legawiec, ślepiec, zbożowiec*, реже др. видов: *jeżowiec*, СБ преимущественно А₀ (часто осложненные суф. морфом -ow), реже С (*tasiemiec*) и Г (*padalec*); 3) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *bykowiec, deszczowiec, prochowiec*; особенностью плс. яз. являются многочисленные названия судов и самолетов с суф.-ес₁: *masztowiec* 'мачтовое судно', *śrubowiec, odrzutowiec* 'реактивный самолет', *śmigłowiec*, СБ преимущественно А₀ (нередко осложненные суф. морфом -ow), реже С (*skarbiec*); и Г (*pokrowiec*); 4) названия видов пищи: *takowiec, razowiec, rytlowiec*, СБ преимущественно А₀, реже Г (*przekładaniec*); 5) названия геологических пород: *perłowiec, piaskowiec, rogowiec*, СБ преимущественно А₀, реже С (*gliniec*) и Г (*kruszec*); 6) названия болезней: *krztusiec, gnilec*, СБ—Г₀; 7) *nomina instrumenti*: *oklepiec, hamulec*, СБ—inf. и -1—ptc₀; 8) анатомические названия: *kościec*.

В верхнелужицком языке суф.-ес₁ служит прежде всего для образования фитонимов, реже названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов, в образовании имен др. ЛСГ он участвует редко:

1) ботанические названия (чаще всего деревьев, трав, кустарников): *brěškowc, sadowc, hadowc, hórkowc, šipkowc, łuknowc*, СБ преимущественно А₀ (часто осложненные суф. морфом -ow); 2) названия предметов хозяйственно-бытового назначения; *brěžowc, mjedowc, drjewjanc*, СБ преимущественно А₀ (нередко осложненные суф. морфом -ow), реже С (*papjerc*) и Г (*worštowc*); 3) зооназвания (насекомых, животных, птиц): *drjewowc, popjelc, jěžowc, žwinc, zornožerc*, реже др. видов: *symjenc*, СБ преимущественно И₀; 4) названия пород: *sadowc, warpowc, zornowc*, СБ—А₀; 5) названия пищи: *posypanc, praženc, tykanc*,

СБ—n—ptc_o, реже Г (*šmaľc*); 6) nomina instrumenti: *džerc, podwalc*, СБ—inf. и -l—ptc_o; 7) анатомические названия: *kosćowc, žronowc*, СБ—A_o; 8) названия нечистот: *kačenc, kruwjanc*, СБ—A_o; 9) названия погодных явлений: *pjerchawc*.

В чешском языке суф.-ес₁ употребляется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов, в образовании имен др. ЛСГ он участвует значительно реже:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *nosec, rukávec, vlasec*, СБ преимущественно С_o, реже Г (*krmelec*) и А (*pěšec*); 2) зооназвания (чаще всего животных): *býložravec, hlodavec, přežvýkavec*, реже др. видов: *kůrovcec*, СБ преимущественно А_o, реже Г (*pěvec*); 3) ботанические названия (чаще всего трав): *rožec, hořec, ptačinec*, реже др. видов: *pestřec*, СБ преимущественно И_o, реже Г (*pryšec*); 4) названия пород: *člnovec, magnetovec, pískovec*, СБ преимущественно А_o; 5) nomina instrumenti: *hřebelec, hodec, skřípec*, СБ—inf_o и -l—ptc_o; 6) названия видов пищи: *makovec, rožičnec*, СБ—И_o; 7) названия нечистот: *husinec, kobylinec, kravinec*, СБ—A_o; 8) анатомические названия: *kostlivec, sklivec*, СБ—A_o; 9) названия атмосферных явлений: *lijavec*.

В словацком языке суф.-ес₁ используется в основном для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, реже ботанических и зооназваний, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *klinec, krajec, snopec*, СБ преимущественно С_o, реже А (*spiežovec*) и Г (*strapec*); 2) ботанические названия (чаще всего трав): *krvavec, lipkavec, rohatec*, реже др. видов: *lykovec*, СБ преимущественно А_o, реже Г (*poniklec*); 3) зооназвания (чаще всего животных): *cicavec, junec, bylinožravec*, реже др. видов: *vlasovec*, СБ преимущественно А_o; 4) nomina instrumenti: *bežec, vábec, štipec*, СБ—inf_o; 5) названия пород: *mandľovec, smolinec, penovec*, СБ преимущественно А_o, реже С (*kreměnc*); 6) названия нечистот: *holubinec, kozacinec, mušacinec*, СБ—A_o; 7) названия видов пищи: *lipovec, mazanec*, СБ—А и Г_o; 8) анатомические названия: *kostlivec, stavec*, СБ—А и Г_o; 9) названия атмосферных явлений: *kamenec, ľadovec*, СБ—И_o; 10) названия болезней: *hostec* (прост.).

В словенском языке суф.-ес₁ привлекается чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов, реже названий видов пищи, фитонимов и nomina instrumenti, в образовании имен др. ЛСГ он используется менее последовательно:

1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *lanec, životec, drobec, dulec*, СБ служат С и Г_o; 2) зооназвания (чаще всего животных, особенно лошадей): *sivec* 'лошадь серой масти', *šarec, vranec, jarec*, реже др. видов: *križavec*, СБ преимущественно А_o, реже Г (*glodalec*); 3) названия видов пищи (часто спиртных напитков и мучных изделий): *brinjevec, kuminovec, presnec, soljenec*, СБ преимущественно А_o; 4) ботанические названия (чаще всего деревьев и трав): *figovec, mandljevec, uživec, bedrinec*, СБ преимущественно А_o; 5) nomina instrumenti: *drobilec, hladilec, mešalec*, СБ -l—ptc_o; 6) анатомические названия (часто пальцев): *kazalec, prstanec, sredinec, živec*, СБ—И и Г_o; 7) названия пород: *železovec, apnenec*, СБ—A_o.

В сербскохорватском языке суф.-ес₁ служит прежде всего для образования зоонимов, реже фитонимов и названий предметов хозяйственно-бытового назначения, для образования имен др. ЛСГ он привлекается спорадически:

1) зооназвания (чаще всего животных и птиц): *зверац, смрдљивац, гушавац, пузавац*, реже др. видов: *глоговац*, СБ преимущественно И_о, реже Г (*ронац*), 2) ботанические названия (чаще всего трав): *ветровац, пенавац, лисац, ребрац*, реже др. видов: *мамутовац*, СБ преимущественно И_о, реже Г (*љубимац*); 3) названия предметов хозяйственно-бытового назначения (чаще всего палок): *брезовац, буковац, кленовац; млинац, канавац*, СБ преимущественно И_о, редко Г (*плутац*); 4) названия видов пищи: *багремовац, бухавац, преснац*, СБ—А_о; 5) *nomina instrumenti*: *потајац, трлац*; 6) названия погодных и атмосферных явлений: *ковитлац, шкropaц, сушац*, СБ—Г и А_о; 7) анатомические названия: *малац*; 8) названия болезней: *перутац, пламац*, СБ—Г_о; 9) названия пород: *шкриљац*.

В македонском языке суф.-ес₁ используется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов, в образовании имен др. ЛСГ он участвует сравнительно редко: 1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *златец, кожурец, поклопец, звонец*, СБ преимущественно С и Г_о; 2) зооназвания (животных, птиц, насекомых): *вранец, глушец, клукалец, нурец, комарец, свирец*, СБ—И и Г_о; 3) *nomina instrumenti*: *замавец, скрипец, шилец*, СБ—inf. и -l—ptc_o; 4) ботанические названия (чаще всего трав): *здравец, киселец, скрипец*, СБ—А и Г_о; 5) названия видов пищи: *блудец, квасец, киселец*, СБ—Г и А_о; 6) названия атмосферных явлений: *кривец, блескавец, прплец* (диал.), СБ—Г и А_о; 7) анатомические названия: *показалец*.

В болгарском языке ситуация та же, что и в мак.: 1) названия предметов хозяйственно-бытового назначения: *кръстец, конопец, звонец, мамец*, СБ служат С и Г_о, реже А (*острец*); 2) зооназвания (чаще всего животных): *бодливец, песоглавец, поганец*, реже др. видов: *скакалец, гмурец*, СБ—И и Г_о; 3) ботанические названия (чаще всего трав): *лападец* (лапад (диал.) 'то же'), *синчец, равнец, киселец*, СБ—И_о; 4) анатомические названия: *гледец, мъдрец, прасец*, СБ—И и Г_о; 5) *nomina instrumenti*: *бодец, писец, скрипец*, СБ—inf_o; 6) названия погодных и атмосферных явлений: *яснец* (диал.)

Несмотря на общеславянский характер распространения суф.-ес₁ как суффикса предметности, в использовании его в каждом языке выявляются свои особенности, однако в целом можно сказать, что во всех языках (за исключением в-луж. и слц.) он служит чаще всего для образования зоонимов. Различия прослеживаются также и в словообразовательных связях суф.-ес₁, как при образовании имен отдельных ЛСГ, так и в целом: в вост- и зап-сл.яз., а также в сх. для него характерно сочетание преимущественно с И_о (в плс. и в-луж. чаще всего с А_о), в юж-сл.яз. — с И и Г_о; кроме того, различия выявляются и в активности его использования: здесь выделяются зап-сл.яз. (особенно в-луж.), а из юж-сл. — сх.яз.

1.3. ЛОКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-ес₁

Локативное значение в целом не свойственно суф.-ес₁. Оно получило некоторое развитие лишь в зап.-сл. и сх.яз., в остальных языках оно представлено единичными примерами. *Nomina loci* с суф.-ес₁ являются обычно обозначениями места по характерному атрибутивному признаку (в семантическом отношении это довольно пестрая группа имен, среди которых названия географических объектов, построек, помещений, т.е. названия, обозначающие место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом). СБ их служат преимущественно А₀ (С₀ используются редко, причем опосредствованно, еще реже Г).

В вост.-сл.яз. суф.-ес₁ встречается в локативах, обозначающих место чаще всего с неограниченным пространственным объемом: рус. *голец, солонец*; укр. *путівець*; блр. *саланец*; реже с ограниченным: рус. *зверинец*, укр. *звіринець*, блр. *звярынец*.

В зап.-сл.яз. суф.-ес₁ (и его расширенные варианты) используются чаще всего для образования *nomina loci*, обозначающих место с ограниченным пространственным объемом (в в.-луж., чеш., слц.яз. это нередко названия построек, помещений, где содержится скот, птица и т.д.): плс.: *babiniec, grobowiec, sierociniec*; в-луж. *kačenc, konjenc, kurjenc, psowjenc*; чеш. *husinec, ovčinec, psinec*; слц. *holubinec, kozinec, prašačinec*, редко с неограниченным (плс. *zieleniec*).

В юж.-сл.яз. суф.-ес₁ отмечен в локативах, обозначающих место чаще всего с неограниченным пространственным объемом (слн. *sanenec, vrelec* (*vrel* 'кипящий'); сх. *зеленац, виноградац, студенац*; мак. *комец, студенец*; блг. *кладенец*), редко с ограниченным (сх. *свињац*).

Несмотря на сравнительно слабую представленность локативов с суф.-ес₁, различия в его семантической ориентации позволяют говорить о противопоставленности зап.-сл.яз. другим славянским языкам.

II. СУФ.-ес₂ ТРАНСПОЗИЦИОННЫЙ

Способность к образованию транспозитов ярко выражена у суф.-ес₂ практически лишь в одном языке — чеш., где он (и его расширенный вариант суф.-нес) используется для образования *nomina actionis*, в др. славянских языках она либо вообще не нашла отражения (в-луж., слн., мак., блг.), либо представлена очень слабо. *Nomina actionis* с суф.-ес₂ являются, как правило, обозначениями отдельного (мгновенного) акта действия, названного мотивирующим словом, и лишь в рус.яз. они обозначают действие, не имеющее предела. Своеобразие чеш.яз. проявляется и в стилистической окраске этих имен, которые часто являются экспрессивами или просторечными образованиями. СБ служат inf.₀ на -*ati* или -*iti*, ср.: рус. *развалец*; укр. *штурханець* (*штурхонутьи* 'толкнуть'); блр. *штурханец*; плс. *kuksaniec*; чеш. *klofec, plivanec, tazec*; слц. *kopanec, žuchanec*; сх. *ударац*.

III. СУФ.-ЕС₃ МОДИФИКАЦИОННЫЙ

Модификационный суф.-ес₃ известен, главным образом, в вост- и юж-сл-яз. В зап-сл-яз. он либо вообще не получил развития (напр., в значении собирательности или невзрослости), либо оказался утраченным, как, напр., в деминутивном значении.

III.1. ДЕМИНУТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-ЕС₃

Деминутивное значение суф.-ес₃ в вост- и юж-сл-яз. является основным его значением (в плс. и в-луж. оно уже полностью утратилось [Doroszewski, 1928, 103; Rospond, 1973, 188; Krječmar, 1954, 39], следы его сохранились в суффиксах второй ступени деминутивации, а также и гидро- и топонимии [Taszycki, 1946]; в чеш. и слц. практически утратилось [Ногесký, 1959, 143; Травничек, 1950, 172; Нецименко, 1980, МС, 1986, 302], хотя активность его как суффикса деминутивности все больше и больше снижается под натиском других, более употребительных суффиксов³¹. Об этом свидетельствует: 1) ограниченное число деминутивов с суф.-ес₃ (особенно в вост-сл-яз., число их, напр. в рус.яз. по сравнению с XI в. уменьшилось в 4 раза [Рожкова, 1950, 57]; 2) инвентарь производящих основ, среди которых преимущественно непроизводные основы, относящиеся в большинстве своем к общеславянскому лексическому фонду; 3) возникновение на базе суф.-ес₃ суффиксов второй ступени деминутивации, напр., в вост-сл-яз. суф.-чик, в зап.сл. — суф.-czyk, -iček, в слн. — суф.-ček; 4) наличие параллельных с суф.-ес₃ образований от одной и той же основы (типа рус. *братец~братик~браток*, укр. *хлібець~хлібчик~хлібчикок*, слц. *dvorec~dvorček*, слн. *golobec~golobček*), в которых формы с суф.-ес несут на себе налет архаичности или специфической стилистической окрашенности; 5) утрата суф.-ес₃ собственно деминутивного значения и использование его главным образом для образования гипокористик (особенно интенсивно этот процесс протекает в вост-сл-яз. и блг.); 6) явление семантической нейтрализации деминутивов с суф.-ес₃, которые теряя количественно-оценочное значение, начинают функционировать как обычные недеминутивные обозначения предметов и реалий внешнего мира (результат этого процесса особенно нагляден в зап-сл-яз.). Разница между вост- и юж-сл-яз. заключается в том, что процесс вытеснения суф.-ес₃ из сферы деминутивности находится на разных стадиях, так как темпы его протекания неодинаковы. Если в вост-сл-яз. этот процесс находится на стадии близкой к завершению (суф.-ес₃ уже не входит в суффиксальный центр деминутивности, будучи вытесненным более употребительными в этом значении суффиксами — *-ик, -ок, -чик*), то в юж-сл-яз. он протекает более замедленными темпами и находится если не в начале, то далеко еще от стадии завершения.

Присоединяясь к основам сущ. муж.р. как одушевленных, так и

³¹ См. указания на это в работах [ГБМ, 1962, 95; ССУЛМ, 1979, 104; Belić A., 1901, 176; *Vajec*, 1950, 107; Бошковић, 1936, 97; Димитрова, 1959, 270; Warchoń, 1984, 265, 297].

неодушевленных³², суф.-ес₃ образует имена с общим значением уменьшительности. Кроме значения объективной уменьшительности, он может передавать семантику уменьшительно-ласкательности, ласкательности, уменьшительно-уничтожительности. В семантической ориентации его в деминутивном значении наблюдаются следующие особенности.

В русском языке суф.-ес₃ используется в основном как суффикс уменьшительно-ласкательности, ласкательности или уменьшительно-уничтожительности (АГ, 1980, 210)³³, причем экспрессия сочувствия или пренебрежения передается им в более сильной степени, чем суф.-ок или -ик (*братец, хлебец; народец, журналец*), реже как суффикс уменьшительности (*морозец*).

В украинском языке суф.-ес₃ употребляется чаще всего для передачи значения уменьшительно-ласкательности или только ласкательности: суф.-ес₃ уменьшительно-ласкательный: *вітерець:вітер, мазунець:мазун*; ласкательный: *баранець:баран, гладунець:гладун*; иногда уменьшительно-уничтожительности (*брехунець:брехун, писарець:писар*), реже объективной уменьшительности (*бугорець:бугор, корінець:корінь* [ССУЛМ, 1979, 104; Городенська..., 1981, 126]).

В белорусском языке суф.-ес₃ привлекается в основном для передачи семантики объективной уменьшительности и уменьшительно-ласкательности [ГБМ, 1962, 95]: *кадаўбец:кадаўб, кубелец:кубел, марозец:мароз, хлявец:хлеў*.

В чешском и словацком языках суф.-ес₃ представлен лишь в нескольких именах, где он передает значение объективной уменьшительности (чеш. *dvorec:dvor* (при более употребительном *dvoreček:dvorek*), *trámec:trám*³⁴; слц. *domec:dom, hrbolec:hrbol'; stromec:strom*). По мнению Я. Горецкого [1959, 165] и С. Вархола [Warchoł, 1984, 327], деминутивное значение суф.-ес₃ в этих языках отмирает на наших глазах, М. Гаева [1971, 47] вообще не называет его среди "живых" деминутивных суффиксов, к которым она относит прежде всего суф.-ik, -ek, -iček, -eček.

В юж-сл.яз. (за исключением блг.) суф.-ес₃ служит прежде всего для передачи значения объективной уменьшительности (слн. *bregec:breg, delec:del, holmec:holm*³⁵; сх. *долац:до, крушац:крух, рукавац:рукав*;

³² В блр.яз. здесь имеются ограничения, так как суф.-ес₃ присоединяется только к основам неодушевленных сущ. [ГБМ, 1962, 95].

³³ Мелиоративы с суф.-ес₃, включающие в себя имена с уменьшительным и уменьшительно-ласкательным значением, составляют ≈58% от общего числа деминутивов [Rakušan, 1981, 51]. По наблюдениям С.С. Плямоватой [1961, 77], до 30% дериватов с суф.-ес имеют значение уничтожительности, снисходительности, иронии, а иногда и чистого презрения. На этом основании С. Вархол [Warchoł, 1984, 299] квалифицирует суф.-ес как экспрессивно-пейоративный.

³⁴ Приводимые Г.П. Нешиченко [1963, 155] чешские параллельные деминутивные образования типа *sloupec~sloupek, provazec~provázek*, в которых тогда еще завершился процесс конкуренции суф.-ec и -ek, в ЧРС [1973] как деминутивы подаются уже только с суф.-ek.

³⁵ По наблюдениям С. Вархола [Warchoł, 1984, 290] в слн.яз. 80% экспрессивов с суф.-ес составляют чистые деминутивы, а остальные имеют эмоциональную окраску уменьшительно-ласкательности.

мак. *грошец:грош, листец:лист, цветец:цвет*), реже уменьшительно-ласкательности (слн. *čukec:čuk*; сх. *старачац:старац* (в говорах он может образовывать гипокористики и от имен собственных: *Marinac:Marin, Šimunac:Šimun* [Hraste, 1956, 335]: мак. *brateц:брат*). В блг.яз. суф.-ес₃ используется в основном для образования имен с уменьшительно-ласкательным значением (*медец:мед, мъжец:мъж, другарец:другар*), реже с уменьшительным (*дъждец:дъжд, огнец:огън*) и пейоративным (*човечец:човек*). Использование деминутивного суф.-ес₃ в юж.-сл.яз. так же, как и вост.-сл., носит ограниченный характер. Так, в частности, в слн.яз. с ним конкурирует суф.-ек, который может употребляться параллельно с суф.-ес (*ježek~ježec, glasec~glasec*), а при образовании вторичных деминутивов привлекаться даже чаще, чем суф.-ес (*križček:križec, zobček:zobec*) [Бошковић, 1984, 237], из других конкурентов можно выделить суф.-ček и -ič; в сх.яз. конкурентами суф.-ес являются суф.-ak (<*ok),-ič и его расширенный вариант суф.-čić [Maretić, 1899, 328, Бошковић, 1984, 236; Waгchoł, 1984, 282; Babić, 1986, 58]³⁶; в мак.яз. — суф.-е и его расширенные варианты суф.-če, -iče, -le, -ule, которые могут образовывать деминутивы от сущ. всех трех родов [Конески, 1967, 290, Waгchoł, 1984, 276]; в блг.яз. функцию передачи значения объективной уменьшительности активнее выполняют суф.-е и -če [Димитрова, 1959, 274; Спасова, 1952, 261], использованию суф.-ес при образовании деминутивов препятствует, по мнению Л. Андрейчина [1949, 74], его значение гипокористичности.

Несмотря на разнообразие семантической ориентации деминутивного суф.-ес₃, нетрудно заметить, что в вост.-сл. и блг.яз. он служит прежде всего для передачи семантики уменьшительно-ласкательности, в слн., сх. и мак.яз. (а также остаточо в чеш. и слц.) — уменьшительности, причем во всех языках достаточно последовательно в связи с процессом вытеснения его из этой сферы более употребительными суффиксами.

III.2. АУГМЕНТАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-ЕС₃

С деминутивным значением суф.-ес₃ как обратное ему соотносится аугментативное. Своего развития оно не получило ни в одном славянском языке, однако отдельные примеры, свидетельствующие о его наличии, зафиксированы в мак. и диалектах блг.яз. (мак. *грнец* 'большой глиняный горшок' (*грне* 'глиняный горшок'), блг. *гърнец* (диал.) 'большой горшок' (*гърне* 'горшок')). По наблюдениям Ф. Оберпфальцера [Oberpfalzer, 1933], оно известно также в моравских диалектах чеш.яз. (*šuhajec* 'мужественный парень' (*šuhaj* 'парень')), однако здесь оно является скорее сопутствующим значению лица мутационного суф.-ес₁.

³⁶ Ср., напр., замечание С. Бабича [Babić, 1986, 58] о том, что в современном хрв.яз. суф.-ес практически непродуктивен как деминутивный суф. Из 50 имен, образованных с этим суф. от сущ. муж.р., подающихся в словаре с пометой dem., сегодня деминутивами являются лишь некоторые (*bratac, čovječac, krevetac...*), но и они редко употребительны.

III.3. СОБИРАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУФ.-ЕС₃

Собирательное значение суф.-ес₃ отмечено у него лишь в слн.яз. (и как единичное в блр. и мак.), где он используется для образования *potina collectiva* (опосредованно мотивированных существительными), обозначающих совокупность деревьев: слн. *hrastovec* 'дубняк', *jesenovec*, *lipovec*; блр. *яловец* 'ельник'; мак. *евловец* 'ольшаник'.

III.4. ЗНАЧЕНИЕ НЕВЗРОСЛОСТИ СУФ.-ЕС₃

Значение невзрослости суф.-ес₃ как единичное представлено в рус. (*птенец*) и слн. (*bikec*) языках.

Итак, анализ функционирования омосуффикса -ес свидетельствует о том, что общеславянским является лишь мутационный суф.-ес₁, ареал модификационного суф.-ес₃ ограничен в основном вост- и юж-сл.яз., а транспозиционного суф.-ес₂ — чеш. яз. Функциональную нагрузку омосуффикса -ес можно представить следующим образом:

в рус. яз. мутационный суф.-ес₁ служит главным образом для образования имен с общим значением лица (чаще всего по атрибутивному, качественно-оценочному признаку, а также по признаку принадлежности лица к месту (стране, территории, городу) жительства, нации, к общественным и идейным течениям, партиям, организациям и проч.), реже он используется для образования имен с предметным значением (преимущественно названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоо- и ботанических названий (чаще всего животных и трав); модификационный суф.-ес₃ употребляется для образования имен с уменьшительно-ласкательным, ласкательным и уменьшительно-уничтожительным значением, реже со значением объективной уменьшительности;

в укр.яз. мутационный суф.-ес₁ используется прежде всего для образования имен с общим значением лица (чаще всего по атрибутивному, качественному и качественно-оценочному признаку, а также по признаку принадлежности лица к месту жительства, нации, общественным и идейным течениям, партиям, организациям и проч.), реже имен с предметным значением (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоо- и ботанических названий (чаще всего животных и трав); модификационный суф.-ес₃ служит для образования имен с уменьшительно-ласкательным, ласкательным и уменьшительно-уничтожительным значением, реже со значением объективной уменьшительности;

в блр.яз. мутационный суф.-ес₁ привлекается чаще всего для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественному и качественно-оценочному признаку, а также по признаку принадлежности лица к месту жительства, нации, к общественным и идейным течениям, партиям, организациям), реже предметности (в основном зоо- и ботанических названий (чаще всего животных, птиц, рыб, трав); модификационный суф.-ес₃ функционирует главным образом как суффикс уменьшительности и уменьшительно-ласкательности;

в плс.яз. используется в основном мутационный суф.-ес₁, который

служит для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественно-оценочному признаку) и предметности (чаще всего зоо- и ботанических названий (животных, насекомых, трав и деревьев)), реже он употребляется для образования локативов, обозначающих место с ограниченным пространственным объемом;

в в-луж.яз. также функционирует в основном лишь мутационный суф.-ес₁, который служит для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественному признаку) и предметности (чаще всего ботанических названий (трав, деревьев, кустарников)), реже он используется для образования локативов, обозначающих место с ограниченным пространственным объемом;

в чеш.яз. используется мутационный суф.-ес₁ и транспозиционный суф.-ес₂; мутационный суф.-ес₁ употребляется для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественно-оценочному признаку) и предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов (в основном названий животных), реже со значением места, имеющего ограниченный пространственный объем; транспозиционный суф.-ес₂ служит для образования *nomina actionis*, обозначающих мгновенный акт действия;

в слц.яз. используется в основном мутационный суф.-ес₁, который служит для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественно-оценочному признаку) и предметности (чаще всего названий предметов хозяйственно-бытового назначения), реже места, пространственный объем которого ограничен;

в слн.яз. мутационный суф.-ес₁ привлекается прежде всего для образования имен с общим значением лица (*nomina attributiva* — по качественному и качественно-оценочному признаку, а также по признаку национальной и территориальной принадлежности лица; *nomina agentis* — по процессуальному и профессиональному признаку), реже со значением предметности (преимущественно названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов (названий животных, особенно лошадей)), модификационный суф.-ес₃ используется в основном для образования имен с уменьшительным значением, реже собирательным;

в сх.яз. мутационный суф.-ес₁ используется прежде всего для образования имен с общим значением лица (*nomina attributiva* — по качественно-оценочному признаку; *nomina agentis* — по профессиональному), реже со значением предметности (в основном зооназваний (животных и птиц) и места с неограниченным пространственным объемом; модификационный суф.-ес₃ используется как суффикс уменьшительности;

в мак.яз. мутационный суф.-ес₁ служит преимущественно для образования имен с общим значением лица (чаще всего по атрибутивному, качественному и качественно-оценочному признаку, а также по признаку национальной и территориальной принадлежности лица), реже со значением предметности (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов (названий животных, птиц, насекомых); модификационный суф.-ес₃ используется как суффикс уменьшительности;

в блг.яз. мутационный суф.-ес₁ употребляется чаще всего для образования имен с общим значением лица (преимущественно по атрибутивному, качественно-оценочному признаку, а также по признаку национальной и территориальной принадлежности лица), реже со значением предметности (в основном названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов (названий животных); модификационный суф.-ес₂ используется как суффикс уменьшительно-ласкательности, реже уменьшительности.

Несмотря на общеславянский характер происхождения и распространения суф.-ес, в славянских языках отсутствует единство в его использовании, хотя и довольно существенны моменты сходства (особенно в вост.-сл.яз.). Они проявляются в общности: 1) СЗ мутационного суф.-ес₁; 2) ряда ЛСГ образуемых с ним имен; 3) словообразовательных связей при образовании атрибутивных названий лиц и *potina loci* (A₀). Различия связаны: 1) с функциональным объемом омосуффикса -ес; 2) с функциональной нагрузкой мутационного суф.-ес₁; 3) с реализацией значений лица и предметности суф.-ес₁; 4) с семантической ориентацией мутационного суф.-ес₁ в личностном, предметном и локативном значениях и модификационного суф.-ес₂ в деминутивном; 5) с емкостью семантического поля омосуффикса -ес: по этому признаку славянские языки можно расположить следующим образом в убывающей последовательности: а) чеш., сл.яз. (самое емкое СП); б) рус., сх.яз.; в) слн., мак.; г) блр., укр., плс., в-луж.яз.; д) блг.; 6) с словообразовательными связями суф.-ес₁: в вост- и зап.-сл.яз., а также в мак. и блг. для него характерно сочетание преимущественно с A₀, в слн. и сх.яз. — с A и Г₀; 7) с активностью употребления суф.-ес₁ при образовании имен той или иной ЛСГ; 8) с разной степенью развития того или иного СЗ суф.-ес₁ (ср., напр., локативное значение в зап- и вост.-сл.яз.); 9) с самым распространением суф.-ес₁: будучи известным всем славянским языкам, он получил, однако, самое широкое распространение в в-луж.яз., где с ним зафиксировано самое большое число образований, из других языков можно выделить чеш., сл. и сх. Различия эти прослеживаются не только между языками разных языковых групп, но и близкородственными, ср., напр., ситуацию в зап.-сл.яз., где выделяются в-луж., особенно в использовании суф.-ес₁ в предметном и личностном значении; или в юж.-сл., где выделяется сх.яз., в котором суф.-ес₁ обладает не только сильно развитым значением лица, но и достаточно ярко выраженными значениями предметности и места, отсюда и более емким в сравнении с другими юж.-сл.яз. семантическим полем.

ДИСТРИБУЦИЯ СУФФИКСОВ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЯХ

Своеобразие славянских языков проявляется не только в употреблении исследуемых суффиксов, но и в их дистрибуции в слово-

³⁷ Под словообразовательно-семантическим полем понимается микросистема, объединяющая слова на основе одной абстрактной семы, присутствующей во всех словах данного поля, образованных с помощью исследуемых суффиксов.

образовательно-семантических полях (ССП)³⁷, что является еще одним доказательством, избирательности использования суффиксов, обслуживающих то или иное поле. Проиллюстрируем это на примере нескольких наиболее емких ССП: лица, предметности, места, деминутивности. Так как эти поля не однозначны и до некоторой степени иерархизированы, обратимся сначала к ССП лица.

I. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЛИЦА

I.1. NOMINA AGENTIS

В СС микрополе (ССМ) лица — носителя процессуального признака наиболее употребительны четыре суффикса — *-ес₁*, *-аџ₁*, *-ак₁*, *-пik₁*, причем в укр. и блр.яз. главным образом суф.-*пik₁*, в плс., чеш., слц., мак.яз. — суф.-*аџ₁*, в в-луж. — суф.-*ак₁*, в остальных славянских языках это поле обслуживается несколькими суффиксами, причем каждый из них имеет свою семантическую ориентацию: в рус.яз. — это суф.-*ес₁* (при образовании названий лиц по процессуальному признаку) и суф.-*пik₁* (по процессуально-оценочному); в блг.яз. — суф.-*аџ₁* (при образовании *nomina professionalia*) и суф.-*пik₁* (при образовании названий лиц по процессуальному и процессуально-оценочному признаку), в сх.яз. — суф.-*аџ₁* (в названиях лиц по процессуальному и профессиональному признаку) и суф.-*ес₁* (по профессиональному), в слн.яз. — суф.-*аџ₁* (при образовании названий лиц по профессиональному и процессуально-оценочному признаку), суф.-*ес₁* (в названиях лиц по процессуальному и профессиональному признаку) и суф.-*пik₁* (по процессуальному). Таким образом, в славянских языках вырисовываются три ареала: это, с одной стороны, юж- и зап.-сл. яз. (за исключением в-луж.), в которых наибольшее распространение получил суф.-*аџ₁*, с другой — вост.-сл., в которых активнее всего "работает" суф.-*пik₁*, а с третьей — в-луж., в котором наиболее употребительным является суф.-*ак₁*.

I.2. NOMINA ATTRIBUTIVA

ССМ лица — носителя атрибутивного признака или свойства обслуживается в славянских языках в основном двумя суффиксами — суф.-*ес₁* и суф.-*пik₁*: в слн., сх., мак., плс. и чеш.яз. чаще всего используется суф.-*ес₁*, в укр. — суф.-*пik₁*, в рус., блр., в-луж., слц. и блг.яз. активно используются оба суффикса, причем за каждым из них закреплена определенная семантическая ориентация (в рус.яз. суф.-*пik₁* привлекается для образования названий лиц по предметному и профессиональному признаку, суф.-*ес₁* — по качественно-оценочному, а также по признаку принадлежности лица к общественным и идейным течениям, партиям, организациям, нации и к месту, где оно проживает; или в слц.яз.: суф.-*ес₁* употребляется прежде всего при образовании названий лиц по качественно-оценочному признаку, а суф.-*пik₁* — по профессиональному; или в блг.яз.: суф.-*ес₁* используется чаще всего в названиях лиц по качественно-оценочному признаку, а также по признаку территориальной и национальной принадлежности лица,

а суф.-*nik*₁ — по предметному). В целом можно сказать, что в зап- и юж-сл.яз. в этом ССМ активнее всего функционирует суф.-*ec*₁, а в вост-сл. — суф.-*nik*₁.

Таким образом, дистрибуция исследуемых суффиксов в ССП лица свидетельствует о противопоставленности вост-сл.яз. (в которых это ССП обслуживается в основном суф.-*nik*₁), зап- и юж-сл., где наибольшее распространение получили суф.-*ač* при образовании *nomina agentis* и суф.-*ec*₁ при образовании *nomina attributiva*.

II. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРЕДМЕТНОСТИ

II.1. НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

С ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения в славянских языках связан следующий набор наиболее активно использующихся суффиксов: -*k(a)*₁, -*ak*₁, *ač*₁, -*nik*₁, -*ec*₁ единственный суф., который во всех языках "работает" пассивно, суф.-*iki*₁). Общая картина их распределения по языкам выглядит следующим образом: в блр., плс., чеш., слц. и мак.яз. употребляется преимущественно суф.-*k(a)*₁, в слн. — суф.-*nik*₁, в рус., укр. и блг.яз. — суф.-*nik*₁ и -*k(a)*₁, причем каждый из них имеет свой круг "излюбленных" основ (в рус. и укр.яз. суф.-*nik*₁ при образовании этих имен сочетается преимущественно с *C*₀, а суф.-*k(a)*₁ с *A* и *Г*₀; в блг.яз. суф.-*nik*₁ — с *C*₀, а суф.-*k(a)*₁ — с *Г*₀), в в-луж.яз. активнее всего "работают" суф.-*k(a)*₁ (сочетающийся преимущественно с *И*₀) и суф.-*ak*₁ (с *Г*₀), в сх.яз. — суф.-*ak*₁, *ač*₁, -*ec*₁, *nik*₁, -*k(a)*₁. Несмотря на многообразие суффиксов, обслуживающих это ССМ, нетрудно заметить, что во всех языках (за исключением слн.) оно, как правило, связано с суф.-*k(a)*₁, в слн. — с суф.-*nik*₁.

II.2. NOMINA INSTRUMENTI

В ССМ названий орудий и приспособлений для совершения действия представлен тот же набор наиболее активно использующихся суффиксов, причем в рус., блр., мак. и блг.яз. наиболее употребительным является суф.-*k(a)*₁, в в-луж. — суф.-*ak*₁, в сх. — суф.-*ač*₁, в укр., плс., чеш., слц. — суф.-*ač*₁ и -*k(a)*₁, в слн., кроме того, суф.-*ec*₁ и -*nik*₁, т.е. наиболее нагруженными суффиксами являются прежде всего суф.-*k(a)*₁ и -*ač*₁, причем в славянских языках четко выявляются зоны их "действия": для суф.-*k(a)*₁ — рус., блр., мак., блг.яз., а для суф.-*ač*₁ — сх.; зап-сл.яз. (за исключением в-луж.), укр. и слн. занимают промежуточное положение, так как в них активно используются оба суффикса, и лишь ситуация в в-луж.яз. не имеет каких-либо соответствий.

II.3. БОТАНИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Ядро ССМ ботанических названий формируют три наиболее активно использующихся суффикса — суф.-*k(a)*₁, -*nik*₁, -*ec*₁. Суф.-*k(a)*₁ используется чаще всего в мак. и блг.яз., суф.-*nik*₁ — в укр., суф.-*ec*₁ — в слн. и сх., в остальных языках наблюдается комбинация этих суффиксов

(причем каждый из них имеет свою семантическую и словообразовательную ориентацию): в рус., блр., чеш. и слц.яз. это суф.- nik_1 и $-k(a)_1$ (ср. в чеш.яз. суф.- nik_1 привлекается преимущественно для образования названий деревьев и сочетается с A и C_{∞} , а суф.- $k(a)_1$ — трав и цветов и сочетается преимущественно с C_0); в в-луж. — суф.- ec_1 (который служит для образования названий деревьев, трав, кустарников и сочетается чаще всего с A_0) и суф.- $k(a)_1$ (который привлекается для образования названий трав, СБ которых служат A и C_0); в плс.яз. активно "работают" все три суффикса, причем суф.- nik_1 и $-k(a)_1$ используются чаще всего в названиях трав (СБ— C_0), а суф.- ec_1 — трав и деревьев (СБ— A_0). Таким образом, в славянских языках выявляются три ареала, различающихся устройством этого ССМ: вост-сл.яз., где наиболее употребительным является суф.- nik_1 , зап-сл., мак. и блг.яз. с суф.- $k(a)_1$, слн. и сх.яз. — с суф.- ec_1 .

II.4. ЗООНАЗВАНИЯ

С ССМ зооназваний в славянских языках связан следующий набор наиболее активно использующихся суффиксов: $-k(a)_1$, $-ec_1$, $-ak_1$, $-ik_1$, причем в рус., блр. и плс.яз. наибольшее распространение получил суф. $-k(a)_1$, в в-луж. — суф.- ak_1 , в слн. и сх.яз. — суф.- ec_1 , в остальных языках наблюдается комбинация этих суффиксов: в мак. и блг.яз. — это суф.- ec_1 , использующийся чаще всего при образовании названий животных и насекомых (СБ— I и Γ_0) и суф.- $k(a)_1$, употребляющийся преимущественно при образовании названий птиц (СБ— C_0); в укр. — суф.- $k(a)_1$, ориентированный прежде всего на образование названий птиц (СБ— A_0), суф.- ik_1 — на названия насекомых (СБ— I_0) и $-ak_1$ — на названия животных, насекомых и птиц (СБ— I_0); в чеш. и слц.яз. — это суф.- $k(a)_1$, который используется чаще всего в названиях птиц и насекомых (СБ— I_0), суф.- ak_1 — в названиях животных, особенно лошадей (СБ— C_0), суф.- ec_1 — названиях животных (СБ— A_0) и суф.- ik_1 — в названиях животных (СБ— C_0). Таким образом, в славянских языках снова выделяются три ареала: вост-сл.яз., в которых наиболее употребительным является суф.- $k(a)_1$, зап-сл., в которых наравне с суф.- $k(a)_1$ активно используется суф.- ak_1 (особенно в в-луж., чеш. и слц.) и юж-сл., в которых таким суффиксом является суф.- ec_1 .

II.5. НАЗВАНИЯ ВИДОВ ПИЩИ

В устройстве этого ССМ наблюдается меньше всего расхождений: в вост- и зап-сл.яз., а также в мак. и блг. здесь наиболее употребительным является суф.- $k(a)_1$, в слн. и сх.яз. — суф.- ec_1 , использующийся чаще всего в названиях напитков (особенно спиртных) и суф.- ak_1 — в названиях хлебов.

Устройство ССП предметности является еще одной иллюстрацией отсутствия единства славянских языков (особенно ярко это проявляется в ССМ зоо- и ботанических названий). Различия прослеживаются не только между языками разных языковых групп, но нередко и одной (особенно часто в юж-сл.яз., где практически каждый язык отличает свой набор суффиксов, обслуживающих то или иное микрополе, вост- и

зап.-сл.яз. демонстрируют в этом отношении большее единство, хотя и здесь имеются особенности, свидетельствующие о своеобразии отдельных языков: в вост.-сл.яз. чаще всего укр. (ср. ССМ *nomina instrumenti* и зооназваний), в зап.-сл. — в-луж. (ср. ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и зооназваний). Вместе с тем следует отметить, что общим для всех славянских языков (за исключением слн. и сх.) является то, что ССП предметности связано прежде всего с суф.-*k(a)*₁, в слн. и сх.яз. — с суф.-*ec*₁.

III. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МЕСТА

Ядро ССП места формируется в славянских языках четырьмя наиболее употребительными (из исследуемых) суффиксами: *-k(a)*₁, *-nik*₁, *-ec*₁, *ak*₁, причем в чеш. и слц.яз. активнее всего используется суф.-*k(a)*₁, в слн. и сх. — суф.-*ak*₁, в мак. и блг. — суф.-*nik*₁, в вост.-сл. и плс.яз. — суф.-*k(a)*₁, который в вост.-сл.яз. привлекается для образования *nomina loci* преимущественно по процессуальному признаку, а в плс. — по качественному, и суф.-*nik*₁ (в вост.-сл.яз. он служит чаще всего для образования локативов по предметному признаку, а в плс. — по предметному и процессуальному), в в-луж. — суф.-*ec*₁ (который участвует в образовании локативов преимущественно по качественному признаку) и суф.-*nik*₁ (по предметному). Таким образом, ситуация в вост.-сл.яз. является отражением картины в зап- и юж.-сл.яз., и лишь слн. и сх.яз. не имеют каких-либо аналогов.

IV. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ДЕМИНУТИВНОСТИ

В ССП деминутивности в вост- и зап.-сл.яз. ведущими являются суф.-*ik*₃ (для сущ. муж.р.) и суф.-*k(a)*₃ (для сущ. ж.р.), разница лишь в том, что в вост.-сл.яз. в этой функции используются еще суф.-*ec*₃ и *-ic(a)*₃, утраченные или практически утраченные в зап.-сл., в юж.-сл.яз. — суф.-*ec*₃ и *-ic(a)*₃.

ДИСТРИБУЦИЯ СЛОВОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОСНОВ

Различия славянских языков прослеживаются не только в наборе и дистрибуции суффиксов, обслуживающих то или иное ССП, но и в наборе и дистрибуции словопроизводственных основ, на базе которых происходит образование имен различных ЛСГ. Проиллюстрируем это на примере нескольких ЛСГ.

Из таблиц на стр. 11 видно, что при образовании имен той или иной ЛСГ прослеживается избирательное использование производящих основ. Учитывается не только их семантическая, но и частеречная принадлежность: напр., образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения в вост.-сл.яз. происходит чаще всего на базе *A*₀, в зап.-сл. — *C*₀, а в юж.-сл. — *G*₀; при образовании ботанических названий в вост.-сл.яз., слц., слн., сх., мак.яз. используется чаще всего *A*₀, в плс., в-луж., чеш., блг. — *C*₀; или образование зооназваний: в рус., блр., слн.яз. оно базируется чаще всего на *A*₀, в мак. — на *G*, в сх.яз. — на *A* и *G*₀, в остальных языках — на *C*₀; при образовании локативов

Таблица 1

Языки	Суффиксы						
	-k(a)	-ak	-ač	-ik	-nik	-ec	
Названия предметов хозяйственно-бытового назначения							
рус.	АГ	АГ	С	А	С	Г	A ₃ Г ₂ C ₂
укр.	АГ	АСГ	Г	А	С	С	A ₃ Г ₂ C ₃
блр.	АГ	АСГ	ГС	А	С	СА	A ₄ C ₄ Г ₃
плс.	С	ГС	САГ	С	С	А	C ₃ A ₂ Г ₂
луж.	СА	Г	Г	СА	С	А	C ₃ A ₃ Г ₂
чеш.	С	САГ	Г	С	С	С	C ₃ Г ₂ A ₁
слц.	С	САГ	Г	С	С	С	C ₃ Г ₂ A ₁
слн.	АГ	С	Г	СА	ГС	ГС	Г ₄ C ₄ A ₂
сх.	Г	А	Г	А	ГС	СА	Г ₃ A ₃ C ₂
мак.	Г	Г	Г	А	С	ГС	Г ₄ C ₂ A ₁
блг.	Г	АГ	ГС	А	С	ГС	Г ₄ C ₃ A ₂
Ботанические названия							
рус.	А	А	—	А	С	СА	A ₄ C ₂
укр.	А	АС	А	А	С	А	A ₃ C ₂
блр.	А	А	Г	А	С	СА	A ₄ C ₂ Г ₁
плс.	С	С	СГ	С	С	А	C ₃ A ₁ Г ₁
луж.	СА	СА	С	С	С	А	C ₃ A ₃
чеш.	С	АС	ГС	С	АС	АС	C ₆ A ₃ Г ₁
слц.	СА	АС	Г	С	А	А	A ₄ C ₃ Г ₁
слн.	СА	А	—	А	С	А	A ₄ C ₂
сх.	СА	А	СГ	А	—	АС	A ₄ C ₃ Г ₁
мак.	С	А	А	—	С	АГ	A ₃ C ₂ Г ₁
блг.	СА	А	С	С	С	АС	C ₃ A ₃
Зооназвания							
рус.	А	А	СГ	А	С	СА	A ₄ C ₃ Г ₁
укр.	А	АС	СГ	АС	СГ	СА	C ₃ A ₄ Г ₂
блр.	А	АС	Г	А	С	СА	A ₄ C ₃ Г ₁
плс.	АС	АСГ	СГ	С	С	А	C ₃ A ₃ Г ₂
луж.	АС	ГС	С	А	С	АС	C ₃ A ₃ Г ₁
чеш.	АС	С	ГС	С	С	А	C ₃ A ₂ Г ₁
слц.	АС	С	ГС	С	С	А	C ₃ A ₂ Г ₁
слн.	А	С	С	А	СА	А	A ₄ C ₃
сх.	АГ	А	Г	Г	—	СА	A ₃ Г ₃ C ₁
мак.	С	ГА	Г	—	—	САГ	Г ₃ C ₂ A ₂
блг.	СА	СА	Г	Г	С	САГ	C ₄ Г ₃ A ₃
Nomina loci							
рус.	Г	А	—	А	С	А	A ₃ C ₁ Г ₁
укр.	Г	А	—	А	С	А	A ₃ C ₁ Г ₁
блр.	Г	А	—	А	С	А	A ₃ C ₁ Г ₁
плс.	А	А	—	АС	СГ	А	A ₄ C ₂ Г ₁
луж.	АС	Г	—	АС	С	А	A ₃ C ₃ Г ₁
чеш.	А	Г	—	АС	С	А	A ₃ C ₂ Г ₁
слц.	А	А	—	АС	С	А	A ₄ C ₂
слн.	Г	А	—	А	С	А	A ₃ C ₁ Г ₁
сх.	С	А	—	А	С	А	A ₃ C ₂
мак.	Г	А	—	А	С	А	A ₃ C ₁ Г ₁
блг.	Г	С	—	А	С	А	A ₂ C ₂ Г ₁

во всех славянских языках используются прежде всего A_0 , в в-луж. и блг.яз., кроме того, C_0 . Различия наблюдаются даже в пределах близкородственных языков (ср., напр., ситуацию при образовании зоонимов в вост-сл.яз., где выделяется укр., локативов в зап-сл., где выделяется в-луж и т.д.).

ДЕРИВАЦИОННАЯ ПОТЕНЦИЯ СЛОВОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОСНОВ

Значительно больше единства в деривационных потенциях словопроизводственных основ, с которыми сочетаются исследуемые суффиксы:

Таблица 2

Языки	Суффиксы						
	-k(a)	-ak	-ač	-ik	-nik	-ec	
рус.	АГ	А	С(Г)	А	С	А	$A_4C_2Г_1$
укр.	АГ	А	Г	А	СГ	А	$A_4Г_3C_1$
блр.	АГ	А	СГ	А	СГ	А	$A_4Г_3C_2$
плс.	СГ	АСГ	Г	АС	СГ	А	$C_4Г_4A_3$
луж.	АС	Г	С(Г)	АС	С	А	$C_4A_3Г_1$
чеш.	СГ	АСГ	Г	АС	С(А)	А	$C_4A_3Г_3$
слц.	СГ	АСГ	Г	АС	С(А)	А	$C_4A_3Г_3$
слн.	АГ	А	Г	А(С)	СГ	АГ	$A_4Г_4C_1$
сх.	АГ	А	Г	А	СГ	АГ	$A_4Г_4C_1$
мак.	Г	А	Г	А	СГ	А	$A_3Г_3C_1$
блг.	Г	А	Г	А	СГ	А	$A_3Г_3C_1$

В вост-сл.яз. наиболее сильными по своим словообразующим возможностям являются A_0 , в зап-сл. — С, в юж-сл. — А и $Г_0$ (хотя нельзя не отметить, что и здесь выявляются свои особенности, ср. ситуацию в плс.яз., где наряду с C_0 такой же деривационной потенцией обладают и $Г_0$).

ЕМКОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ СУФФИКСОВ

Различия славянских языков прослеживаются не только в распределении суффиксов и основ в том или ином ССП, но и в емкости самих семантических полей суффиксов:

Из таблицы 3 видно, что в вост- и зап-сл.яз. наиболее емким СП обладает суф.-k(a)³⁸ (либо один, либо в составе с др. суффиксами,

³⁸ Имеются в виду СП мутационных суффиксов: если принимать во внимание СП всего омоуффикса, то результаты часто окажутся не сопоставимы, так как в ряде языков тот или иной суф. может выступать лишь как мутационный, ср. суф.-ak₁ в в-луж.яз. или суф.-ik₁ в блг.

Таблица 3

Языки	Суффиксы					
	-k(a)	-ak	-ač	-ik	-nik	-ec
рус.	12	11	4	9	11	11
укр.	12	11	8	9	12	10
блр.	12	12	6	12	11	9
плс.	12	10	8	9	11	11
луж.	12	10	7	8	10	12
чеш.	13	11	9	10	12	12
слц.	13	10	9	11	12	13
слн.	11	12	5	9	11	10
сх.	9	11	8	11	8	12
мак.	12	9	9	8	11	10
блг.	11	11	7	9	11	9

как напр., в блр., в-луж. и слц.яз.), в юж-сл.яз. картина неоднородная: в слн. наиболее емким СП обладает суф.-ak₁, в сх. — суф.-ec₁, в мак. — суф.-k(a)₁, в блг. — суф.-k(a)₁, -ak₁, -nik₁.

Расхождения славянских языков выявляются и при сопоставлении их с точки зрения такого критерия, как иерархия суффиксов в зависимости от набора присущих им функций. Здесь вырисовывается следующая картина: в вост- и зап-сл.яз. наибольшей функциональной нагруженностью обладают суф.-k(a), -ik, в сх. — суф.-ak, в слн. и мак. — суф.-k(a), в блг. — суф.-k(a), -ak.

Итак, используя различные критерии при рассмотрении вопроса о функционировании суффиксов общеславянского происхождения и распространения, мы не могли не убедиться, что наряду с типологическим единством, славянские языки демонстрируют бесконечную вариативность, отклонения, несовпадения в их употреблении, что свидетельствует о существовании избирательности в использовании словообразовательных средств, подчиненной внутренним потребностям коммуникации языкового общества. Причем, чем мельче и определеннее был критерий, тем более мозаичной становилась картина сходств и различий славянских языков (ср., напр., такой критерий, как семантическая ориентация суффикса). Все это является еще одним доказательством того, что типологическое единство славянских языков — общность не статическая, а динамическая. Подвижность языковых систем, наличие в каждом языке своих словообразовательных и семантических законов привело к тому, что несмотря на наличие общих словообразовательных средств, в процессе исторического развития славянские языки по-разному реализовали систему связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи. Различное использование славянскими языками общих словообразовательных средств свидетельствует о четко выраженной территориальной дифференциации, что доказывает возможность и целесообразность привлечения данных словообразования для решения проблем, связанных с членением микро- и макроязыковых территорий.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Использование суф.-k(a), -ak, -ač, -ik, -nik, -es, устройство их СП, дистрибуция в ССП, характер словопроизводственных основ, их деривационных потенций и т.д. свидетельствует о том, что в славянских языках существуют расхождения, являющиеся выражением их своеобразия и индивидуальности. Вместе с тем отчетливо прослеживаются и моменты типологического единства. К признакам, составляющим интегральную типологическую характеристику славянских языков, относятся:

1) функциональный объем суф.: омосуф.-k(a) во всех языках выступает как мутационный, транспозиционный и модификационный, омосуф.-ač — как мутационный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: мутационный суф.-k(a)₁ во всех языках используется прежде всего как суф. предметности; транспозиционный суф.-k(a)₂ употребляется для образования nomina actionis, модификационный суф.-k(a)₃ — для образования феминативов и деминутивов; 3) реализация значений суф.: лица и предметности суф.-ik₁, который во всех языках служит прежде всего для образования nomina attributiva; места суф.-ik₁, -es₁, которые употребляются при образовании локативов по качественному признаку; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (nomina attributiva): суф.-ak₁ используется чаще всего в названиях лиц по качественно-оценочному признаку; предметности: суф.-k(a)₁ ориентирован прежде всего на образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения; места: суф.-nik₁ привлекается чаще всего для образования названий помещений, где находится то, что названо мотивирующим словом; суф.-k(a)₁, -ak₁ при образовании фитонимов (употребляются преимущественно в названиях трав), суф.-k(a)₁, -ak₁, -es₁ при образовании зоонимов (суф.-k(a)₁ — в названиях птиц, суф.-ak₁, -es₁ — в названиях животных); 5) ядро СП суф.-k(a)₁, ak₁, -es₁: участвуют в образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоонимов и фитонимов; 6) словообразовательные связи суф.-ik₁ при образовании имен с общим значением лица (преимущественно A₀), суф.-es₁ при образовании локативов (преимущественно A₀); 7) дистрибуция словопроизводственных основ в ССМ зоо-, ботанических и локативных названий: образование этих имен происходит чаще всего на базе I₀.

Наряду с чертами, имеющими общеславянский характер, в каждом славянском языке или группе языков выявляются особенности, свидетельствующие об их противопоставленности другим языкам.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вост.-сл.яз. характеризуются следующими особенностями, выделяющими их среди др. славянских языков: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-*nik* используется как мутационный и модификационный (в зап- и юж-сл.яз. только как мутационный); 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-*k(a)*_з, в отличие от др. языков, используется не только как суф. женскости и уменьшительности, но и единичности; 3) реализация значений суф.: предметности: суф.-*k(a)*₁ участвует в образовании имен по атрибутивному и агентивному признаку; суф.-*ak*₁, *nik*₁ — преимущественно по атрибутивному; места: суф.-*k(a)*₁ используется для образования локативов чаще всего по агентивному признаку; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-*ec*₁ употребляется чаще всего в названиях лиц по процессуальному признаку; суф.-*ik*₁ — по процессуально-оценочному; *nomina attributiva*: суф.-*ik*₁ используется преимущественно в названиях лиц по профессиональному признаку; суф.-*ač*₁ — по оценочному (качественному и предметному) признаку; суф.-*nik*₁ — по предметному и профессиональному; предметности: суф.-*ak*₁ ориентирован, как правило, на образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов; места: суф.-*ik*₁ служит для образования локативов, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом; деминутивности: суф.-*ik*_з передает значение уменьшительности и уменьшительно-ласкательности; суф.-*ec*_з — уменьшительно-ласкательности; суф.-*k(a)*_з при образовании деминутивов от имен собственных вносит оттенок уничижительности, пренебрежительности; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-*k(a)*₁ при образовании названий видов пищи, фитонимов и зоонимов сочетается преимущественно с *A*_о, локативов с *Г*_о; суф.-*ik*₁ при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения — с *A*_о, часто осложненными суф.морфом-*ov*; суф.-*nik*₁ при образовании имен с общим значением предметности — с *C*_о, суф.-*ec*₁ — с *И*_о, суф.-*ak*₁ при образовании локативов — с *A*_о; для мутационного суф.-*k(a)*₁ характерно сочетание с *A* и *Г*_о; модели, по которым образуются феминативы с суф.-*k(a)*_з, мотивированные атрибутивными названиями лиц муж. пола: $-\Phi \sim -k(a)$, $-ec \sim -k(a)$; 6) активность использования омосуф.-*k(a)* во всех его значениях (в вост.-сл.яз. лежит центр его ареала), суф.-*ec*₁ при образовании атрибутивных названий лиц по их принадлежности к общественным и идейным течениям, организациям; 7) развитие локативного значения суф.-*k(a)*₁, $-ik$ ₁, $-nik$ ₁; 8) дистрибуция суф. в ССП: лица — ядерным является суф.-*nik*₁; места — активнее всего "работают" суф.-*nik*₁ и $-k(a)$; зооназваний — наиболее употребителен суф.-*k(a)*₁; ботанических названий — суф.-*nik*₁; 9) емкость СП суф.: наиболее емким СП обладает суф.-*k(a)*₁; 10) дистрибуция словопроизводственных основ в ССП: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе *A*_о; 11) деривационные потенции основ: наиболее сильными по своим словообразующим возможностям являются *A*_о.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Функционирование исследуемых суффиксов в зап.-сл.яз. отличает: 1) функциональный объем суф.: суф.-ak₁, -es₁ используются лишь как мутационные; 2) функциональная нагрузка: суф.-nik₁, -es₁ функционируют как суф. лица и предметности; 3) реализация значений суф.: лица: суф.-nik₁ участвует преимущественно в образовании *nomina attributiva*; предметности: суф.-ak₁ используется чаще всего при образовании имен с общим значением "предмет—носитель предметного или процессуального признака, названного мотивирующим словом"; места: суф.-k(a)₁ участвует в образовании локативов, обозначающих место чаще всего по качественному признаку; женскости: суф.-k(a)₃; активнее образует феминативы — *nomina attributiva*; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ik₁ используется чаще всего в названиях лиц по качественно-оценочному признаку; *nomina agentis*: суф.-ik₁ ориентирован на образование названий лиц по процессуальному признаку; суф.-nik₁ при образовании имен с общим значением лица используется прежде всего в *nomina professionalia*; предметности: суф.-ak₁ при образовании зоонимов используется преимущественно в названиях лошадей по их масти и особенностям бега (в др. языках подобные образования практически отсутствуют); места: суф.-es₁, -ik₁ ориентированы на образование локативов, обозначающих место чаще всего с ограниченным пространственным объемом (в основном помещений); женскости: суф.-k(a)₃ используется для образования феминативов, обозначающих прежде всего лиц женского пола; уменьшительности: суф.-ik₃ служит, как правило, для передачи значения объективной уменьшительности; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-nik₁ при образовании имен с общим значением лица сочетается преимущественно с C₀; суф.-k(a)₁ при образовании *nomina loci* — с A₀; суф.-ik₁ — с A и C₀; суф.-ik₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с C₀; феминативы с суф.-k(a)₃ (*nomina attributiva*) образуются, как правило, по модели - ϕ ~ -k(a) и -ag ~ -ark(a); 6) активность использования суф.-ak₁, -ik₁ в предметном значении; суф.-ak₁ в личностном (особенно при образовании названий лиц по их территориальной принадлежности); суф.-k(a)₁ при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения и фитонимов; суф.-es₁ при образовании пород, минералов; суф.-ik₃, -k(a)₃ в деминутивном значении; 7) развитие локативного значения суф.-es₁; 8) дистрибуция суффиксов в ССП: в ССМ ботанических названий ядерных является суф.-k(a)₁, зоонимов суф.-k(a)₁, -ak₁ места — суф.-k(a)₁, деминутивности — суф.-ik₃, -k(a)₃; 9) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зооназваний происходит чаще всего на базе C₀; 10) деривационная потенция основ: наиболее сильными по своим словообразующим возможностям являются C₀.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Юж-сл.яз. отличаются следующие особенности: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-*ik*₁ используется в основном как суф. лица; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-*ač*₁ используется чаще всего при образовании *nomina agentis*, суф.-*nik*₁, кроме того, *nomina attributiva*; предметности: суф.-*ač*₁ служит в основном для образования имен с общим значением "предмет—носитель процессуального признака"; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-*nik*₁ употребляется чаще всего для образования названий лиц по процессуальному признаку; *nomina attributiva*: они ориентированы на образование названий лиц по предметному признаку; предметности: суф.-*nik*₁ используется прежде всего в названиях предметов хозяйственно-бытового назначения; деминутивности: суф.-*ec*₁ служит в основном для передачи значения объективной уменьшительности; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-*nik*₁ при образовании имен с общим значением лица сочетается преимущественно с С и Г₀, со значением места — с С₀, осложненными суф.-*ag*; для мутационного суф.-*ač*₁ характерно сочетание прежде всего с Г₀, для суф.-*nik*₁ — с С и Г₀; феминативы (*nomina attributiva*) с суф.-*k(a)*₁ образуются чаще всего по модели -*ec* ~ -*k(a)*; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ зооназваний ядерным является суф.-*ec*₁, деминутивности — суф.-*ec*₁ и -*ic(a)*₁; 6) деривационная потенция основ: выше всего у А и Г₀.

Различия в использовании исследуемых суффиксов наблюдаются не только между языками разных языковых групп, но нередко и одной (хотя, кажется, элементы типологического единства здесь должны быть значительно сильнее). Рассмотрим подробнее с этой точки зрения ситуацию в каждом славянском языке в отдельности.

1. Русский язык

В использовании исследуемых суффиксов рус.яз. характеризуется следующими особенностями, отличающими его от других вост-сл.яз.: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-*nik*₁ используется как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-*nik*₁ привлекается чаще всего для образования *nomina attributiva*; предметности: суф.-*ač*₁ употребляется для образования имен по предметному и процессуальному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-*nik*₁, -*k(a)*₁, -*ač*₁ используются чаще всего в названиях лиц по процессуально-оценочному признаку; *nomina attributiva*: суф.-*k(a)*₁ — по качественному и качественно-оценочному признаку; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-*nik*₁ сочетается преимущественно с С₀; феминативы (*nomina agentis*) с суф.-*k(a)*₁ строятся чаще всего по модели -*ec* ~ -*k(a)*; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina agentis*) ядерными являются суф.-*ec*₁ и -*nik*₁; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения происходит чаще всего на базе А и Г₀.

II. Украинский язык

Укр.яз. отличают следующие особенности: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ используется как суф. лица и предметности; суф.-ік₃ известен в деминутивном и собирательном значениях; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-к(а)₁ привлекается чаще всего для образования *nomina attributiva*, суф.-аџ₁ — *nomina agentis*; женскости: суф.-к(а)₃ используется для образования феминативов, коррелирующих как с агентивными, так и атрибутивными названиями лиц муж.пола; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-аџ₁ используется чаще всего в названиях лиц по профессиональному и процессуальному признаку; суф.-ік₁ — по процессуальному и процессуально-оценочному; суф.-пik₁ — по профессиональному; *nomina attributiva*: суф.-пik₁ используется чаще всего в названиях лиц по профессиональному признаку; предметности: суф.-к(а)₁ ориентирован преимущественно на образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения; суф.-аџ₁ — *nomina instrumenti*; суф.-ік₁ — зоонимов и названий предметов хозяйственно-бытового назначения; женскости: суф.-к(а)₃ используется для образования названий жены по мужу (в рус. и блр.яз. спорадически); 4) словообразовательные связи суф.: суф.-к(а)₁ при образовании имен с общим значением лица сочетается преимущественно с И₀ (в рус. и блр.яз. — с И и Г₀); суф.-ак₁ при образовании имен с общим значением предметности — с А и С₀ (в рус. и блр.яз. преимущественно с А₀); для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание преимущественно с Г₀ (в рус. — с С₀, в блр. — с С и Г₀); феминативы с суф.-к(а)₃ (*nomina attributiva*) строятся чаще всего по модели -аг ~ -агк(а), -ес ~ -к(а), -Ѡ ~ -к(а); 5) активность использования суф.-ік₁ при образовании имен с общим значением предметности, суф.-ак₁ — агентивных названий лиц, суф.-ік₃ — пейоративов; 6) емкость СП суф.: суф.-аџ₁, -пik₁ обладают более емкими СП, чем в рус. и блр.яз.; 7) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ ботанических названий ядерным является суф.-пik₁ (в рус. и блр. — суф.-пik₁ и -к(а)₁), *nomina instrumenti* — суф.-аџ₁, -к(а)₁ (в рус. и блр. — суф.-к(а)₁), лица (как *nomina attributiva*, так и *nomina agentis* — суф.-пik₁ (в рус. и блр.яз. ситуация разная); 8) дистрибуция словопроизводственных основ: названия предметов хозяйственно-бытового назначения образуются на базе И и Г₀, зоонимов на базе С₀.

III. Белорусский язык

Блр.яз. выделяют следующие словообразовательные особенности: 1) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-аџ₁ и -пik₁ используются чаще всего в названиях лиц по процессуальному признаку, суф.-ак₁ — по процессуальному, процессуально-оценочному и профессиональному; предметности: суф.-пik₁ ориентирован прежде всего на образование ботанических названий, суф.-ес₁, кроме того, зоонимических, а суф.-ак₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоонимов и фитонимов; деминутивности: суф.-ес₃ служит для передачи значения уменьшительности и уменьшительно — ласкательности; 2) словообразовательные связи суф.: суф.-аџ₁ при

образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения сочетается с С и Г₀, суф.-ес₁ — с С и А₀; для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание с С и Г₀; 3) емкость СП суф.: суф.-ик₁ и -ак₁ обладают более емкими СП, чем в рус. и укр.яз.; 4) активность использования суф.-пik₁ при образовании фитонимов; 5) дистрибуция суффиксов в ССП: в ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения ядерным является суф.-k(a)₁; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения происходит чаще всего на базе И₀.

IV. Польский язык

Полс.яз. среди других зап.-сл.яз. выделяется следующими словообразовательными особенностями: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ак функционирует как мутационный и модификационный (в остальных яз. как мутационный); 2) реализация значений суф.: предметности и места: суф.-пik₁ употребляется при образовании имен по предметному и процессуальному признаку (в др. языках преимущественно по предметному); 3) семантическая ориентация суф. в значениях: предметности: суф.-ик₁ ориентирован прежде всего на образование зоонимов, суф.-ес₁ — фитонимов и зоонимов, суф.-ак₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и зоонимов, суф.-пik₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и фитонимов; лица (*nomina agentis*): суф.-пik₁ используется прежде всего в названиях лиц по профессиональному признаку, суф.-ак₁ — по профессиональному и процессуально-оценочному; 4) словообразовательные связи суф.: для мутационного суф.-пik₁ характерно сочетание с С и Г₀; 5) активность использования суф.-k(a)₁ при образовании *nomina instrumenti*, зоонимов, названий пищи и веществ, суф.-аџ₁ — названий веществ, суф.-пik₁ — фито- и зооназваний, *nomina instrumenti*, суф.-ак₁ — фитонимов, суф.-ес₁ в названиях лиц (*nomina agentis*) по профессиональному признаку, суф.-k(a)₁ — в названиях самок животных; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ ботанических названий ядерными являются суф.-пik₁, -k(a)₁, -ес₁ локативов — суф. -k(a)₁, -пik₁ (в др. языках ситуация складывается по-разному); 7) деривационная потенция основ: наиболее высокая у С и Г₀ (в др. языках у С₀).

V. Верхнелужицкий язык

В-луж.яз. отличают следующие особенности: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ используется преимущественно как суф. предметности (в др. языках — как суф. лица и предметности); 2) реализация значений суф.: лица: суф.-ак₁ употребляется прежде всего для образования *nomina agentis*, суф.-аџ₁ — *nomina attributiva*; предметности: суф.-ак₁ используется для образования имен по процессуальному признаку, суф.-k(a)₁ — по атрибутивному, суф.-аџ₁ — по процессуальному и атрибутивному; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ес₁ используется чаще всего в названиях лиц по качественному признаку, суф.-ак₁ — по качественному и качественно-оценочному, суф.-пik₁ — по предметному и профес-

сиональному; *nomina agentis*: суф.-ес₁ ориентирован чаще всего на образование *nomina professionalia*, суф.-k(a)₁ — на образование названий лиц по процессуальному и процессуально-оценочному признаку, суф.-nik₁, -ač₁, кроме того, по профессиональному; предметности: суф.-ak₁ употребляется прежде всего для образования *nomina instrumenti*, суф.-ес₁ — ботанических названий, суф.-nik₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-k(a)₁ — и той, и другой группы имен, суф.-ač₁ — зоонимов, суф.-ik₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоо- и ботанических названий; места: суф.-nik₁ привлекается для образования названий предприятий, где производится то, что названо мотивирующим словом; при образовании зоонимов суф.-ač₁ ориентирован чаще всего на образование названий животных, суф.-ik₁ — птиц, суф.-nik₁ — насекомых; при образовании фитонимов суф.-ес₁ используется в названиях деревьев, кустарников, трав; 5) словообразовательные связи суф.: при образовании имен с предметным значением суф.-k(a)₁, -ik₁ сочетаются преимущественно с И₀, суф.-ak₁ — с Г₀, суф.-ač₁ — с С и Г₀; при образовании зоонимов суф.-ik₁ сочетается преимущественно с А₀, суф.-ač₁ — с С₀, суф.-ak₁ — с С и Г₀; образование феминативов с суф.-k(a)₃ (*nomina agentis*) происходит чаще всего по модели -ar ~ -ark(a), -er ~ -erk(a); б) активность использования суф.: суф.-ač₁ при образовании зоонимов, суф.-ik₁ — фитонимов, суф.-ak₁ — зоонимов и *nomina instrumenti*, суф.-ес₁ при образовании имен с предметным значением; 7) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina agentis*) ядерным является суф.-ak₁ (в др. языках — суф.-ač₁), в ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения — суф.-k(a)₁, -ak₁, *nomina instrumenti* — суф.-ak₁ (в др. языках — суф.-ač₁, -k(a)₁), ботанических названий — суф.-ес₁, -k(a)₁, зооназваний — суф.-ak₁, *nomina loci* — суф.-ес₁, -nik₁; 8) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения и локативов происходит чаще всего на базе И₀.

VI. Чешский язык

Чеш.яз. выделяется следующими особенностями: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ес используется как мутационный и транспозиционный (в др. языках преимущественно как мутационный); 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ač₁ используется чаще всего в названиях лиц по предметному, качественному и качественно-оценочному признаку; предметности: суф.-k(a)₁ ориентирован чаще всего на образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* и фитонимов, суф.-ес₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов.

VII. Словацкий язык

Слц.яз. характеризуют следующие особенности: 1) семантическая ориентация суф. в значении: лица (*nomina agentis*): суф.-k(a)₁ ориентирован чаще всего на образование *nomina professionalia*; предметности: суф.-ес₁ употребляется прежде всего для образования названий пред-

метов хозяйственно-бытового назначения; 2) словообразовательные связи суф.: феминативы с суф.-k(a); (*nomina attributiva*) строятся чаще всего по модели -Ø ~ -k(a); 3) активность использования суф.: суф.-nik₁ при образовании названий предметов-вместилищ, видов пищи, анатомических названий; суф.-ač₁ при образовании анатомических названий (особенно названий мышц); 4) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических названий происходит чаще всего на базе A₀ (в др. языках преимущественно C₀).

VIII. Словенский язык

Слн. яз. от других юж-сл.яз. отличают следующие особенности: 1) функциональный объем суф.: суф.-ak функционирует как мутационный (в др.яз. как мутационный и модификационный); 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ используется как суф. лица и предметности (в др. языках в основном как суф. лица); суф.-ec₁ — как суф. уменьшительности и собирательности; 3) семантическая ориентация суф. в значении: лица (*nomina attributiva*): суф.-nik₁ ориентирован на образование названий лиц по предметному и профессиональному признаку, суф.-ač₁, кроме того, по оценочному, суф.-ik₁ — по качественному, качественно-оценочному и профессиональному; *nomina agentis*: суф.-ec₁ ориентирован на образование названий лиц по процессуальному и профессиональному признаку, суф.-ak₁ — по процессуально-оценочному, суф.-ač₁ — по профессиональному и процессуально-оценочному; предметности: суф.-ik₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-ak₁, кроме того, названий видов пищи, нечистот и зоонимов; при образовании названий пищи суф.-ak₁ используется чаще всего в названиях хлебов; при образовании зоонимов суф.-ec₁ активно участвует в образовании названий лошадей; места: суф.-ak₁ употребляется при образовании локативов, имеющих чаще всего значение "помещение, где находится то, что названо мотивирующим словом", суф.-nik₁ — "пространство, где находится то, что названо мотивирующим словом"; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-ak₁, -ik₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетаются преимущественно с И₀, суф.-ec₁ при образовании агентивных названий лиц и *nomina instrumenti* — с -l—ptc₀; феминативы с суф.-k(a), корреспондирующие с атрибутивными и агентивными названиями лиц муж.пола, строятся, как правило, по модели -ec ~ -k(a) (в др. языках наблюдается большее разнообразие моделей); 5) активность использования суф.: суф.-nik₁ при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения, анатомических и *nomina instrumenti*, суф.-ec₁ — *nomina instrumenti* и названий пищи; суф.-ak₁ — названий пищи; 6) емкость СП суф.: суф.-ak₁ обладает более емким СП, чем в др. языках; 7) дистрибуция суф. в ССП: в ССП названий предметов хозяйственно-бытового назначения ядерным является суф.-nik₁, названий орудий — суф.-ač₁ -k(a)₁, -ec₁, -nik₁, лица (*nomina agentis*) — суф.-ač₁, -nik₁, -ec₁; 8) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения происходит чаще всего на базе С и Г₀, зоонимов — А₀.

IX. Сербскохорватский язык

Сх.яз. характеризуют следующие особенности: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ik функционирует как мутационный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ используется как суф. лица и предметности; 3) реализация значений суф.: предметности: суф.-ес₁ дает в основном *nomina attributiva*; места: суф.-k(a)₁ представлен в локативах чаще всего по атрибутивному признаку; женскости: суф.-k(a)₁ используется чаще всего при образовании феминативов, коррелирующих с атрибутивными названиями лиц муж.пола; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ес₁ ориентирован чаще всего на образование названий лиц по качественно-оценочному признаку, суф.-аџ₁ — по предметному и профессиональному, суф.-ik₁ — по качественному и качественно-оценочному; *nomina agentis*: суф.-ес₁ используется прежде всего в названиях лиц по профессиональному признаку, суф.k(a)₁, кроме того, по процессуально-оценочному, суф.-аџ₁ — по профессиональному и процессуальному, суф.-ak₁, кроме того, по процессуально-оценочному; предметности: суф.-аџ₁ ориентирован в основном на образование *nomina instrumenti*, суф.-ес₁ — зоонимов, суф.-ak₁, кроме того, названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-k(a)₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоонимов и фитонимов, суф.-ik₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения, фитонимов и названий пицци; места: суф.-ak₁ употребляется чаще всего при образовании названий помещений или пространств, где находится то, что названо мотивирующим словом; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-ес₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается преимущественно с И₀, суф.-ak₁ — с А₀, суф.-k(a)₁ при образовании имен со значением лица — с Г₀, феминативы с суф.-k(a)₁ (*nomina agentis*) образуются чаще всего по модели -tel ~ -telk(a); 6) емкость СП суф.: суф.-ik₁, -ес₁ обладают более емкими СП, чем в др.юж-сл.яз.; 7) активность использования суф.: суф.-ес₁ в локативном значении, суф.-аџ₁ при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения; 8) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов происходит чаще всего на базе А и Г₀.

X. Македонский язык

Мак.яз. отличают следующие особенности: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ak₁ функционирует в основном как суф. лица; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-ik₁ ориентирован на образование названий по процессуальному и процессуально-оценочному признаку, суф.-аџ₁, кроме того, по профессиональному; *nomina attributiva*: суф.-аџ₁ используется чаще всего в названиях лиц по оценочному (качественному или предметному) признаку; предметности: суф.-ak₁ ориентирован в основном на образование зоонимов; места: суф.-nik₁ ориентирован на образование названий помещений или пространств, где находится то, что названо мотивирующим словом; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-k(a)₁ при образовании имен с общим значением лица сочетается с А и Г₀;

4) емкость СП суф.: суф.-k(a)₁, -ač₁ обладают более емкими СП, чем в др. юж-сл.яз.; 5) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зооназваний происходит чаще всего на базе Г₀.

XI. Болгарский язык

Блг.яз. выделяют следующие особенности: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ak₁ функционирует как суф. лица и предметности; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по процессуальному признаку, суф.-ač₁ — по профессиональному, суф.-ik₁ — по процессуально-оценочному; *nomina attributiva*: суф.-ač₁ используется в названиях лиц чаще всего по профессиональному признаку; предметности: суф.-ak₁ употребляется прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-ač₁ — *nomina instrumenti* и зоонимов, суф.-k(a)₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*; деминутивности: суф.-ec₃ служит прежде всего для передачи семантики уменьшительно-ласкательности; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-k(a)₁ при образовании имен со значением лица сочетается с И и Г₀; 4) активность использования суф.: суф.-ak₃ при образовании *nomina collectiva*; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерными являются суф.-ec₃, -nik₁; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических названий происходит чаще всего на базе С₀, локативов — на базе И₀.

Итак, использование суф.-k(a), -ak, -ač, -ik, -nik, -ec в славянских языках характеризуется не только особенностями, противопоставляющими одну группу языков другой, но и отсутствием последовательного типологического единства даже в пределах близкородственных языков. Так, совершенно очевидно, что в вост-сл.яз. выделяется укр., имеющий больше всего дифференциальных признаков, противопоставляющих его рус. и блр.яз., в зап-сл.яз. в таком положении находится в-луж., в юж-сл. — слн.³⁹ Вместе с тем в использовании исследуемых суффиксов в славянских языках прослеживаются и словообразовательные параллели, свидетельствующие о существовании межъязыковых схождений и тяготении определенных языков друг к другу. Рассмотрим с этой точки зрения ситуацию в каждом славянском языке.

³⁹ Интересно, что своеобразие этих языков прослеживается и на фонетическом уровне: в укр., напр., представлен самый большой фонемный состав (особенно в консонантизме), в том числе коррелятивных пар по твердости—мягкости, в в-луж. — самый маленький состав гласных фонем, наличие закрытых *o* и *e*, сонорных *g*, *u*, *ŋ*, отсутствующих в других зап-сл.яз., в слн. — самый большой состав гласных фонем и самый маленький согласных (в том числе коррелятивных пар по твердости—мягкости), наличие более сложных, чем в сх.яз., квантитативных отношений (более подробно см. [ИТСЯ, 1986, 33, 39, 44 и др.; Исаченко, 1963, 106; Булатова, 1987, 126, Neweklowski, 1981, 413] и др.).

I. Русский язык

В использовании исследуемых суффиксов в рус.яз. выделяются следующие черты, сближающие его с другими славянскими языками⁴⁰.

I.1. С украинским: 1) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-ак₁ ориентирован на образование названий лиц по процессуальному и процессуально-оценочному признаку; предметности: суф.-nik₁ используется прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-ес₁, кроме того, зоонимов и фитонимов; 2) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ предметов хозяйственно-бытового назначения ядерными являются суф.-nik₁ и -k(a)₁.

I.2. С белорусским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ используется в основном как суф. лица; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-аџ₁ привлекается прежде всего для образования *nomina attributiva*, суф.-k(a)₁, кроме того, *nomina agentis*; женскости: суф.-k(a)₂ употребляется чаще всего при образовании феминативов — *nomina attributiva*; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-nik₁ ориентирован на образование названий лиц по предметному и профессиональному признаку; предметности: суф.-ik₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и фитонимов, суф.-аџ₁ — *nomina instrumenti* и зоонимов, суф.-k(a)₁, кроме того, названий предметов хозяйственно-бытового назначения; 4) словообразовательные связи суф: суф.-аџ₁ при образовании имен с общим значением лица сочетается преимущественно с А₀, суф.-ак₁ при образовании имен с предметным значением — с А₀; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ зооназваний и *nomina instrumenti* ядерным является суф.-k(a)₁, ботанических названий — суф.-nik₁ и -k(a)₁; лица (*nomina attributiva*) — суф.-ес₁ и -nik₁; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зооназваний происходит чаще всего на базе А₀.

I.3. С польским: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ак используется как мутационный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ функционирует как суф. лица и предметности, суф.-k(a)₁ известен в сингулятивном значении, суф.-nik₂ — в собирательном; 3) реализация значений суф.: лица: суф.-nik₁ и -ак₁ привлекаются чаще всего для образования *nomina attributiva*, суф.-k(a)₁, кроме того, *nomina agentis*; предметности: суф.-k(a)₁ участвует в образовании имен по атрибутивному и агентивному признаку; места: суф.-ак₁ образует локативы преимущественно по атрибутивному признаку; женскости: суф.-k(a)₂ образует феминативы чаще всего от атрибутивных названий лиц муж.пола; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-k(a)₁ ориентирован чаще всего на образование названий лиц по процессуально-оценочному признаку; *nomina attributiva*: суф.-аџ₁ — по оценочному (качественному или предметному); 5) словообразовательные связи суф.: суф.-nik₁ при образовании имен с

⁴⁰ Выделяются черты, свойственные только двум сравнимым языкам. Черты, имеющие общеславянский характер или объединяющие близкородственные языки, были рассмотрены уже выше.

общим значением лица сочетается преимущественно с C_0 , суф.-ак₁, -ес₁ — с A_0 , при образовании *nomina loci* суф.-ак₁ присоединяется преимущественно к A_0 ; для мутационного суф.-ес₁ характерно сочетание с A_0 ; б) активность использования суф.: суф.-k(a)₁ при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения и химических веществ, суф.-nik₁ при образовании *nomina loci*; 7) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ зооназваний ядерным является суф.-k(a)₁; в ССП места — суф.-nik₁, -k(a)₁; 8) емкость СП суф.: наиболее емким СП обладает суф.-k(a)₁; 9) дистрибуция словопроизводственных основ: образование локативов происходит чаще всего на базе A_0 .

I.4. С верхнелужицким: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ функционирует как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-аџ₁, -nik₁ используются в основном для образования *nomina attributiva*; предметности: суф.-аџ₁ привлекается для образования имен как по атрибутивному, так и агентивному признаку, суф.-nik₁ — преимущественно по атрибутивному; места: суф.-nik₁ дает локативы чаще всего по атрибутивному признаку; женскости: суф.-k(a)₁ привлекается для образования феминативов, коррелирующих преимущественно с атрибутивными названиями лиц муж.пола; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: предметности: суф.-nik₁ ориентирован прежде всего на образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения; лица (*nomina attributiva*): суф.-nik₁ используется чаще всего в названиях лиц по предметному и профессиональному признаку, суф.-аџ₁ — по оценочному; 4) словообразовательные связи суф.: для мутационных суф.-аџ₁, -nik₁ характерно сочетание с C_0 ; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) наиболее нагруженными являются суф.-ес₁ и -nik₁.

I.5. С чешским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ используется как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-ак₁ и суф.-nik₁ употребляются прежде всего для образования *nomina attributiva*; предметности: суф.-k(a)₁ участвует в образовании имен по атрибутивному и агентивному признаку, суф.-nik₁ — по атрибутивному; места: суф.-nik₁ дает локативы чаще всего по атрибутивному признаку; женскости: суф.-k(a)₁ привлекается для образования феминативов преимущественно от атрибутивных названий лиц муж.пола; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по процессуально-оценочному признаку; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-nik₁ при образовании имен с общим значением лица сочетается преимущественно с C_0 , суф.-ак₁ — с A_0 ; суф.-ес₁ в предметном значении — с I_0 ; для мутационного суф.-nik₁ характерно сочетание с C_0 ; 5) активность использования суф.: суф.-k(a)₁ при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ ботанических названий ядерными являются суф.-nik₁ и -k(a)₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование локативов происходит преимущественно на базе A_0 .

I.6. Со словацким: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ функционирует как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-ак₁, -nik₁ используются преимущественно для образо-

вания *nomina attributiva*; предметности: суф.-*k(a)*; участвует в образовании имен как по атрибутивному, так и агентивному признаку, суф.-*nik₁* — по атрибутивному; места: суф.-*nik₁*, *-ak₁* дают локативы преимущественно по атрибутивному признаку; женскости: суф.-*k(a)*; используется чаще всего для образования феминативов — *nomina attributiva*; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-*ač₁* ориентирован на образование названий лиц прежде всего по оценочному признаку; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-*nik₁* при образовании имен с общим значением лица сочетается преимущественно с *C_o*, суф.-*ak₁* — с *A_o*; суф.-*ec₁* в предметном значении — с *I_o*; для мутационного суф.-*nik₁* характерно сочетание с *C_o*; 5) активность использования суф.: суф.-*k(a)* при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерными являются суф.-*ec₁*, *-nik₁*, ботанических названий — суф.-*nik₁*, *-k(a)*; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование *nomina loci* и фитонимов происходит чаще всего на базе *A_o*.

1.7. Со словенским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-*nik₁* используется как суф. лица и предметности, суф.-*ač₁* — как суф. лица; суф.-*k(a)* известен в сингулятивном значении, суф.-*ak₁* — в собирательном; 2) реализация значений суф.: предметности: суф.-*k(a)*; участвует в образовании имен как по атрибутивному, так и агентивному признаку, суф.-*ak₁* — преимущественно по атрибутивному; места: суф.-*k(a)* дает локативы чаще всего по процессуальному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-*nik₁* ориентирован на образование названий лиц по предметному и профессиональному признаку, суф.-*k(a)* по качественному и качественно-оценочному; предметности: суф.-*nik₁* употребляется прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения; места: суф.-*ik₁* употребляется в локативах, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-*k(a)* при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с *A* и *Г_o*, при образовании локативов — с *Г_o*, а суф.-*ak₁* — с *A_o*; для мутационного суф.-*k(a)* характерно сочетание с *A* и *Г_o*; 5) дистрибуция словопроизводственных основ: образования зоо-, ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе *A_o*.

1.8. С сербскохорватским: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-*ik* функционирует как мутационный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-*ak₁* известен в собирательном значении; 3) реализация значений суф.: предметности: суф.-*k(a)* употребляется для образования имен по атрибутивному и агентивному признаку, суф.-*ak₁*, *-ec₁* — преимущественно по атрибутивному; женскости: суф.-*k(a)*; образует феминативы чаще всего от атрибутивных названий лиц муж. пола; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-*k(a)* ориентирован на образование названий лиц чаще всего по качественному и качественно-оценочному признаку; предметности: суф.-*nik₁* привлекается чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-*ak₁*, кроме

того, зоонимов; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-ак₁ при образовании имен с предметным значением сочетается чаще всего с А₀, суф.-ес₁ — с И₀, суф.-к(а)₁ — с А и Г₀; при образовании локативов суф.-ак₁ сочетается преимущественно с А₀; для мутационного суф.-к(а)₁ характерно сочетание с А и Г₀; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения происходит чаще всего на базе А и Г₀, ботанических и локативных названий — на базе А₀.

1.9. С македонским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ используется в основном как суф. лица; суф.-к(а)₁ известен в сингулятивном значении; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-ес₁ служит преимущественно для образования *nomina attributiva*, суф.-к(а)₁, кроме того, *nomina agentis*; предметности: суф.-ник₁ привлекается для образования имен чаще всего по атрибутивному признаку; места: суф.-к(а)₁ дает локативы преимущественно по процессуальному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-аџ₁ ориентирован на образование названий лиц преимущественно по оценочному признаку; *nomina agentis*: суф.-ак₁ используется в названиях лиц по процессуальному и процессуально-оценочному признаку; предметности: суф.-ник₁ ориентирован прежде всего на образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-к(а)₁ при образовании локативов присоединяется преимущественно к Г₀, суф.-ак₁ — к А₀; суф.-ник₁ в предметном значении сочетается преимущественно с С₀; суф.-к(а)₁ в значении лица — с А и Г₀, суф.-ес₁ — с А₀; для мутационного суф.-ес₁ характерно сочетание с А₀; 5) активность использования суф.: суф.-ник₁ в локативном значении; 6) емкость СП суф.: наиболее емким СП обладает суф.-к(а)₁; 7) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ *nomina instrumenti* ядерным является суф.-к(а)₁; 8) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе А₀.

1.10. С болгарским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ используется как суф. лица, суф.-ак₁ — как суф. лица и предметности; суф.-к(а)₁ известен в сингулятивном значении; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-ес₁ используется в основном для образования *nomina attributiva*, суф.-к(а)₁, кроме того, *nomina agents*; предметности: суф.-ник₁ употребляется чаще всего для образования имен по атрибутивному признаку; места: суф.-к(а)₁ дает локативы чаще всего по процессуальному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-ак₁ ориентирован в основном на образование названий лиц по процессуальному и процессуально-оценочному признаку; *nomina attributiva*: суф.-ес₁ используется в названиях лиц по качественно-оценочному признаку, а также по признаку принадлежности к территории, стране, нации, общественным и идейным течениям, партиям и проч.; предметности: суф.-ник₁ используется чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-аџ₁ — *nomina instrumenti* и зоонимов; места: суф.-ик₁ привлекается для образования *nomina loci*, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом; 4) слово-

образовательные связи суф.: суф.-nik₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с C₀; суф.-k(a)₁ при образовании локативов — с Γ₀; суф.-ес₁ при образовании имен с общим значением лица — с A₀; для мутационного суф.-ес₁ характерно сочетание с A₀; 5) активность использования суф.: суф.-nik₁ в локативном значении, суф.-k(a)₂ — в процессуальном; 6) емкость СП суф.: суф.-ak₁, -ik₁, -nik₁ обладают одинаковой емкостью СП; 7) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения наиболее нагруженными являются суф.-nik₁, -k(a)₁, nomina instrumenti — суф.-k(a)₁, лица (nomina attributiva) — суф. -ес₁, -nik₁, названий пищи — суф.-k(a)₁.

В использовании исследуемых суффиксов в рус.яз. прослеживается сходство со всеми славянскими языками, и прежде всего с вост-сл., однако ближе всего к нему в этом плане оказывается блр.яз. (особенно в употреблении суф.-k(a), -ik, в устройстве ССП лица, nomina instrumenti, зоо- и ботанических названий и т.д.), из зап-сл.яз. — плс. (особенно в использовании суф.-k(a) и -nik, в устройстве ССП места и зооназваний), из юж-сл.яз. — блг. (особенно в функционировании суф.-k(a), -ak, -nik, в устройстве ССП лица, nomina instrumenti, названий предметов хозяйственно-бытового назначения и др.).

II. Украинский язык

В использовании суф.-k(a), -ak, аѣ, -ik, -nik, -ес в укр.яз. выделяются следующие черты, сближающие его с др. славянскими языками: П.1. С русским (см. п.1.1.).

П.2. С белорусским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ функционирует в основном как суф. лица; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-nik₁ используется для образования как nomina attributiva, так и nomina agentis; предметности: суф.-аѣ служит для образования имен преимущественно по процессуальному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (nomina attributiva): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку, суф.-ak₁, -ес₁ — по качественному и качественно-оценочному (суф.-ес₁, кроме того, по признаку принадлежности к стране, нации, территории, общественным и идейным течениям, партиям, организациям и т.д.); nomina agentis: суф.-k(a)₁ представлен в названиях лиц по профессиональному и процессуально-оценочному признаку; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-аѣ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с Γ₀; суф.-nik₁ при образовании имен с общим значением лица — с С и Γ₀; для мутационного суф.-nik₁ характерно сочетание с С и Γ₀; при образовании феминативов от агентивных названий лиц муж. пола чаще всего используется модель -аѣ ~ -аѣk(a) или -tel ~ -telk(a); 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (nomina agentis) активнее всего "работает" суф.-nik₁.

П.3. С польским: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ak используется как мутационный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-аѣ функционирует как суф. лица и предметности;

3) реализация значений суф.: предметности: суф.-k(a)₁ участвует в образовании имен по атрибутивному и агентивному признаку, суф.-ač₁ преимущественно по агентивному; лица: суф.-ak₁ дает преимущественно *nomina attributiva*, суф.-ač₁ — *nomina agentis*; места: суф.-ak₁ участвует в образовании локативов преимущественно по атрибутивному признаку; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-nik₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по профессиональному признаку, суф.-ač₁ — по оценочному; *nomina agentis*: суф.-nik₁ используется чаще всего при образовании *nomina professionalia*; предметности: суф.-ač₁ используется прежде всего для образования *nomina instrumenti*; 5) словообразовательные связи суф.: для мутационного суф.-ač₁ характерно сочетание преимущественно с Г₀, для суф.-nik₁ — с С и Г₀; при образовании феминативов (*nomina agentis*) используются модели -ač ~ -ačk(a), -tel ~ -telk(a); 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ *nomina instrumenti* ядерными являются суф.-ač₁, -k(a)₁; в ССП места — суф.-nik₁, -k(a)₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование локативов происходит чаще всего на базе А₀, зоонимов — на базе С₀.

II.4. С верхнелужицким: 1) реализация значений суф.: места: суф.-nik₁ при образовании локативов дает преимущественно *nomina attributiva*; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ač₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по оценочному признаку, суф.-ak₁ — по качественному и качественно-оценочному; предметности: суф.-nik₁ используется прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-nik₁ при образовании имен с предметным и локативным значением сочетается преимущественно с С₀; 4) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зооназваний происходит чаще всего на базе С₀.

II.5. С чешским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ač₁ функционирует как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁, -ak₁ чаще всего привлекаются для образования *nomina attributiva*, суф.-ač₁ — *nomina agentis*; предметности: суф.-k(a)₁ используется в названиях предметов по атрибутивному и агентивному признаку, суф.-nik₁ преимущественно по атрибутивному, суф.-ač₁ — по агентивному; места: суф.-nik₁ дает локативы преимущественно по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку, суф.-nik₁ — по профессиональному; предметности: суф.-ač₁ привлекается прежде всего для образования *nomina instrumenti*, суф.-ik₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-k(a)₁ при образовании имен с общим значением лица сочетается преимущественно с И₀, суф.-ač₁ — с Г₀; при образовании имен с общим значением предметности суф.-es₁ сочетается преимущественно с И₀, суф.-ač₁ — с Г₀; при образовании локативов суф.-nik₁ — с С₀; 5) активность использования суф.: суф.-ik₁ при образовании зоонимов; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ *nomina instrumenti* ядерными

являются суф.-аџ₁, -k(a)₁; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование локативов происходит чаще всего на базе A₀, зооназваний — на базе C₀.

II.6. Со словацким: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ используется как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-аџ₁ употребляется преимущественно для образования *nomina agentis*, суф.-k(a)₁, -ak₁ — *nomina attributiva*; предметности: суф.-k(a)₁ привлекается для образования имен как по атрибутивному, так и агентивному признаку, суф.-аџ₁ — в основном по агентивному, суф.-nik₁ — по атрибутивному; места: суф.-ak₁, -nik₁ образуют локативы преимущественно по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-аџ₁ ориентирован чаще всего на образование названий лиц по оценочному признаку, суф.-k(a)₁ — по качественному и предметному, суф.-nik₁ — по профессиональному; предметности: суф.-аџ₁ участвует преимущественно в образовании *nomina instrumenti*, суф.-ik₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов; женскости: суф.-k(a)₁ используется при образовании феминативов со значением "жена лица, названного мотивирующим словом"; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-аџ₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается преимущественно с Г₀, суф.-nik₁ — с С₀, суф.-ес₁ — с И₀; при образовании имен со значением лица суф.-k(a)₁ сочетается преимущественно с И₀, суф.-ak₁ — с A₀, суф.-аџ₁ — с Г₀; при образовании *nomina loci* суф.-nik₁ сочетается преимущественно с С₀, суф.-ak₁ — с A₀; феминативы с суф.-k(a)₁ (*nomina agentis*) образуются чаще всего по моделям -аџ ~ -аџk(a), -tel ~ -telk(a); 5) активность использования суф.: суф.-ik₁ при образовании зоонимов; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ *nomina instrumenti* активнее всего "работают" суф.-аџ₁, -k(a)₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образований локативных и ботанических названий происходит чаще всего на базе A₀, зоонимических — на базе C₀.

II.7. Со словенским: 1) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁ используется чаще всего для образования *nomina attributiva*, суф.-аџ₁ — *nomina agentis*, суф.-nik₁ — и одной, и другой группы имен; предметности: суф.-аџ₁ привлекается для образования имен преимущественно по агентивному признаку, суф.-ak₁ — по атрибутивному, суф.-k(a)₁ — по атрибутивному и агентивному; женскости: суф.-k(a)₁ употребляется при образовании феминативов, мотивированных как атрибутивными, так и агентивными названиями лиц муж. пола; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ak₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по качественному и качественно-оценочному признаку, суф.-ес₁, кроме того, по признаку принадлежности к стране, территории, нации, общественным и идейным течениям; предметности: суф.-nik₁ используется прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения; места: суф.-ik₁ употребляется при образовании локативов, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-k(a)₁ при образовании имен с предметным значением сочетается с А и Г₀, суф.-ak₁ —

с И₀; при образовании *nomina loci* суф.-ак₁ сочетается преимущественно с А₀; при образовании имен со значением лица суф.-ник₁ присоединяется чаще всего к С и Г₀; для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание с Г₀, для суф.-к(а)₁ — с А и Г₀, для суф.-ник₁ — с С и Г₀; 4) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе А₀.

II.8. С сербскохорватским: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ик функционирует как мутационный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-ник₁ используется в основном как суф. лица, суф.-аџ₁ — как суф. лица и предметности; 3) реализация значений суф.: лица: суф.-аџ₁ употребляется преимущественно для образования *nomina agentis*, суф.-к(а)₁ — *nomina attributiva*, суф.-ник₁ — и той, и другой группы имен; предметности: суф.-аџ₁ участвует в образовании имен преимущественно по агентивному признаку, суф.-ак₁, -ес₁ — по атрибутивному, суф.-к(а)₁ — по агентивному и атрибутивному; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-аџ₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по профессиональному и процессуальному признаку, суф.-к(а)₁ — по профессиональному и процессуально-оценочному; предметности: суф.-ник₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-аџ₁ — *nomina instrumenti*, суф.-ак₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-к(а)₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с А и Г₀, суф.-ес₁ — с И₀; при образовании имен с общим значением лица суф.-ник₁ сочетается с С и Г₀, суф.-аџ₁ — с Г₀; при образовании локативов суф.-ак₁ присоединяется преимущественно к А₀; для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание с Г₀, для суф.-к(а)₁ — с А и Г₀, для суф.-ник₁ — с С и Г₀; феминативы с суф.-к(а)₁ (*nomina attributiva*) строятся чаще всего по модели -ес ~ -к(а), -аг ~ -агк(а); 6) активность использования суф.-ик₁ в локативном значении; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе А₀.

II.9. С македонским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ник₁ используется в основном как суф. лица; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-аџ₁ привлекается прежде всего для образования *nomina agentis*, суф.-ес₁ — *nomina attributiva*, суф.-ник₁ — и той, и другой группы имен; предметности: суф.-аџ₁ дает имена преимущественно по агентивному признаку, суф.-ник₁ — по атрибутивному; женскости: суф.-к(а)₁ участвует в образовании феминативов как от атрибутивных, так и агентивных названий лиц муж. пола; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-к(а)₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по качественному и предметному признаку, суф.-аџ₁ — по оценочному, суф.-ак₁ — по качественному и качественно-оценочному, суф.-ес₁, кроме того, по признаку принадлежности к стране, территории, нации, общественным и идейным течениям, партиям и проч.; *nomina agentis*: суф.-ик₁, -ак₁ используются при образовании названий лиц по процессуальному и процессуально-оценочному признаку; предметности: суф.-ник₁ служит прежде всего для

образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-*nik*₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается преимущественно с *C*₀, суф.-*ač*₁ — с *G*₀, суф.-*nik*₁ при образовании имен с общим значением лица присоединяется преимущественно к *C* и *G*₀, а места — к *C*₀; для мутационного суф.-*nik*₁ характерно сочетание с *C* и *G*₀, для суф.-*ač*₁ — с *G*₀, для суф.-*es*₁ — с *A*₀; феминативы с суф.-*k(a)*₂ (*nomina attributiva*) образуются чаще всего по моделям *-es* ~ *-k(a)*, *-ar* ~ *-ark(a)*; 5) активность использования суф.: суф.-*nik*₁ в локативном значении; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе *A*₀.

II.10. С болгарским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-*nik*₁ функционирует как суф. лица, суф.-*ak*₁ — как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-*ač*₁ участвует в образовании преимущественно *nomina agentis*, суф.-*es*₁ — *nomina attributiva*, суф.-*nik*₁ — и той, и другой группы имен; предметности: суф.-*ač*₁ привлекается для образования имен в основном по агентивному признаку, суф.-*nik*₁ — по атрибутивному; женскости: суф.-*k(a)*₂ образует феминативы, мотивированные как атрибутивные, так и агентивными названиями лиц муж. пола; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-*ak*₁ ориентирован на образование названий лиц по процессуальному и процессуально-оценочному признаку; *nomina attributiva*: суф.-*k(a)*₂ используется чаще всего в названиях лиц по качественному и предметному признаку; предметности: суф.-*nik*₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения; места: суф.-*ik*₁ ориентирован на образование локативов, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-*ač*₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с *G*₀, суф.-*nik*₁ — с *C*₀; для мутационного суф.-*ač*₁ характерно сочетание с *G*₀, для суф.-*es*₁ — с *A*₀, для суф.-*nik*₁ — с *C* и *G*₀; 5) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зоонимов происходит чаще всего на базе *C*₀.

Как видно из приведенного материала, функционирование исследуемых суффиксов в укр.яз. обнаруживает соответствия со всеми славянскими языками, и прежде всего с вост.-сл., особенно с блр. (ср. использование суф.-*k(a)*, *-ak*, *-nik*). Что касается связей с зап- и юж.-сл.яз., то из зап.-сл. к нему ближе всего слц. (особенно в использовании суф.-*ač*, *-k(a)*), а из юж.-сл. — сх. (особенно в использовании суф.-*nik*, *-k(a)*, *-ač*). Следует отметить также, что укр.яз., в отличие от рус. и блр., имеет более тесные связи с зап- и юж.-сл.яз., о чем свидетельствует большее число словообразовательных параллелей.

III. Белорусский язык

В использовании суф.-*k(a)*, *-ak*, *-ač*, *-ik*, *nik*, *-es* в блр.яз. можно выделить следующие черты, сближающие его с другими славянскими языками: III.1. С русским (см. п.1.2); III.2. С украинским (см. п.П.2).

III.3. С польским: 1) реализация значений суф.: лица: суф.-*k(a)*, употребляется для образования как *nomina agentis*, так и *nomina attribu-*

tiva; суф.-ak₁ преимущественно *nomina attributiva*; предметности: суф.-ač₁ привлекается для образования имен чаще всего по агентивному признаку, суф.-k(a)₁ — по атрибутивному и агентивному; места: суф.-ak₁ дает локативы преимущественно по атрибутивному признаку; женскости: суф.-k(a)₂ участвует в образовании феминативов, мотивированных чаще всего атрибутивными названиями лиц муж.пола; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку, суф.-ač₁ — по оценочному; предметности: суф.-eс₁ используется чаще всего для образования зоо- и ботанических названий; при образовании зоонимов суф.-ak₁ используется чаще всего в названиях животных, суф.-ač₁ — птиц, суф.-ik₁ — насекомых и птиц; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-ač₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается преимущественно с Г₀; при образовании имен с общим значением лица и места суф.-ak₁ присоединяется чаще всего к А₀; для мутационного суф.-nik₁ характерно сочетание с С и Г₀; феминативы с суф.-k(a)₂, мотивированные агентивными названиями лиц муж.пола образуются чаще всего по модели -ač ~ -ačk(a), -tel ~ -telk(a); 4) активность использования суф.: суф.-nik₁ в локативном значении; 5) емкость СП суф.: суф.-k(a)₁, -nik₁ имеют одинаковую емкость СП; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов ядерным является суф.-k(a)₁, в ССП места — суф.-nik₁, -k(a)₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование локативов происходит чаще всего на базе А₀.

III.4. С верхнелужицким: 1) реализация значений суф.: лица: суф.-ač₁ используется преимущественно для образования *nomina attributiva*, суф.-k(a)₁ — *nomina attributiva* и *nomina agentis*; предметности: суф.-nik₁ дает преимущественно *nomina attributiva*; места: суф.-nik₁ используется для образования локативов преимущественно по атрибутивному признаку; женскости: суф.-k(a)₂ употребляется чаще всего при образовании феминативов — *nomina attributiva*; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ač₁ ориентирован на образование названий лиц по оценочному признаку, суф.-ak₁ — по качественному и качественно-оценочному, суф.-nik₁ — по предметному и профессиональному; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-ač₁ при образовании имен со значением лица сочетается преимущественно с С₀, суф.-nik₁ при образовании имен с предметным и локативным значением — с С₀; 4) емкость СП суф.: суф.-k(a)₁ обладает одинаковой емкостью СП; 5) активность использования суф.: суф.-ik₁ при образовании фитонимов; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерными являются суф.-eс₁, -nik₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения происходит чаще всего на базе И₀.

III.5. С чешским: 1) реализация значений суф.: предметности: суф.-ač₁ используется для образования имен чаще всего по агентивному признаку, суф.-nik₁ — по атрибутивному, суф.-k(a)₁ — по атрибутивному и агентивному; лица: суф.-ak₁ при образовании имен с общим значением лица дает преимущественно *nomina attributiva*;

места: суф.-*nik*₁ образует локативы чаще всего по атрибутивному признаку; женскости: суф.-*k(a)*₃ употребляется для образования феминативов, являющихся чаще всего *nomina attributiva*; 2) словообразовательные связи суф.: суф.-*es*₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с *И*₀, суф.-*ač*₁ — с *Г*₀; при образовании *nomina loci* суф.-*nik*₁ присоединяется преимущественно к *С*₀; 3) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения ядерным является суф.-*k(a)*₁, ботанических названий — суф.-*nik*₁, *-k(a)*₁; 4) дистрибуция словопроизводственных основ: образование локативов происходит чаще всего на базе *А*₀.

III.6. Со словацким: 1) реализация значений суф.: предметности: суф.-*ač*₁ служит для образования *nomina agentis*, суф.-*nik*₁ — *nomina attributiva*, суф.-*k(a)*₁ как *nomina attributiva*, так и *nomina agentis*; лица: суф.-*ak*₁ используется преимущественно при образовании атрибутивных названий лиц; места: суф.-*ak*₁, *-nik*₁ дают локативы чаще всего по атрибутивному признаку; женскости: суф.-*k(a)*₃ употребляется при образовании феминативов, мотивированных чаще всего атрибутивными названиями лиц муж.пола; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-*ač*₁ ориентирован чаще всего на образование названий лиц по оценочному признаку; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-*es*₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с *И*₀, суф.-*ač*₁ — с *Г*₀; при образовании локативов суф.-*ak*₁ сочетается чаще всего с *А*₀, суф.-*nik*₁ — с *С*₀; 4) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерными являются суф.-*es*₁, *-nik*₁, в ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения — суф.-*k(a)*₁, фитонимов — суф.-*nik*₁, *-k(a)*₁; 5) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе *А*₀.

III.7. Со словенским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-*ač*₁ употребляется в основном как суф. лица; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-*nik*₁ используется для образования названий лиц как по атрибутивному, так и агентивному признаку; предметности: суф.-*ak*₁ дает преимущественно *nomina attributiva*, суф.-*ač*₁ — *nomina agentis*, суф.-*k(a)*₁ участвует в образовании имен обеих групп; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-*ak*₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и качественно-оценочному признаку, суф.-*es*₁, кроме того, по признаку принадлежности к стране, территории, нации, общественным и идейным течениям, партиям, организациям и проч.; суф.-*nik*₁ — по предметному и профессиональному; *nomina agentis*: суф.-*nik*₁ используется чаще всего в названиях лиц по процессуальному признаку; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-*k(a)*₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается преимущественно с *А* и *Г*₀, суф.-*ač*₁ — с *Г*₀; суф.-*nik*₁ при образовании имен с общим значением лица — с *С* и *Г*₀; при образовании локативов суф.-*ak*₁ сочетается преимущественно с *А*₀; для мутационного суф.-*nik*₁ характерно сочетание с *С* и *Г*₀; 5) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зоо-, ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе *А*₀.

III.8. С сербскохорватским: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ik используется как мутационный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ функционирует в основном как суф. лица; 3) реализация значений суф.: лица: суф.-nik₁ привлекается для образования *nomina attributiva* и *nomina agentis*; предметности: суф.-аџ₁ служит для образования имен преимущественно по агентивному признаку, суф.-ак₁, -ес₁ — по атрибутивному, суф.-k(a)₁ — по атрибутивному и агентивному; женскости: суф.-k(a)₁ образует феминативы чаще всего от атрибутивных названий лиц муж.пола; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-nik₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по процессуальному признаку, суф.-k(a)₁ — по профессиональному и процессуально-оценочному, суф.-ак₁ — по процессуальному, процессуально-оценочному и профессиональному; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-ак₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с А₀, суф.-ес₁ — с И₀, суф.-k(a)₁ — с А и Г₀, суф.-аџ₁ — с Г₀; при образовании имен с общим значением лица суф.-nik₁ сочетается чаще всего с С и Г₀; при образовании локативов суф.-ак₁ — с А₀; для мутационного суф.-nik₁ характерно сочетание с С и Г₀; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе А₀.

III.9. С македонским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁, -nik₁ функционируют в основном как суф. лица; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-nik₁, -k(a)₁ используются для образования *nomina attributiva* и *nomina agentis*, суф.-ес₁ — преимущественно *nomina attributiva*; предметности: суф.-аџ₁ служит для образования имен преимущественно по агентивному признаку, суф.-nik₁ — по атрибутивному; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку, суф.-аџ₁ — по оценочному, суф.-ак₁ — по качественному и качественно-оценочному, суф.-ес₁, кроме того, по признаку принадлежности к стране, территории, нации, общественным и идейным течениям, партиям и проч.; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-аџ₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается преимущественно с Г₀, суф.-nik₁ — с С₀; при образовании имен с общим значением лица суф.-nik₁ присоединяется к С и Г₀, суф.-ес₁ — к А₀, при образовании локативов суф.-ак₁ — к А₀; для мутационного суф.-nik₁ характерно сочетание с С и Г₀, для суф.-ес₁ — с А₀; 5) активность использования суф.-nik₁ при образовании локативов; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения, *nomina instrumenti* ядерным является суф.-k(a)₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе А₀.

III.10. С болгарским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ак₁ функционирует как суф. лица и предметности, суф.-аџ₁, -nik₁ — как суф. лица; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁, -nik₁ служат для образования *nomina attributiva* и *nomina agentis*, суф.-ес₁ — преимущественно *nomina attributiva*; предметности: суф.-nik₁ используется для

образования имен преимущественно по атрибутивному признаку, суф.-аџ₁ — по агентивному; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку; предметности: суф.-аџ₁ используется прежде всего для образования *nomina instrumenti* и зоонимов; места: суф.-ik₁ служит для образования локативов, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-аџ₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с Г_o; при образовании имен с общим значением лица суф.-nik₁ сочетается с С и Г_o, суф.-k(a)₁, кроме того, с А_o, суф.-ес₁ — с А_o; для мутационного суф.-nik₁ характерно сочетание с С и Г_o, для суф.-ес₁ — с А_o; 5) активность использования суф.-nik₁ в локативном значении; 6) емкость СП суф.: суф.-ес₁, -nik₁ обладают одинаковой емкостью СП; 7) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерными являются суф.-ес₁, -nik₁, *nomina instrumenti* и названий пищи — суф.-k(a)₁.

Функционирование исследуемых суффиксов в блр.яз. сближает его прежде всего с вост.-сл.яз., особенно с рус. (чаще всего в употреблении суф.-k(a), -ik, в устройстве ССП лица, *nomina instrumenti*, зоо- и ботанических названий, места), из зап.-сл.яз. к нему ближе всего плс. (особенно в использовании суф.-k(a), -ак, в устройстве ССП названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зооназваний), из юж.-сл. — блг.яз. (особенно в употреблении суф.-k(a), -nik, -аџ, в устройстве ССП лица, *nomina instrumenti*).

IV. Польский язык

В использовании суф.-k(a), -ак, -аџ, -ik, -nik, -ес в плс.яз. прослеживаются следующие соответствия, сближающие его с другими славянскими языками: IV.1. С русским (см. п. I.3.); IV.2. С украинским (см. п. П.3.); IV.3. С белорусским (см. п. III.3.).

IV.4. С верхнелужицким: 1) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁ используется для образования *nomina attributiva* и *nomina agentis*; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-аџ₁ ориентирован на образование названий лиц по оценочному признаку; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-k(a)₁ при образовании имен с общим значением лица сочетается преимущественно с С и Г_o; суф.-ес₁ при образовании имен с предметным значением — с А_o; 4) емкость СП суф.: суф.-k(a)₁, -ак₁ обладают одинаковой емкостью СП; 5) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зоо- и ботанических названий происходит чаще всего на базе С_o.

IV.5. С чешским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ функционирует как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-ак₁ употребляется в основном для образования *nomina attributiva*, суф.-аџ₁ — *nomina agentis*; предметности: суф.-k(a)₁, -ак₁ служат для образования имен как по атрибутивному, так и агентивному признаку, суф.-аџ₁ преимущественно по агентивному; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁

ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку, суф.-ес₁ — по качественно-оценочному, суф.-ак₁, кроме того, по признаку места жительства, суф.-nik₁ — по профессиональному; *nomina agentis*: суф.-аџ₁ используется прежде всего для образования *nomina professionalia*, суф.-k(a)₁, -ак₁ — названий лиц по процессуально-оценочному признаку, суф.-ес₁ — по профессиональному и процессуальному; предметности: суф.-аџ₁ ориентирован в основном на образование *nomina instrumenti*; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-ik₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с С_о, суф.-аџ₁ — с Г_о, суф.-k(a)₁, -ак₁ — с С и Г_о; при образовании имен с общим значением лица суф.-ак₁ сочетается преимущественно с А_о, суф.-аџ₁ — с Г_о; феминативы с суф.-k(a)₃, мотивированные атрибутивными названиями лиц муж.пола, строятся чаще всего по модели -џ ~ k(a), -аг ~ -агk(a); 5) активность использования суф.: суф.-ik₁ при образовании зоонимов, суф.-k(a)₁ — анатомических названий, суф.-nik₁ при образовании имен с общим значением предметности; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina agentis*) ядерным является суф.-аџ₁, *nomina attributiva* — суф.-ес₁; в ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения — суф.-k(a)₁, *nomina instrumenti* — суф.-аџ₁, -k(a)₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения, зоонимов и фитонимов происходит чаще всего на базе С_о, локативов — на базе А_о.

IV.6. Со словацким: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ функционирует как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: предметности: суф.-ак₁, -k(a)₁ употребляются для образования имен по атрибутивному и агентивному признаку; лица: суф.-ак₁ используется чаще всего для образования *nomina attributiva*, суф.-аџ₁ — *nomina agentis*; места: суф.-ак₁ дает локативы преимущественно по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку, суф.-аџ₁, -ес₁ — по оценочному, суф.-ак₁, кроме того, по признаку места жительства, суф.-nik₁ — по профессиональному; *nomina agentis*: суф.-аџ₁ используется чаще всего для образования *nomina professionalia*, суф.-ес₁, кроме того, названий лиц по процессуальному признаку; предметности: суф.-аџ₁ служит прежде всего для образования *nomina instrumenti*, суф.-k(a)₁, кроме того, названий предметов хозяйственно-бытового назначения; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-ik₁ при образовании имен с предметным значением сочетаются преимущественно с С_о, суф.-аџ₁ — с Г_о, суф.-ак₁ и -k(a)₁ — с С и Г_о; при образовании имен с общим значением лица суф.-ак₁ сочетается преимущественно с А_о, суф.-аџ₁ — с Г_о; при образовании локативов — суф.-ак₁ — с А_о; феминативы с суф.-k(a)₃, мотивированные агентивными названиями лиц муж.пола, образуются чаще всего по модели -аџ ~ -аџk(a), -tel ~ -telk(a); 5) активность использования суф.: суф.-аџ₁ при образовании *nomina instrumenti*, суф.-ik₁ — зоонимов; 6) емкость СП суф.: суф.-ак₁ обладает одинаковой емкостью СП; 7) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina agentis*) ядерным является суф.-аџ₁,

названий предметов хозяйственно-бытового назначения — суф.-k(a)₁, *nomina instrumenti* — суф.-ač₁, -k(a)₁; 8) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов происходит чаще всего на базе C₀, локативов — на базе A₀.

IV.7. Со словенским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ используется как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-ak₁ используется преимущественно для образования *nomina attributiva*, суф.-ač₁ — *nomina agentis*; предметности: суф.-ač₁ привлекается чаще всего для образования имен по агентивному признаку, суф.-k(a)₁, -nik₁ — по атрибутивному и агентивному; места: суф.-ak₁ дает локативы чаще всего по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-ec₁ ориентирован на образование названий лиц по профессиональному и процессуальному признаку; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-nik₁ при образовании имен с предметным значением сочетаются с C и Γ₀, суф.-ač₁ — с Γ₀; при образовании имен с общим значением лица суф.-ač₁ сочетается преимущественно с Γ₀, при образовании локативов суф.-ak₁ — с A₀; 5) емкость СП суф.: суф.-ik₁, -nik₁ обладают одинаковой емкостью СП; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерным является суф.-ec₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование локативов происходит чаще всего на базе A₀.

IV.8. С сербскохорватским: 1) функциональный объем суф.: омо-суф.-ik, -ak функционируют как мутационные и модификационные; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-ač₁ используется как суф. лица и предметности; 3) реализация значений суф. предметности: суф.-k(a)₁, -nik₁ употребляются при образовании имен по атрибутивному и агентивному признаку, суф.-ec₁ — преимущественно по атрибутивному, суф.-ač₁ — по агентивному; лица: суф.-ač₁ используется в основном при образовании *nomina agentis*, суф.-ak₁ — *nomina attributiva*; места: суф.-k(a)₁, -ak₁ дают локативы чаще всего по атрибутивному признаку; женскости: суф.-k(a)₃ используется при образовании феминативов, коррелирующих прежде всего с атрибутивными названиями лиц муж. пола; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ec₁ ориентирован на образование названий лиц преимущественно по качественно-оценочному признаку; *nomina agentis*: суф.-ik₁ — по процессуальному; предметности: суф.-ač₁ служит прежде всего для образования *nomina instrumenti*; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-ač₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с Γ₀, суф.-nik₁ — с C и Γ₀; при образовании локативов суф.-ak₁ сочетается преимущественно с A₀; при образовании имен со значением лица суф.-ač₁ присоединяется чаще к Γ₀; 6) емкость СП суф.: суф.-ač₁ обладает одинаковой емкостью СП; 7) активность использования суф.: суф.-ec₁ при образовании зоонимов; 8) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерным является суф.-ec₁; 9) дистрибуция словопроизводственных основ: образование *nomina loci* происходит чаще всего на базе A₀.

IV.9. С македонским: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ak

функционирует как мутационный и модификационный; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁ употребляется для образования *nomina attributiva* и *nomina agentis*, суф.-ak₁, -ec₁ — преимущественно *nomina attributiva*, суф.-ač₁ — *nomina agentis*; предметности: суф.-ač₁ дает в основном *nomina agentis*, суф.-ak₁, кроме того, *nomina attributiva*; места: суф.-ak₁ используется в локативах преимущественно по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку, суф.-ik₁, -ač₁ — по оценочному; места: суф.-ik₁ участвует в образовании локативов, обозначающих место чаще всего с ограниченным пространственным объемом; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-ak₁ при образовании имен с общим значением лица и места сочетается преимущественно с A₀, суф.-ec₁ при образовании имен со значением лица — с A₀, суф.-ač₁ — с Γ₀; при образовании имен с предметным значением суф.-ač₁ присоединяется чаще всего к Γ₀; для мутационного суф.-ač₁ характерно сочетание с Γ₀, для суф.-ec₁ — с A₀, для суф.-nik₁ — с C и Γ₀; 5) активность использования суф.: суф.-nik₁ при образовании локативов; 6) емкость СП суф.: суф.-k(a)₁, -ik₁, -nik₁ обладают одинаковой емкостью СП; 7) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерным является суф.-ec₁, *nomina agentis* — суф.-ač₁, названий предметов хозяйственно-бытового назначения — суф.-k(a)₁; 8) дистрибуция словопроизводственных основ: образование *nomina loci* происходит чаще всего на базе A₀.

IV.10. С болгарским: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ak употребляется как мутационный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-ak₁ используется как суф. лица и предметности; 3) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁ привлекается для образования *nomina attributiva* и *nomina agentis*, суф.-ač₁ преимущественно *nomina agentis*, суф.-ak₁, -ec₁ — *nomina attributiva*; предметности: суф.-ač₁ служит для образования имен преимущественно по агентивному признаку, суф.-ak₁ — по атрибутивному и агентивному; места: суф.-ak₁ дает локативы преимущественно по атрибутивному признаку; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку, суф.-ik₁ — по качественно-оценочному; *nomina agentis*: суф.-ač₁ служит прежде всего для образования *nomina professionalia*; предметности: суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*; женскости: суф.-k(a)₁ употребляется для образования феминативов, обозначающих самок и лиц женского пола (в том числе жену по мужу); 5) словообразовательные связи суф.: суф.-ač₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с Γ₀; при образовании имен со значением лица суф.-ak₁, -ec₁ сочетаются преимущественно с A₀, суф.-ač₁ — с Γ₀; для мутационного суф.-ač₁ характерно сочетание с Γ₀, для суф.-ec₁ — с A₀, для суф.-nik₁ — с C и Γ₀; феминативы с суф.-k(a)₁, мотивированные агентивными названиями лиц муж. пола, образуются чаще всего по модели -ač ~ -ačk(a), -tel ~ -telk(a); 6) активность использования суф.: суф.-nik₁

при образовании локативов; 7) емкость СП суф.: суф.-ik₁, -nik₁ обладают одинаковой емкостью СП; 8) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ названий пищи ядерным является суф.-k(a)₁; 9) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зоо- и ботанических названий происходит чаще всего на базе С₀.

Использование исследуемых суффиксов в плс. яз. имеет параллели со всеми славянскими языками, но больше всего с зап.-сл. (особенно с чеш., чаще всего в употреблении суф.-ač, -k(a), в устройстве ССП лица, предметности, дистрибуции словопроизводственных основ при образовании экологической и хозяйственной лексики, хотя нельзя не отметить сильных связей и со слц.яз.), из вост.-сл.яз. к нему ближе всего оказывается блр. (особенно в использовании суф.-ak, -k(a), в устройстве ССП названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зооназваний), из юж.-сл. — блг. (чаще всего в употреблении суф.-k(a), в дистрибуции словопроизводственных основ при образовании экологической лексики).

V. Верхнелужицкий язык

В использовании суф.-k(a), -ak, -ač, -ik, -nik, -es в в-луж.яз. прослеживаются следующие словообразовательные соответствия с другими славянскими языками: V.1. С русским (см. п. I.4); V.2. С украинским (см. п. II.4.); V.3. С белорусским (см. п. III.4.); V.4. С польским (см. п. IV.4).

V.5. С чешским: 1) реализация значений суф.: предметности: суф.-nik₁ используется чаще всего в названиях предметов по атрибутивному признаку; места: суф.-ak₁ дает локативы преимущественно по процессуальному признаку, суф.-nik₁ — по атрибутивному; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (nomina agentis): суф.-ak₁ ориентирован на образование названий лиц по процессуально-оценочному признаку; предметности: суф.-ak₁ привлекается прежде всего для образования фитонимов; места: суф.-nik₁ ориентирован на образование локативов, обозначающих помещение или пространство, где находится то, что названо мотивирующим словом; 3) активность использования суф.: суф.-es₁ при образовании названий нечистот, суф.-k(a)₁ — анатомических названий; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-nik₁ при образовании локативов сочетается преимущественно с С₀, суф.-ak₁ с Г₀; при образовании имен с предметным значением суф.-nik₁ сочетается чаще всего с С₀; для мутационного суф.-nik₁ характерно сочетание с С₀; 5) емкость СП суф.: суф.-es₁ обладает одинаковой емкостью СП; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и зооназваний происходит чаще всего на базе С₀.

V.6. Со словацким: 1) реализация значений суф.: предметности: суф.-nik₁ используется чаще всего для образования nomina attributiva; места: суф.-nik₁ дает локативы преимущественно по атрибутивному признаку; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (nomina attributiva): суф.-ač₁ ориентирован на образование названий лиц преимущественно по оценочному признаку; nomina agentis: суф.-ak₁ используется при образовании названий лиц чаще всего по процессуально-оценочному признаку; места: суф.-nik₁ употребляется для образова-

ния локативов, обозначающих чаще всего помещение или пространство, где находится то, что названо мотивирующим словом; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-*nik*₁ при образовании локативов сочетается преимущественно с *C*₀, для мутационного суф.-*nik*₁ характерно сочетание с *C*₀; 4) активность использования суф.: суф.-*ec*₁ при образовании нечистот; 5) емкость СП суф.: суф.-*ak*₁ обладает одинаковой емкостью СП; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерными являются суф.-*ec*₁, -*nik*₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зоонимов происходит чаще всего на базе *C*₀.

V.7. Со словенским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-*nik*₁ используется как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: места: суф.-*nik*₁ дает локативы преимущественно по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-*ak*₁ ориентирован чаще всего на образование названий лиц по качественному и качественно-оценочному признаку, суф.-*nik*₁ — по предметному и профессиональному; *nomina agentis*: суф.-*ak*₁ используется чаще всего в названиях лиц по процессуально-оценочному признаку; предметности: суф.-*nik*₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения; суф.-*ik*₁, -*nik*₁ при образовании фитонимов используются чаще всего в названиях трав, суф.-*ec*₁ — трав и деревьев; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-*ik*₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с *I*₀; суф.-*nik*₁ при образовании локативов — с *C*₀; 5) степень развития значения суф.: суф.-*k(a)*₂ имеет слабо развитое процессуальное значение.

V.8. С сербскохорватским: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-*ik* функционирует как мутационный и модификационный; 2) реализация значений суф.: предметности: суф.-*ec*₁ участвует в образовании имен преимущественно по атрибутивному признаку; места: суф.-*k(a)*₁, -*nik*₁ дают локативы чаще всего по атрибутивному признаку; женскости: суф.-*k(a)*₂ образует феминативы преимущественно от атрибутивных названий лиц муж. пола; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: предметности: суф.-*nik*₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-*nik*₁ при образовании локативов сочетается преимущественно с *C*₀; 5) емкость СП суф.: суф.-*ec*₁ обладает одинаковой емкостью СП; 6) активность использования суф.: суф.-*ec*₁ при образовании локативов.

V.9. С македонским: 1) реализация значений суф.: лица: суф.-*k(a)*₁ употребляется при образовании *nomina attributiva* и *nomina agentis*, суф.-*ec*₁ — преимущественно *nomina attributiva*; предметности и места: суф.-*nik*₁ служит для образования имен преимущественно по атрибутивному признаку; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-*ač*₁, -*ik*₁ ориентированы чаще всего на образование названий лиц по оценочному признаку; предметности: суф.-*nik*₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения; места: суф.-*nik*₁ используется при образовании локативов, обозначающих помещение или пространство, где находится то, что названо мотивирующим словом; 3) словообра-

звательные связи суф.: суф.-nik₁ при образовании имен с предметным и локативным значением сочетается преимущественно с C₀.

V.10. С болгарским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ak₁ используется как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁ употребляется для образования *nomina attributiva* и *nomina agentis*, суф.-es₁ — преимущественно *nomina attributiva*; предметности и места: суф.-nik₁ участвует в образовании имен преимущественно по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица: суф.-ik₁ ориентирован на образование названий лиц преимущественно по качественно-оценочному признаку; предметности: суф.-nik₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-nik₁ при образовании имен с предметным и локативным значением сочетается преимущественно с C₀; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерными являются суф.-es₁, -nik₁; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических названий происходит на базе C₀, локативных — на базе И₀.

Использование исследуемых суффиксов в в-луж.яз. обнаруживает сходство со всеми славянскими языками и прежде всего с зап.-сл., особенно с чеш. (ср. употребление суф.-nik, -ak, дистрибуцию словопроизводственных основ при образовании экологической лексики), из вост.-сл. яз. к нему ближе всего блр. (особенно в использовании суф.-nik, -ač-, устройство ССП лица), из юж.-сл.яз. — слн. (ср. употребление суф.-k(a), -nik).

VI. Чешский язык.

Использование суф.-k(a), -ak, -ač, -ik, nik, -es в чеш.яз. характеризуется следующими словообразовательными соответствиями с другими славянскими языками: VI.1. С русским (см. п.I.5); VI.2. С украинским (см. п.II.5); VI.3. С белорусским (см. п.III.5); VI.4. С польским (см. п.IV.5); VI.5. С верхнелужицким (см. п.V.5).

VI.6. Со словацким: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-es функционирует как мутационный, транспозиционный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-ač₁ используется как суф. лица и предметности; 3) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁, -ak₁ служат для образования преимущественно *nomina attributiva*, суф.-ač₁ — *nomina agentis*; предметности: суф.-ač₁ участвует в образовании имен преимущественно по агентивному признаку, суф.-nik₁ — по атрибутивному, суф.-ak₁, -k(a)₁ — по атрибутивному и агентивному; места: суф.-nik₁ дает локативы преимущественно по атрибутивному признаку; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку (особенно часто по цвету волос), суф.-es₁ — по качественно-оценочному, суф.-ak₁, кроме того, по признаку места жительства, суф.-nik₁ — по профессиональному; *nomina agentis*: суф.-ač₁ ориентирован на образование названий лиц преимущественно по профессиональному признаку, суф.-nik₁, кроме того, по процессуальному, суф.-ak₁ — по процессуально-оценочному; предмет-

ности: суф.-ак₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-ик₁, кроме того, зоонимов, а суф.-ник₁ — фитонимов, суф.-аџ₁ употребляется преимущественно для образования *nomina instrumenti*; места: суф.-ник₁ ориентирован на образование названий помещений или пространств, где находится то, что названо мотивирующим словом; 5) словообразовательные связи: суф.-аџ₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с Г₀, суф.-ик₁, -ник₁ — с С₀, суф.-ак₁, -к(а)₁ — с С и Г₀, суф.-ес₁ — с И₀; при образовании имен со значением лица суф.-к(а)₁ присоединяется преимущественно к И₀, суф.-ак₁ — к А₀, суф.-аџ₁ — к Г₀; при образовании локативов суф.-ник₁ — к С₀; — для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание с Г₀, для суф.-ник₁ — с С₀, для суф.-к(а)₁ — с С и Г₀, для суф.-ак₁ — с И и Г₀; феминативы с суф.-к(а)₁ — *nomina agentis* образуются чаще всего по модели -tel~-telk(a), аџ~аџk(a); 6) активность использования суф.: суф.-ик₁ при образовании зоонимов, суф.-к(а)₁ — названий болезней, суф.-ес₁ — названий нечистот; 7) емкость СП суф.: суф.-к(а)₁-ник₁, -аџ₁ обладают одинаковой емкостью СП; 8) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения ядерным является суф.-к(а)₁, *nomina instrumenti* — суф.-аџ₁, -к(а)₁, ботанических названий — суф.-ник₁, -к(а)₁, зоонимических — суф.-к(а)₁, -ес₁; в ССМ лица (*nomina agentis*) ведущим является суф.-аџ₁, места — суф.-к(а)₁; 9) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов происходит чаще всего на базе С₀, локативов — на базе А₀.

VI.7. Со словенским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ник₁ используется как суф. лица и предметности; суф.-к(а)₁ известен в сингулятивном значении, суф.-ак₃ — в аугментативном и маскулативном; 2) реализация значений суф.: предметности: суф.-к(а)₁ участвует в образовании имен по атрибутивному и агентивному признаку, суф.-аџ₁ — преимущественно по агентивному; лица: суф.-аџ₁ используется для образования преимущественно *nomina agentis*, суф.-к(а)₁, -ак₁ — *nomina attributiva*; места: суф.-ник₁ дает локативы преимущественно по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-ак₁ ориентирован на образование названий лиц прежде всего по процессуально-оценочному признаку, суф.-ес₁ — по процессуальному и профессиональному; предметности: суф.-ес₁ служит для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-аџ₁ при образовании имен с общим значением лица и предметности сочетается преимущественно с Г₀; при образовании имен со значением лица суф.-ак₁ присоединяется преимущественно к А₀; при образовании локативов суф.-ник₁ сочетается с С₀; для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание с Г₀; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерным является суф.-ес₁; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование локативов происходит чаще всего на базе А₀.

VI.8. С сербскохорватским: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ик функционирует как мутационный и модификационный; 2) функцио-

нальная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ функционирует как суф. лица и предметности; суф.-k(a)₁ известен в сингулятивном значении; 3) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁-ak₁ употребляются преимущественно для образования *nomina attributiva*, суф.-аџ₁ — *nomina agentis*; предметности: суф.-k(a)₁ используется для образования имен по атрибутивному и агентивному признаку, суф.-аџ₁ преимущественно по агентивному, суф.-ес₁ — по атрибутивному; места: суф.-k(a)₁, -nik₁ дают локативы чаще всего по атрибутивному признаку; женскости: суф.-k(a)₁ образует феминативы чаще всего от атрибутивных названий лиц муж. пола; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ес₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по качественно-оценочному признаку; *nomina agentis*: суф.-ik₁ — по процессуальному; предметности: суф.-аџ₁ служит прежде всего для образования *nomina instrumenti*; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-ес₁ при образовании имен с предметным значением сочетается с И₀, суф.-аџ₁ — с Г₀; при образовании локативов суф.-nik₁ сочетается преимущественно с С₀; при образовании имен с общим значением лица суф.-ak₁ — с А₀, суф.-аџ₁ — с Г₀; для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание с Г₀, феминативы с суф.-k(a)₁, мотивированные агентивными названиями лиц муж. пола, образуются чаще всего по модели -tel~telk(a); 6) активность использования суф.: суф.-ес₁ в локативном значении; 7) емкость СП суф.: суф.-ak₁, -ес₁ обладают одинаковой емкостью СП; 8) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерным является суф.-ес₁; 9) дистрибуция словопроизводственных основ: образование локативов происходит чаще всего на базе А₀.

VI.9. С македонским: 1) реализация значений суф.: предметности: суф.-nik₁ употребляется в именах преимущественно по атрибутивному признаку, суф.-аџ₁ — по агентивному, суф.-ak₁ — по атрибутивному и агентивному; лица: суф.-аџ₁ используется чаще для образования *nomina agentis*, суф.-ak₁, -ес₁ — *nomina attributiva*; места: суф.-nik₁ дает локативы в основном по атрибутивному признаку; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ik₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по качественно-оценочному признаку, суф.-k(a)₁ — по качественному и предметному; предметности: суф.-ес₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов; места: суф.-nik₁ ориентирован на образование названий помещений или пространств, где находится то, что названо мотивирующим словом; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-аџ₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается преимущественно с Г₀; при образовании имен со значением лица суф.-ес₁ — с А₀; при образовании имен со значением предметности и места суф.-nik₁ сочетается чаще всего с С₀; для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание с Г₀, для суф.-ес₁ — с А₀; 4) емкость СП суф.: наиболее емким СП обладает суф.-k(a)₁; суф.-аџ₁ обладает одинаковой емкостью СП; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССП лица ядерными являются суф.-аџ₁ (для *nomina agentis*) и -ес₁ (для *nomina attributiva*), в ССМ названий предметов хозяйственно-бытового назначения и названий

пищи ведущим является суф.-k(a)₁, зоонимов — суф.-ес₁, -k(a)₁; б) дистрибуция словопроизводственных основ: образование *nomina loci* происходит чаще всего на базе A₀.

VI.10. С болгарским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ак₁ используется как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: предметности: суф.-nik₁ употребляется при образовании имен преимущественно по атрибутивному признаку, суф.-аџ₁ — по агентивному; суф.-ак₁ — по атрибутивному и агентивному; лица: суф.-аџ₁ используется чаще всего для образования *nomina agentis*, суф.-ак₁-ес₁ — *nomina attributiva*; места: суф.-nik₁ дает локативы чаще всего по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по качественному и предметному признаку, суф.-ik₁ — по качественно-оценочному; *nomina agentis*: суф.-аџ₁ — по профессиональному, суф.-ак₁ — по процессуально-оценочному; предметности: суф.-ак₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-ес₁, кроме того, зоонимов; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-nik₁ при образовании имен со значением предметности и места сочетается преимущественно с С₀, суф.-ак₁, -ес₁ при образовании имен со значением лица — с A₀, суф.-аџ₁ — с Г₀; для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание с Г₀, для суф.-ес₁ — с A₀; 5) емкость СП суф.: суф.-ак₁ обладает одинаковой емкостью СП; б) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ зооназваний ядерными являются суф.-ес₁, -k(a)₁, названий пищи — суф.-k(a)₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зоо- и ботанических названий происходит чаще всего на базе С₀.

Использование исследуемых суффиксов в чеш.яз. обнаруживает больше всего соответствий с зап.-сл.яз., особенно со слц. (ср. употребление суф.-k(a), -аџ, -nik, устройство ССП лица, предметности, места), из вост.-сл.яз. к нему ближе всего укр. (особенно в использовании суф.-k(a), -аџ), из юж.-сл. — сх.яз. (ср. употребление суф.-ес, -аџ, устройство ССП лица).

VII. Словацкий язык

Использование суф.-k(a), -ак, -аџ, -ik, -nik, -ес в слц.яз. имеет следующие словообразовательные соответствия с другими славянскими языками: VII.1. С русским (см. п. I.6); VII.2. С украинским (см. п. II.6); VII.3. С белорусским (см. п. III.6); VII.4. С польским (см. п. IV.6); VII.5. С верхнелужицким (см. п. V.6); VII.6. С чешским (см. п. VI.6).

VII.7. Со словенским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ функционирует как суф. лица и предметности; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁, -ак₁ используются преимущественно в *nomina attributiva*, суф.-аџ₁ — *nomina agentis*; предметности: суф.-k(a)₁ участвует в образовании имен по атрибутивному и агентивному признаку, суф.-аџ₁ — преимущественно по агентивному; места: суф.-ак₁, -nik₁ дают локативы чаще всего по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-ак₁ ориентирован на образование названий лиц преимущественно по процессуально-

оценочному признаку, суф.-k(a)₁ — по профессиональному, суф.-ес₁ — по профессиональному и процессуальному; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-аџ₁ при образовании имен со значением лица и предметности сочетается преимущественно с Г₀; суф.-ак₁ при образовании имен со значением лица и места — с А₀; 5) активность использования суф.: суф.-nik₁ при образовании анатомических названий; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе А₀.

VII.8. С сербскохорватским: 1) функциональный объем суф.: омосуф.-ik функционирует как мутационный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-аџ₁ используется как суф. лица и предметности; 3) реализация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁, -ак₁ используются преимущественно для образования *nomina attributiva*, суф.- аџ₁ — *nomina agentis*; предметности: суф. -k(a)₁ участвует в образовании имен по атрибутивному и агентивному признаку, суф.-ес₁ — преимущественно по атрибутивному, суф.-аџ₁ — по агентивному; места: суф.-ак₁, -nik₁ дают локативы преимущественно по атрибутивному признаку; женскости: суф.-k(a)₁; употребляется при образовании феминативов, мотивированных преимущественно атрибутивными названиями лиц муж. пола; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ес₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по качественно-оценочному признаку; *nomina agentis*: суф.-ik₁ — по процессуальному; предметности: суф.-аџ₁ служит прежде всего для образования *nomina instrumenti*; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-ес₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается преимущественно с И₀, суф.-аџ₁ — с Г₀; при образовании локативов суф.-nik₁ — с С₀, суф.-ак₁ — с А₀; для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание с Г₀; 6) активность использования суф.-ес₁ при образовании имен с предметным значением; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе А₀.

VII.9. С македонским: 1) реализация значений суф.: лица: суф.-ак₁, -ес₁ используются для образования преимущественно *nomina attributiva*, суф.-аџ₁ — *nomina agentis*; предметности: суф.-nik₁ образует имена преимущественно по атрибутивному признаку, суф.-аџ₁ — по агентивному, суф.-ак₁ — по атрибутивному и агентивному; места: суф.-nik₁, -ак₁ дают локативы чаще всего по атрибутивному признаку; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц по качественному и предметному признаку, суф.-аџ₁, -ik₁ — по оценочному; *nomina agentis*: суф.-k(a)₁ — по профессиональному признаку; места: суф.-nik₁ ориентирован на образование названий помещений и пространств, где находится то, что названо мотивирующим словом, суф.-ik₁ — места с ограниченным пространственным объемом; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-аџ₁ при образовании имен со значением лица и предметности сочетается преимущественно с Г₀, суф.-ак₁ при образовании имен со значением лица и места — с А₀, суф.-nik₁ при образовании имен с предметным и локативным значением — с С₀; для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание

с Γ_0 , для суф.-ес₁ — с A_0 ; 4) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina agentis*) активнее всего "работает" суф.-аџ₁, названий предметов хозяйственно-бытового назначения и пищи — суф.-k(a)₁; 5) дистрибуция словопроизводственных основ: образование локативов происходит чаще всего на базе A_0 .

VII.10. С болгарским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ак₁ используется как суф. лица и предметности; 2) реализации значений суф.: предметности: суф.-nik₁ участвует в образовании имен преимущественно по атрибутивному признаку, суф.-аџ₁ — по агентивному, суф.-ак₁ — по атрибутивному и агентивному; лица: суф.-ес₁, -ак₁ образуют преимущественно *nomina attributiva*, суф.-аџ₁ — *nomina agentis*; места: суф.-nik₁, -ак₁ дают локативы чаще всего по атрибутивному признаку; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ik₁ ориентирован на образование названий лиц преимущественно по качественно-оценочному признаку, суф.-k(a)₁ — по качественному и предметному; *nomina agentis*: суф.-аџ₁ — по профессиональному; предметности: суф.-ак₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф.-k(a)₁, кроме того, *nomina instrumenti*; женскости: суф.-k(a)₁ используется не только в названиях лиц женского пола, но и в названиях жены по мужу; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-k(a)₁ при образовании атрибутивных названий лиц сочетается с I_0 , феминативы с суф.-k(a)₁ — *nomina agentis* образуются чаще всего по модели -аџ~аџk(a), -tel~telk(a); суф.-аџ₁ при образовании имен со значением лица и предметности сочетается преимущественно с Γ_0 , суф.-ак₁ при образовании имен со значением лица и места — с A_0 , суф.-nik₁ при образовании имен с предметным и локативным значением с C_0 ; для мутационного суф.-аџ₁ характерно сочетание с Γ_0 , для суф.-ес₁ — с A_0 ; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерными являются суф.-ес₁, -nik₁, названий видов пищи — суф.-k(a)₁; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование зоонимов происходит чаще всего на базе C_0 .

Использование исследуемых суффиксов в слц.яз. обнаруживает больше всего соответствий с чеш.яз. (см. выше), из вост-сл.яз. к нему ближе всего укр. (особенно в употреблении суф.-аџ, -k(a)), из юж-сл. — блг. яз. (ср. использование суф.-k(a), -ак, устройство ССП лица).

VIII. Словенский язык

В использовании суф.-k(a), -ак, -аџ, -ik, -nik, -ес в слн. яз. прослеживаются следующие словообразовательные соответствия с другими славянскими языками: VIII.1. С русским (см. п.I.7); VIII.2. С украинским (см. п.II.7); VIII.3. С белорусским (см. п.III.7); VIII.4. С польским (см. п.IV.7); VIII.5. С верхнелужицким (см. п.V.7); VIII.6. С чешским (см. п.VI.7); VIII.7. Со славацким (см. п.VII.7).

VIII.8. С сербскохорватским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ак₁ употребляется как суф. лица, предметности и места; 2) реали-

зация значений суф.: лица: суф.-k(a)₁ употребляется для образования преимущественно *nomina attributiva*, суф.-ec₁, кроме того, *nomina agentis*; предметности: суф.-k(a)₁, -nik₁ используются при образовании имен как по атрибутивному, так и агентивному признаку, суф.-ak₁ — преимущественно по атрибутивному; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по качественному и качественно-оценочному признаку; *nomina agentis*: суф.-nik₁ — по процессуальному; предметности: суф.-ak₁ при образовании названий пищи используется чаще всего в названиях хлебов; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-k(a)₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается чаще всего с А и Г₀, суф.-nik₁ — с С и Г₀, суф.-ec₁ при образовании имен с общим значением лица — с А и Г₀, суф. -k(a)₁ — с А₀; при образовании локативов суф.-ak₁ сочетается преимущественно с А₀; для мутационных суф.-k(a)₁, -ec₁ характерно сочетание с А и Г₀; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерным является суф.-ec₁, зоо- и ботанических названий — суф.-ec₁, в ССП места — суф.-ak₁; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе А₀.

VIII.9. С македонским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ač₁ используется в основном как суф. лица; 2) реализация значений суф.: предметности: суф.-ec₁ используется для образования имен как по атрибутивному, так и агентивному признаку; места: суф.-k(a)₁ употребляется при образовании локативов преимущественно по агентивному признаку; женскости: суф.-k(a)₂ участвует в образовании феминативов, коррелирующих как с атрибутивными, так и агентивными названиями лиц. муж. пола; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-ak₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по качественному и качественно-оценочному признаку, суф.-ec₁, кроме того, по признаку территориальной и национальной принадлежности лица; *nomina agentis*: суф.-k(a)₁ — по профессиональному; предметности: суф.-ec₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов; суф.-ač₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения и *nomina instrumenti*; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-ec₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается с И и Г₀; суф.-k(a)₁ при образовании локативов — с Г₀, суф.-ak₁ — с А₀; 5) емкость СП суф.: суф.-nik₁, -ec₁ обладают одинаковой емкостью СП; 6) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерным является суф.-ec₁; 7) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе А₀.

VIII.10. С болгарским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-ač₁ функционирует в основном как суф. лица; 2) реализация значений суф.: предметности: суф.-ec₁ употребляется при образовании имен по атрибутивному и агентивному признаку; места: суф.-k(a)₁ дает локативы преимущественно по агентивному признаку; женскости: суф.-k(a)₂ используется для образования феминативов как от атрибутив-

ных, так и агентивных названий лиц муж. пола; 3) семантическая ориентация суф. в значениях: предметности: суф.-ес₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов; места: суф.-ik₁ используется в локативах, обозначающих место с ограниченным и неограниченным пространственным объемом; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-ес₁ при образовании имен с общим значением предметности сочетается с И и Г₀, суф.-k(a)₁ при образовании локативов с Г₀; 5) емкость СП суф.: суф.-k(a)₁, -ik₁, -nik₁ обладают одинаковой емкостью СП.

В использовании исследуемых суффиксов в слн. яз. больше всего соответствий прослеживается с сх.яз. (ср. употребление суф.-k(a), -ес, -ак, устройство ССП лица, предметности, места), из вост-сл.яз. к нему ближе всего укр. (особенно в использовании суф.-k(a), -nik), из зап-сл.яз. — чеш. (прежде всего в употреблении суф.-ак, -аč, -ес, в устройстве ССП лица).

IX. Сербскохорватский язык

Использование суф.-k(a), -ак, -аč, -ik, -nik, -ес в сх.яз. характеризуется следующими словообразовательными соответствиями с другими славянскими языками: IX.1. С русским (см. п. I.8); IX.2. С украинским (см. п. II.8); IX.3. С белорусским (см. п. III.8); IX.4. С польским (см. п. IV.8); IX.5. С верхнелужицким (см. п. V.8); IX.6. С чешским (см. п. VI.8); IX.7. Со словацким (см. п. VII. 8); IX.8. Со словенским (см. п. VIII.8).

IX.9. С македонским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ используется в основном как суф. лица; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-nik₁ ориентирован на образование названий лиц преимущественно по предметному признаку; женскости: суф. -k(a)₁ привлекается для образования феминативов, обозначающих лиц чаще всего по их национальной или территориальной принадлежности; 3) словообразовательные связи суф.: суф.-ik₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с А₀, суф.-ак₁ при образовании локативов — с А₀; 4) активность использования суф.: суф.-ес₁ при образовании названий погодных и атмосферных явлений; 5) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерным является суф.-ес₁; 6) дистрибуция словопроизводственных основ: образование ботанических и локативных названий происходит чаще всего на базе А₀.

IX.10. С болгарским: 1) функциональная нагрузка суф.: суф.-nik₁ функционирует в основном как суф. лица; 2) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-nik₁ ориентирован на образование названий лиц преимущественно по предметному признаку; 3) емкость СП суф.: суф.-ак₁ обладает одинаковой емкостью СП; 4) словообразовательные связи суф.: суф.-ik₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с А₀.

Использование исследуемых суффиксов в сх.яз. имеет соответствия со всеми славянскими языками, но больше всего со слн. (см. выше) из вост-сл.яз. к нему ближе всего укр. (особенно в употреблении суф. -аč, -nik, -k(a)), из зап-сл. — чеш. (в употреблении прежде всего суф. -ес, -k(a), -аč, в устройстве ССП лица).

Х. Македонский язык

Использование суф.-k(a), -ak, -ač, -ik, -nik, -ес в мак.яз. обнаруживает следующие словообразовательные соответствия с другими славянскими языками: Х.1. С русским (см. п.І.9); Х.2. С украинским (см. п.ІІ.9); Х.3. С белорусским (см. п.ІІІ.9); Х.4. С польским (см. п.ІV.9); Х.5. С верхнелужицким (см. п.V.9); Х.6. С чешским (см. п.VІ.9); Х.7. Со словацким (см. п.VІІ.9); Х.8. Со словенским (см. п.VІІІ.9); Х.9. С сербскохорватским (см. п.ІХ.9).

Х.10. С болгарским: 1) функциональный объем суф.: суф.-ik функционирует как мутационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-ač₁, -nik₁ используются в основном как суф. лица; 3) реализация значений суф.: лица: суф.-ес₁ употребляется для образования преимущественно *nomina attributiva*, суф.-k(a)₁, кроме того, *nomina agentis*; предметности: суф.-nik₁ участвует в образовании имен преимущественно по атрибутивному признаку, суф.-k(a)₁ — по агентивному, суф.-ak₁, -ес₁ — по агентивному и атрибутивному; места: суф.-k(a)₁ дает локативы чаще всего по агентивному признаку; женскости: суф.-k(a)₃ образует феминативы, коррелирующие как с агентивными, так и атрибутивными названиями лиц муж. пола; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-k(a)₁ ориентирован на образование названий лиц чаще всего по качественному и предметному признаку, суф.-nik₁ — по предметному, суф.-ik₁ — по качественно-оценочному; *nomina agentis*: суф.-nik₁, -ak₁ — по процессуальному и процессуально-оценочному, суф.-ес₁, кроме того, по профессиональному; предметности: суф.-ik₁ служит прежде всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения и пищи, суф.-ес₁ — названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зоонимов; суф.-ik₁ при образовании названий пищи "специализируется" на названиях хлеба; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-k(a)₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с Г₀, суф.-ik₁ — с А₀, суф.-ak₁ — с А и Г₀, суф.-nik₁ — с С₀, суф.-ес₁ — с И и Г₀; при образовании имен с общим значением лица суф.-ес₁ сочетается преимущественно с А₀; места: суф.-k(a)₁ — с Г₀; для мутационного суф.-k(a)₁ характерно сочетание с Г₀, для суф.-ес₁ — с А₀; феминативы с суф.-k(a)₃ — *nomina attributiva* строятся чаще всего по модели -ar~ark(a), -ес~k(a), *nomina agentis* — по модели -ač~ačk(a), -tel~telk(a); 6) емкость СП суф.: суф.-nik₁ обладает одинаковой емкостью СП; 7) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ ботанических названий, пищи и *nomina instrumenti* ядерным является суф.-k(a)₁, зоонимических — суф.-ес₁, -k(a)₁; в ССП места — суф.-nik₁; 8) дистрибуция словопроизводственных основ: образование названий предметов хозяйственно-бытового назначения происходит чаще всего на базе Г₀.

В использовании исследуемых суф. в мак.яз. больше всего словообразовательных параллелей отмечено с блг.яз. (особенно в употреблении суф.-k(a), -nik, -ес, в устройстве ССП предметности и места), из вост-сл.яз. к нему ближе всего укр. (ср. употребление суф.-k(a), -nik, -ač), из зап-сл. — плс. (особенно в использовании суф.-ak, -ač, -ес, в устройстве ССП лица, названий предметов хозяйственно-бытового назначения).

XI. Болгарский язык

Словообразовательные соответствия в использовании исследуемых суффиксов в блг.яз. с другими славянскими языками отражены в пунктах: I.10. С русским; II.10. С украинским; III.10. С белорусским; IV.10. С польским; V.10. С верхнелужицким; VI.10. С чешским; VII.10. Со словацким; VIII.10. Со словенским; IX.10. С сербскохорватским; X.10. С македонским. В использовании рассматриваемых суффиксов в блг.яз. больше всего соответствий с мак.яз. (см. выше), из вост-сл.яз. к нему ближе всего рус. (особенно в употреблении суф.-k(a), -nik, -ak, в устройстве ССП лица, *nomina instrumenti*), из зап-сл.яз. — плс. (ср. употребление суф.-ak, -ač, -k(a)). Ситуация, представленная в блг.яз. особенно интересна тем, что практически все вост- и зап-сл.яз. имеют именно с ним больше всего словообразовательных параллелей (исключением являются лишь в-луж., чеш. и укр.яз., которые в этом отношении демонстрируют большую близость к слн. (в-луж.яз.) и сх. (чеш. и укр.яз.).

Словообразовательные соответствия в использовании суф.-k(a), -ak, -ač, -ik, -nik, -es наблюдаются не только между отдельными языками, но и между целыми языковыми группами.

Сходства восточно- и западнославянских языков

1) Функциональный объем суф.: омосуф.-ik функционирует как мутационный и модификационный; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-ik₁, -ak₁ используются как суф. лица и предметности; суф.-ik₃ — как суф. деминутивности; 3) реализация значений суф.: предметности: суф.-es₁ участвует в образовании имен преимущественно по атрибутивному признаку, суф.-k(a)₁, кроме того, по агентивному (исключение в-луж.); лица: суф.-es₁ используется для образования преимущественно *nomina attributiva*; 4) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina attributiva*): суф.-nik₁ ориентирован на образование названий лиц преимущественно по профессиональному признаку; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-es₁ при образовании имен с общим значением лица сочетается преимущественно с A₀; для мутационного суф.-es₁ характерно сочетание с A₀; 6) активность использования суф.: суф.-ak₁, -ik₁ при образовании имен с общим значением предметности, суф.-k(a)₁ — лица и места, суф.-nik₁ — при образовании зоо- и ботанических названий, суф.-k(a)₃ при образовании феминативов и деминутивов; 7) емкость СП суф.: наиболее емким СП обладает суф.-k(a)₁; 8) иерархия суф. по их функциональной нагруженности: наибольшей функциональной нагруженностью обладают суф.-ik, -k(a); 9) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina attributiva*) ядерными являются суф.-es₁, -nik₁, предметности — суф.-k(a)₁, являющийся одним из ведущих суф. в ССМ *nomina instrumenti*, зоонимов, названий предметов хозяйственно-бытового назначения, видов пищи; в ССП деминутивности — суф.-ik₃, -k(a)₃.

Сходства восточно- и южнославянских языков

1) Функциональный объем суф.: омосуф.-ес, -ак функционируют как мутационные и модификационные; 2) функциональная нагрузка суф.: суф.-ес₁ используется в основном как суф. лица, суф.-ес₃ — как суф. деминутивности; 3) реализация значений суф.: лица: суф.-ак₁ употребляется для образования преимущественно *nomina attributiva*, суф.-nik₁, кроме того, *nomina agentis* (исключение рус.яз.); места: суф.-ак₁, -nik₁ дают локативы преимущественно по атрибутивному признаку, суф.-k(a)₁ — по агентивному (исключение сх.яз.); 4) семантическая ориентация суф. в значениях: места: суф.-ес₁ ориентирован на образование локативов, обозначающих место чаще всего с неограниченным пространственным объемом; 5) словообразовательные связи суф.: суф.-ik₁ при образовании имен с предметным значением сочетается преимущественно с A₀, суф.-k(a)₁ при образовании локативов — с Г₀, суф.-ik₁ — с A₀, суф.-nik₁ — с С₀; при образовании имен со значением лица суф.-ак₁ — с A₀; для мутационных суф.-ак₁, -ik₁ характерно сочетание с A₀.

Сходства западно- и южнославянских языков

1) Функциональный объем суф.: суф.-nik₁ функционирует в основном как мутационный; 2) реализация значений суф.: лица: суф.-ač₁ используется для образования преимущественно *nomina agentis* (исключение в-луж.); 3) семантическая ориентация суф. в значениях: лица (*nomina agentis*): суф.-ač₁, -ес₁ используются чаще всего для образования *nomina professionalia*; 4) дистрибуция суф. в ССП: в ССМ лица (*nomina agentis*) ядерным является суф.-ač₁ (исключение в-луж.яз.).

Из приведенного материала видно, что больше всего соответствий в использовании исследуемых суффиксов прослеживается между вост- и зап.-сл.яз. (хотя нельзя не отметить, что в-луж и чеш.яз. обнаруживают достаточно сильные связи и с юж.-сл.яз.), значительно меньше — между вост- и юж.-сл. и особенно между юж- и зап.-сл.яз. (юж.-сл.яз. демонстрируют большую близость к вост.-сл., нежели к зап.-сл.яз.).

I. Функциональный подход к изучению фрагмента славянского субстантивного словообразования свидетельствует о том, что несмотря на общеславянский характер происхождения и распространения исследуемых суффиксов, в славянских языках отсутствует последовательное единство в их использовании: не порывая общности и контактов, славянские языки шли по пути самостоятельного развития, поэтому наряду с типологическим сходством, в них отчетливо выявляется и различие. Это различие, не опровергая самого родства языков, свидетельствует о своеобразии систематизации форм человеческого мышления при помощи словообразовательных средств [Ковалик, 1961, 34]. Оно проявляется в бесконечной вариативности, отклонениях, несоответствиях в использовании этих средств, что еще раз подтверждает известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков — общность не статическая, а динамическая.

II. Словопроизводство славянских языков имеет системный характер, о чем свидетельствует существование семантически строго очерченных групп слов, для образования которых используются определенные суффиксы. Будучи элементами словообразовательной системы, они адсорбируют и кристаллизуют результаты абстрагирующей человеческой мысли, маркируя слово с точки зрения его принадлежности к определенному семантическому разряду. Поэтому через сферу словообразовательной семантики происходит постоянное взаимодействие словообразования и лексики, в результате в каждом языке можно обнаружить точные корреляции между содержанием языковой единицы и ее формой (ср. напр., образование названий нечистот в слн.яз. с помощью суф.-ак, а в в-луж., чеш. и слц.яз. — с помощью суф.-ес).

III. Использование словообразовательных средств в каждом языке отличается самобытностью и своеобразием, являющимся результатом избирательности в их употреблении, продиктованной внутренними потребностями языка (особенно ярко избирательность проявляется в словообразовательных связях суффикса и его семантической ориентации, что свидетельствует о том, что в использовании аффиксов решающую роль играет семантика, которая как бы "диктует" свои условия, влияя на организацию словообразовательной системы языка). В результате возникают исторически и синхронно обусловленные различия.

IV. Различия наблюдаются не только между языками разных языковых групп, но нередко и одной: в вост-сл.яз. отчетливо

выделяется укр., в котором проявление генетических связей в семантике рассматриваемых суффиксов оказалось ослабленным, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что употребление этих суф. носит часто характер, отличный от рус. и блр.яз. (ср. использование суф.-аѣ или -nik); в зап.-сл.яз. в таком положении находится в-луж, в котором использование исследуемых суф. отличается нередко таким своеобразием, что противопоставляет его не только зап.-сл., но и всем славянским языкам (ср. употребление суф.-ак или -аѣ, дистрибуцию суф. в ССП *nomina instrumenti* и зооназваний); в юж.-сл.яз., с одной стороны, выделяется слн., обнаруживающий больше всего своеобразия в использовании исследуемых суф. (ср. использование суф.-ак, -nik, -ес), а с другой — блг., демонстрирующий удивительную близость практически ко всем зап- и вост.-сл.яз.

V. Расхождения прослеживаются в функциональной нагрузке суф., в лексической реализации и СЗ, в семантической ориентации при образовании имен той или иной ЛСГ, в емкости их СП, в словообразовательных связях, в степени активности их использования в том или ином СЗ или ЛСГ имен, в дистрибуции суф. и словопроизводственных основ в ССП, в деривационной потенции основ той или иной части речи (напр., имени и глагола), наконец, в самом распространении суф. Дифференцирующая сила каждого из этих признаков различна: чем четче дифференциация языков, тем больше вес критерия и наоборот, чем большую территорию охватывает признак, тем его вес меньше (ср., напр., такие признаки, как функциональный объем суф., емкость его СП, которые для близкородственных яз. оказываются не релевантны). Особенно наглядны различия славянских яз. при сопоставлении их с точки зрения функциональной нагрузки суф., семантической ориентации, словообразовательных связей, активности его использования, распространения, дистрибуции суф. и словопроизводственных основ в ССП.

VI. Причины возникновения этих различий могут быть как культурно-историческими (которые даже в близкородственных яз. при наличии постоянных контактов могут быть специфическими для каждого яз.), так и собственно-языковыми, напр.: рост лексико-семантического словотворчества под влиянием развития хозяйства и культуры, различия в темпах протекания одного и того же процесса в разных яз., когда отношения, ставшие в одном языке фактом истории, в другом выступают еще как живые (ср. ситуацию с деминутивным суф.-ес в зап- и юж.-сл.яз.); утрата тех или иных суф. и перераспределение семантической функции у других, так как в каждом языке, на любом синхронном срезе есть элементы нарождающиеся и элементы отмирающие, которые, вписываясь в систему языка, придают ей неповторимое своеобразие [Ярцева, 1985,6]; неодинаковое и по силе, и по времени иноязычное влияние.

VII. Выявленные различия для типологии и классификации славянских языков в содержательном отношении более ценны, чем различия инвентарные, так как помогают не только определить самобытность и оригинальность каждого языка, но и воссоздать с

наибольшей достоверностью и убедительностью общую картину процесса развития словообразовательных систем славянских языков, более того — синхронно зафиксировать различные стадии протекания одного и того же языкового процесса [Нещименко, 1984, 50], ср., напр., процесс расширения словообразовательных связей у суф. -аѣ в вост.-сл.яз. В этом смысле наличие сходящихся и расходящихся языков дает основания рассматривать славянский языковой ландшафт в виде развернутой в пространстве диахронии, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции [Толстой, 1972, 76].

VIII. Функциональный подход к словообразованию показал, что типологически сходных признаков в славянских языках значительно больше, чем различий, особенно между близкородственными языками (иллюстрацией этого типологического единства служат выявленные межъязыковые соответствия). Они проявляются в тождестве функционального объема суффикса, его функциональной нагрузки, в наборе его СЗ, значительной части ЛСГ образуемых с ним имен, в дистрибуции суффиксов и словопроизводственных основ в ССП, в единстве деривационных потенций основ той или иной части речи. Однако в самих чертах словообразовательного сходства славянских языков, как правило, таятся и различия, так как нередко наблюдается ситуация, когда один и тот же признак является свидетельством как сходства (напр., близкородственных языков), так и различия, ср. функциональную нагрузку суф. -ак₁ в зап- и юж.-сл.яз. Особенно важными представляются соответствия в использовании суф. с элементом -К- (в частности, суф. -k(a), -ak, -ik) как выражения наиболее "чистых" (а отсюда, по-видимому, и наиболее древних) отношений, не затемненных процессами йотации, палатализации и переразложения. Оценивая соответствия в использовании архаичных славянских суффиксов, следует иметь в виду, что многое из выявленных сходящихся может быть результатом не только действительно унаследованного общего, но и параллельного развития языков (хотя, представляется, что даже в этом случае схождения являются отражением тех общих языковых процессов, которые были пережиты славянскими языками в прошлом, так как параллельное развитие родственных языков не может быть случайным, оно возникает на основе тенденций, заложенных в системе праязыка [Ю. Степанов, 1975, 27], и в этом смысле все изменения, пережитые славянскими языками в процессе их исторического развития, с лингвистической точки зрения предопределены их предшествующим состоянием). Нельзя не учитывать также и факт межъязыковых влияний, затрагивающих лексическую, а через нее и словообразовательную систему языка, так как усваивались не только отдельные слова, но и словообразовательные аффиксы (ср., напр., появление суф. -чик/-щик в блг. и чеш.яз. под влиянием рус.: блг. *нормировчик*, *натурщик*; чеш. *kulometčik*, *regulovščík*), и как следствие этого определенное искажение материала. Однако признавая взаимовлияние языков как фактор, обуславливающий их сходства, нельзя не отметить, что в процентном выражении заимствования составляют, как правило, неболь-

шую часть лексики (ср., напр., ситуацию в слн.яз., где межславянское лексическое влияние было достаточно сильным, однако, как свидетельствуют подсчеты Ф. Безлая [Bezlej, 1965], они не составляют и 30% всех слов литературного языка; или в рус., где традиционно отмечается сильное старославянское влияние, однако церковнославянизмы составляют менее 20% словарного состава рус.яз. [Филин, 1978, 413]. Располагая значительным материалом, мы можем предположить, что в целом коэффициент этого искажения будет статистически не значителен, и картина в принципе не изменится. Кроме того, рассматриваемые суффиксы относятся к архаичным словообразовательным формантам, сформировавшимся в праславянский период, поэтому заимствование отдельных лексических единиц не могло изменить или перестроить весь набор значений и функций каждого суффикса, складывавшийся в течение веков (тем более если учесть, что заимствования наблюдались в области абстрактной, общественно-политической или терминологической лексики, тогда как исследуемые суффиксы отмечены в основном среди бытовизмов и экологической лексики, относящейся, как известно, к наиболее архаичным ее пластам). Наконец, рассматриваемые суффиксы составляют ядро словообразовательных систем славянских языков, в то время как наиболее проницаемой их частью является периферия [Нещименко, 1987, 68].

Признавая все эти причины, повлиявшие на возникновение межъязыковых схождения в использовании суффиксов, мы склонны, однако, считать, что основным историческим фактором образования типологической общности славянских языков в области словообразования является фактор их генетической связи. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что словообразование — это система, постепенно развертывающаяся во времени [Азарх, 1983, 6], поэтому ее можно рассматривать как отражение диахронии в синхронии. Несмотря на все изменения, которые переживали языки в процессе своего развития, их словообразовательные системы (в силу своей консервативности), как правило, сохраняли словообразовательные модели, которые в большинстве своем обладали высокой степенью устойчивости. Поэтому появление нового слова происходило по готовому образцу, унаследованному от предшествующей языковой эпохи и закрепившемуся в сознании носителей языка⁴¹. Все это позволяет считать выявленные межъязыковые соответствия достаточно надежными показателями картины связей и отношений славянских языков (не менее объективными, чем данные археологии).

IX. Характер функционирования суф.-k(a), -ак, -аѿ, -ik, -nik, -ес в славянских языках, наличие межъязыковых словообразовательных соответствий в использовании этих суффиксов свидетельствует о

⁴¹ Ср. замечание А.Е. Супруна [1987, 100] о том, что одна и та же модель может действовать в течение длительного времени, что и фиксируется в виде вереницы слов, образованных по данной модели в разное время. Словообразовательные средства, выполнив свою основную эволюционную функцию обогащения лексикона, выполняют еще одну, классификационную функцию, участвуя в организации, т.е. структурировании лексикона по морфемному составу.

том, что вост- и зап.-сл.яз. в словообразовательном отношении оказываются ближе друг к другу, чем к юж.-сл.яз. Юж.-сл.яз. демонстрируют большую близость к вост.-сл.яз., нежели к зап.-сл. Таким образом, вост.-сл.яз. являются как бы максимальной моделью словообразовательной системы всей Славии, так как именно в них отражаются и нередко совмещаются основные тенденции в использовании исследуемых суффиксов, которые представлены в других славянских языках или группах языков (ср. распределение функциональной нагрузки у суф.-аѣ и -пѣ, дистрибуцию суф. в ССП деминутивности, модели, по которым образуются феминативы с суф.-к(а), коррелирующие с атрибутивными названиями лиц муж. пола и т.д.). Однако сами вост.-сл.яз. представляют неоднородное явление, так как в них отчетливо выделяются, с одной стороны, рус., и блр.яз., обнаруживающие близость к сев.-сл.яз. (и прежде всего к плс.), а с другой — укр., тяготеющий больше к юж.-сл.яз. (особенно к сх.). Все это свидетельствует о существовании в славянских языках двух противопоставленных ареалов — славянского севера и юга, внутри которых существуют более дробные языковые зоны и пояса, такие как: в-луж.—слн., укр.—слц., чеш.—слц., слн.—сх., мак.—блг., рус.—блр.—плс. и т.д. Общая картина членения славянского языкового мира на основе выявленных словообразовательных соответствий и расхождений в использовании исследуемых суффиксов может быть представлена следующим образом: 1) рус. и блр.яз. (из зап.-сл.яз. к ним ближе всего плс., из юж.-сл. — блг.яз.); 2) укр.яз., обнаруживающий близость, с одной стороны, к слц., а с другой — к сх.яз.; 3) плс., чеш., слц. (причем для плс. характерно большее тяготение к блр.яз., а для чеш. и слц. к укр., из юж.-сл.яз. плс. и слц. тяготеют больше к блг.яз., а чеш. — к сх.); 4) в-луж.яз. (из вост.-сл.яз. к нему ближе всего блр., а из юж.-сл. — слн.); 5) слн. и сх.яз. (из вост.-сл.яз. к ним ближе всего укр., из зап.-сл. — чеш.); 6) мак. и блг.яз. (из вост.-сл.яз. к ним ближе всего рус. (к блг.) и укр. (к мак.), из зап.-сл. — плс. Таким образом, членение славянского языкового мира на основе предложенных словообразовательных критериев не соответствует трехчастному делению славянских языков на восточные, западные и южные, так как обнаруживает более дробные языковые зоны, объединенные типологической общностью исследуемых суффиксов⁴².

⁴² Картина членения славянского языкового мира на основе данных словообразования практически совпадает с той, которую устанавливают Н.В. Котова и М. Янакнев [1973, 238], используя глоттометрические характеристики наиболее частотных морфем, представленных в текстах литературных славянских языков. На основании средних t-оценок (оценок степени различия частот) они предлагают четырехчастную группировку современных литературных славянских яз.: 1) северо-восточные яз. (рус., блр., плс., укр., слн., сх.); 2) юго-восточные (мак., блг.яз.); 3) северо-западные яз. (н-луж., в-луж.); 4) юго-западные яз. (слц., чеш.). Интересно, что в этой квадрипартиции луж.яз. так же, как и в нашей схеме, занимают особое место, противопоставляясь всем остальным славянским яз.; в юж.-сл.яз. также отсутствует типологическое единство, так как наблюдается четкое деление по линии запад (слн., сх.) ~ восток (мак., блг.); в вост.-сл.яз. прослеживается большее единство, хотя укр. занимает, по-видимому, особое положение, о чем свидетельствует факт расположения его в общей схеме после плс.яз. Полученные нами результаты в определенной степени согласуются и с картиной дифференциации славянских

Х. Представленная выше картина дифференциации современной Славии при всей своей пока еще приблизительности убеждает в том, что при решении проблемы членения славянского языкового мира и при построении типологической классификации славянских языков наряду с данными фонетики, лексики, морфологии должны учитываться также и данные словообразования, которые, представляется, обладают даже большей диагностирующей силой, чем данные фонетики и отчасти лексики, т.е. славянские языки, разойдясь фонетически и лексически, сохранили практически без именения основной корпус словообразовательных аффиксов⁴³. Наличие серьезных традиций в области словообразования, прекрасное "сохранение старого в новом" [Леков, 1958], высокая стабильность словообразовательных средств, способность сохранять "этимологическую память слова" [Григорян, 1983, 59] и передавать ее от поколения к поколению, практическая исчислимость СЗ и функций аффиксов делает их надежными квалификаторами сходств и различий славянских языков. Поэтому данные словообразования, суффиксальной деривации имен, структуры суффиксальных и префиксальных моделей, их семантической нагрузки и распределения являются основным средством, диагностирующим генетическую соотнесенность и языковое родство [Мартынов, 1973, 13]. Мы, разумеется, далеки от мысли проецировать выявленную картину дифференциации славянских языков в праславянский период (в этом смысле она вообще не имеет какой-либо конкретной исторической привязки). Однако обнаруженные схождения и расхождения славянских языков (особенно в несмежных языковых

языков, установленной В.И. Перебийнос [1967, 230], которая вычислила коэффициент близости фонетических систем девяти славянских яз. (отсутствуют данные лишь по луж. и мак.яз.): из приводимой ею таблицы коэффициентов родства славянских языков видно, что картина тяготения вост-сл.яз. полностью совпадает с нашей (т.е. рус. оказывается ближе к блр., нежели к укр., а укр. — к блр.). В зап- и юж-сл.яз. картина несколько отличная, так как сказывается отсутствие луж. и мак.яз., хотя в принципе почти тождественная нашей. Так, напр., блг.яз. из вост-сл. оказывается ближе всего к рус., ск. и слн. к укр.; плс.яз. — к блр. и блг., чеш. — к укр., ск. и слц. и т.д. Все это, представляется, свидетельствует о надежности полученных нами результатов на основе анализа фактов словообразования, об их объективности и достаточной лингвистической информативности.

⁴³ Кроме того, если изменения в фонетических системах влекут за собой их серьезную перестройку и оказывают существенное влияние на общую картину дифференциации славянских языков вследствие высокого удельного веса каждого элемента, то изменения в словообразовательных системах (напр., утрата того или иного словообразовательного средства) влекут за собой перестройку лишь отдельных участков и существенного влияния на общую типологическую картину не оказывают. Ср. в связи с этим замечание Б. Трики [Тгпка, 1943, 68], "что в ходе развития языка сильнее всего изменяется фонологический (несмысловой) уровень, между тем как морфологическая система (в том числе и словообразовательная. — Т.В.) и система синтаксических оппозиций, которые не так легко поддаются изменениям, оказываются гораздо более устойчивыми", а также О.Н. Трубачева [1963, 22], который, высказывая сомнение в правомочности исключения данных словообразования при суждении о древнем диалектном членении в пользу фонетико-морфологических, отмечает, что именно последние склонны к системной регуляризации и коренной перестройке, может быть, в максимальной степени.

зонах), их стабильность, проявляющаяся в повторяемости на различных уровнях, должны обратить внимание славистов, особенно занимающихся этногенетическими проблемами, так как известно, что языковая типология является необходимой предпосылкой диахронической реконструкции. В связи с этим особенно важным представляется изучение славянского словообразования в функционально-типологическом аспекте (не случайно основные достижения в области фонетической типологии славянских языков были сделаны благодаря именно функциональному подходу к описанию фонетических и фонологических систем славянских языков), ибо "значение отдельных форм языка реализуется при их функционировании, а условия функционирования могут предопределить последующие изменения в значениях самих форм" [Ярцева, 1981, 69].

XI. Предложенные в работе критерии такого функционально-типологического подхода к сопоставительному исследованию славянского словообразования далеко не исчерпывают всех возможных его аспектов (см. напр., работы Г. Невекловского [Neweklowsky, 1981, 413], предлагающего использовать такой критерий, как фонетическая и просодическая характеристика суф., или К. Михалевского [Michalewski, 1976, 94], выдвигающего критерий дистрибутивного ареала суф. в зависимости от репрезентации конечного компонента основы; Г.П. Нешименко [1984, 52], разрабатывающей критерии сопоставления СТ; З.М. Волоцкой [1984, 16], предлагающей критерии сопоставления понятийно-словообразовательных категорий и др.), однако представляется, что в дальнейшем необходимо больше обращать внимание на изучение содержательного плана словообразовательных единиц, в частности, их семантической функции, где сильнее всего проявляется специфика и своеобразие каждого языка. Это позволит построить лексико-семантическую типологию славянских языков, выявить общность и различие в семантических функциях тождественных морфем, представить функциональную классификацию словообразовательных аффиксов, необходимость которой все острее ощущается в связи с развернувшимися в последнее время работами по сопоставительному словообразованию, наконец, создать типологию СЗ, выявить содержательное сходство и различие целых словообразовательных систем.

Исследование ядра славянских архаичных суффиксов, рассмотрение их сквозь призму предложенных критериев показало, что словообразование так же, как и лексика, отражает сложную языковую картину мира, ибо во всех языках определенные представления об объективной действительности коррелируют не только со словом, но и словообразовательным аффиксом. Дифференцирующая и классифицирующая способность человеческого мышления повлекла за собой "специализацию" суффиксов на обозначение определенных разрядов реалий, о чем свидетельствует их семантическая ориентация. Наличие семантической ориентации суффиксов позволяет избежать их семантической нейтрализации в том случае, когда они сочетаются с одним и тем же типом основ и обладают одним и тем же значением (ср., напр., суф.-ik, -ec в вост.-сл.яз.: оба суф. сочетаются преимущественно с А₀, оба обладают значением лица, однако если суф.-ec

ориентирован на образование прежде всего названий лиц по их принадлежности к месту (стране, городу), где они проживают, национальности или общественным, идейным течениям, партиям и т.д., то суф.-ik — на образование *potina professionalia*.

XII. Выводы, сделанные в работе, не имеют пока окончательного характера, так как они будут уточнены после комплексного обследования всех словообразовательных средств славянских языков (или по крайней мере субстантивного словообразования). Причем необходимо изучение не просто отдельных суффиксов, а целых суффиксальных блоков, так как суффиксы в этих блоках живут в "родственном окружении", поэтому оказываются тесно связанными и значение каждого из них осознается на фоне и соотношении с другими (ср., напр., развитие в славянских яз. суф.-аѣ, который, унаследовав от суф.-ак его значение лица, реализовал его совершенно по-новому, так как в большинстве из них он начал сочетаться прежде всего с Г_о и лишь в в-луж., где в этой сфере господствовал суф.-ак, — с С_о). Детальное изучение функционирования всех словообразовательных аффиксов позволит выявить новые сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков, и чем больше будет обнаружено таких сходств и различий, с тем большей достоверностью будет решена проблема дифференциации славянского языкового мира. Выявленные синхронные различия в использовании общеславянских словообразовательных средств, подкрепленные данными диалектов, впоследствии могут быть интерпретированы как диахронические, как свидетельства последовательного изменения славянских словообразовательных систем во времени и пространстве.

XIII. Решение проблемы дифференциации славянских языков, изучение их истории невозможно без широких типологических исследований, направленных на выявление и изучение фактов повторяемости и своеобразия славянских языков, создавших в процессе исторического развития широкий диапазон специфических особенностей на всех уровнях. Завершение типологических работ в области фонетики, лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса, всестороннее сравнение и обобщение их результатов с учетом максимального набора дифференциальных признаков позволит совершенно по-новому взглянуть на классификацию славянских языков. Настоящее же исследование и его выводы можно рассматривать лишь как этап в решении этой задачи.

- Абрамов Е.А.* О функциях, изофункциях, функциональном подходе и функциональной грамматике // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
- АГ — Русская грамматика. М.: Наука, 1980.
- Азарх Ю.С.* Проблема связи словообразования и формообразования в истории русского языка. Докт. дис. М., 1983.
- Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование в истории русского языка. М., 1984.
- Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
- Арутюнова Н.Д.* Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.
- Бартков Б.И.* Количественное представление деривационной подсистемы и экспериментальный словарь 100 словообразовательных формантов русского языка // Особенности словообразования в научном стиле и литературной норме. Владивосток, 1982.
- Бартошевич А.* К вопросу о сопоставительном изучении эволюции словообразования в современном русском и польском языках // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1984.
- Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бондарко А.В.* К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
- Бошковой Р.* Одабрани чланци и расправе. Титоград, 1978.
- Бошковой Р.* Основы сравнительной грамматики славянских языков. М., 1984.
- Будагов Р.А.* К теории сходств и различий в грамматике близкородственных языков // ВЯ, 1980, N 5.
- Будагов Р.А.* Сходства и несходства между родственными языками (романский лингвистический ареал). М., 1985.
- Булатова Р.В.* К сопоставительному изучению акцентных систем славянских диалектов // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
- Булаховский Л.А.* Общеславянские названия птиц // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1948, т. VII, вып. 2.
- Веденина Л.Г.* Истоки и принципы функциональной лингвистики // Функциональное направление в современном французском языкознании. М., 1980.
- Виноградов В.В.* Проблемы морфематической структуры и явления омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. М., 1968.
- Виноградова В.Н.* О понятиях словообразовательной цепи и словообразовательного типа // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1985.
- Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Волоцкая З.М.* К выработке методики сопоставления на словообразовательном уровне // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1984.
- Востоков А.Х.* Рассуждения о славянском языке. // Труды общества любителей российской словесности. М., 1920. Т. XVII.
- Гак В.Г.* К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
- Гамкрелидзе Т.В.* Глоттальная теория: новая парадигма в и-с сравнительном языкознании // ВЯ, 1987, N 4
- ГБМ — Граматыка беларускай мовы. Мінск, 1962.

- Гинзбург Е.Л.* Однomenность однокоренных производных // Проблемы структурной лингвистики. М., 1978.
- Гласа З., Гласова Я.* Соотношение формального и функционального аспектов в словообразовательном описании // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
- Городенська К.Г., Кравченко М.В.* Словотворна структура слова. Київ, 1981.
- Григорян А.Г.* Некоторые проблемы системного и методического изучения лексики и семантики // ВЯ, 1983, N 4.
- Гухман М.М.* Индоевропейское сравнительно-историческое языкознание и типологические исследования // ВЯ, 1957, N 5.
- Гухман М.М.* О предмете исторической типологии // Лингвистическая типология. М., 1985.
- Джурович Д.П.* Говоры общеславянского языка. Варшава, 1913.
- Димитрова М.* Умалителни имена в книжовния български език // Известия на Институт за български език, 1959, VI.
- Докулил М.* Структура постосиовного словообразовательного форманта // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
- Земская Е.А.* О некоторых нерешенных вопросах теории синхронного словообразования // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
- Зятковская Р.Г.* Суффиксальная система современного английского языка. М., 1971.
- Исаченко А.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. М., 1963.
- ИТСЯ* — Историческая типология славянских языков. Киев, 1986.
- Ковалик И.И.* Вопросы словообразования имен существительных восточнославянских языков в сравнении с другими славянскими языками. АДД. Львов, 1961.
- Колшанский Г.В.* Универсальная и частная типология // Лингвистическая типология. М., 1985.
- Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967.
- Котова Н.В., Янакиев М.* Глоттметрический подход к вопросу о близости славянских языков // Славянская филология. М., 1973. Вып. 9.
- Кръстева Б.* Умалителността в българския език. София, 1976.
- Кубрякова Е.С.* Основы морфологического анализа. М., 1974.
- Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. М., 1981.
- Леков И.* Словообразователни склонности на славянските езици. София, 1958.
- Левковская К.А.* Словообразование. М., 1954.
- Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- Максимов В.И.* Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975.
- Манучарян Р.С.* Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван, 1981.
- Мартине А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III.
- Мартынов В.В.* Праславянская и балтославянская деривация имен. Минск, 1973.
- Мигирина Н.И.* Типы номинаций для обозначения статусов лица в современном русском языке. Кишинев, 1980.
- Милославский И.Г.* План содержания у русских суффиксов // Вестн. МГУ, 1974, N 4.
- Милославский И.Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
- Нещименко Г.П.* Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке // Исследования по чешскому языку. М., 1963.
- Нещименко Г.П.* Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка. Прага, 1980.
- Нещименко Г.П.* Проблема центра и периферии при сопоставительном изучении словообразовательных категорий // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1984.
- Нещименко Г.П.* О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.

- Перебийнос В.И.* Использование статистических методов в типологических исследованиях // Проблемы языкознания. М., 1967.
- Плямоватая С.С.* Уменьшительно-оценочные и увеличительно-оценочные имена существительные в современном русском языке. АКД. М., 1956.
- Плямоватая С.С.* Размерно-оценочные имена существительные в современном русском языке. М., 1961.
- Слюсарева Н.Л.* Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
- Соболева П.А.* Словообразовательная полисемия и омонимия. М., 1980.
- Спасова А.* Словообразовательная функция на суф.-ец в днешни книжовен български език // Български език, 1952, II.
- ССУЛМ — Словотвір сучасної української літературної мови. Київ, 1979.
- Степанов Г.В.* Объективные и субъективные категории определения понятия вариант языка // Типология сходств и различий близкородственных языков. Кишинев, 1976.
- Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
- Супрун А.Е.* Лексическая типология славянских языков. Минск, 1983.
- Супрун А.Е.* Дуализм словообразования, диахрония и синхрония // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987.
- Сцяцко П.У.* Беларуская народнае словаўтварэнне. Мінск, 1977.
- Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985.
- Толстой Н.И.* Опыт типологического исследования славянского словарного состава // ВЯ, 1963, N 1; ВЯ, 1966, N 5.
- Толстой Н.И.* Некоторые проблемы сравнительной семасиологии // Славянское языкознание. М., 1968.
- Толстой Н.И.* Славянская географическая терминология. М., 1969.
- Толстой Н.И.* Опыт семантического анализа славянской географической терминологии. Докт. дис. Л., 1972.
- Травничек Ф.* Грамматика чешского языка. М., 1950.
- Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
- Трубачев О.Н.* Этимологический словарь славянских языков: Проспект. М., 1963.
- Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М., 1962.
- Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.
- Филин Ф.П.* Исконное и заимствованное в современном русском литературном языке // Славянское языкознание. М., 1978.
- Харитончик З.А.* О критериях и границах словообразовательной омонимии // Функция и семантика лингвистических единиц. Ташкент, 1983.
- Харитончик З.А.* О некоторых аспектах сопоставительного изучения словообразовательных систем // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1984.
- Хидекель С.С.* Семантические особенности основных единиц словообразовательных моделей // ИЯШ, 1977, N 4.
- Цыганенко Г.П.* Словарь служебных морфем русского языка. Киев, 1982.
- Чекман В.Н.* Исследования по исторической фонетике праславянского языка. М., 1979.
- Ђорђић Ђ.* Моциони суфикси у српскохрватском језику. Београд, 1982.
- Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
- Шерстова Е.М.* Аффикс как одно из средств выражения словообразовательной семантики // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток, 1983.
- Ширишов И.А.* Проблемы словообразовательного значения в современной отечественной науке // ВЯ, 1979, N 5.
- Якобсон Р.О.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. III.
- Яничецкая М.Н.* Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.
- Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. М., 1981.
- Ярцева В.Н.* К определению понятия "языковой тип" // Лингвистическая типология. М., 1985.

- Babić S.* Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Zagreb, 1986.
- Bajec A.* Besedotvorje slovenskega jezika. Ljubljana, 1950.
- Bezljaj F.* Slavanske izposojenke v slovenščini // *Gespräche über die Sprache*. Ljubljana, 1965.
- Dobrovský J.* Über den Ursprung und die Bildung der slavischen Sprachen. Praha, 1791.
- Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. Praha, 1962.
- Dokulil M.* Ke koncepci porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti "tvoření slov" // *Slovo a slovesnost*. 1963, XXIV, 2.
- Doroszewski W.* Monografie słowotwórcze. Prace filologiczne, XIII. Warszawa, 1928.
- Doroszewski W.* Kategorie słowotwórcze // *Sprawozdania Towarzystwa Naukowego Warszawskiego*, 39. Warszawa, 1946.
- Doroszewski W.* Podstawy gramatyki polskiej. Warszawa, 1963.
- Crzregorczykowa R.* Zarys słowotwórstwa polskiego. Warszawa, 1974.
- GWJP* — Gramatyka współczesnego języka polskiego. Warszawa, 1984.
- Hayeková M.* Stupňovanie expresivnosti v slovenčine // *Jazykovedné Študie*. Bratislava, 1971, XI
- Helbig G.* Zum Funktionsbegriff in der modernen Linguistik // *Deutsch als Fremdsprache*, 1968, H. 5.
- Horecký J.* Slovo tvorná sústava slovenčiny. Bratislava, 1959.
- Hraste M.* Antroponimija i toponimija općine Hrvatske // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Zagreb, 1956, kn. 1.
- Krježmar M.* Tworzenie słowow w hornjoserbsčiny // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt*. Budyšin, 1954, rjad A, 2.
- Maretić T.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899.
- Michalewski K.* Dystrybucja suf.-ak w języku polskim i języku rosyjskim // *Gramatyka konfrontatywna języka polskiego i rosyjskiego*. Łódź, 1976.
- MČ** — Mluvnice češtiny. Praha, 1986.
- Neweklowsky G.* Nekatero posebnosti tvorbe slovenskih samostalnikov v južno-slovanskem kontekstu // *Slavistična revija*, 1981. N 4.
- Oberpfalzer F.* Rod jmen v češtině. Praha, 1933.
- Rakušan J.* On the expressivity et nominal suffixes in modern Russian // *Russian Linguistics*, 1981, vol. 6.
- Rospond S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1973.
- Šewc H.* Gramatika hornjoserbskeje řeče. Budyšin, 1968.
- Siertsema B.* A study of glossematics. Critical survey of its fundamental concepts. The Hague, 1955.
- Taszycki W.* Słowiańskie nazwy miejscowe. Kraków, 1946.
- Toporišič J.* Slovenska slovnica. Ljubljana, 1976.
- Trnka B.* Obecné otázky strukturálního jazykozpytu // *Slovo a slovesnost*, 1943, 9.
- Warchol S.* Geneza i rozwój słowiańskich formacji ekspresywnych z sufiksálnym -k- i -c-. Warszawa, 1984.

СЛОВАРИ

- Беларуска-рускі слоўнік / Ред. К. Крапіва. Мінск, 1962.
Болгарско-русский словарь / Сост. С.Б. Бернштейн. М., 1966.
Большой русско-польский словарь. М., 1970, кн. 1—2.
Български тълковен речник. София, 1976.
Інверсійний словник української мови / За ред. С.П. Бевзенка. Київ, 1971—1976. Вып. 1—3.
Коллар Д., Доротькова В. Словацко-русский словарь. М., 1976.
Миличик В. Обратен речник на македонскиот јазик. Скопје, 1967.
Обратен речник на съвременния български език. София, 1975.
Обратный словарь русского языка. М., 1974.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. 1952.
Речник на българския език. София, 1977—1984. Т. 1—4.
Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје, 1961—1966.
Т. I—III.
Речник српскохрватског књижевног језика. Београд, 1967—1976. Т. 1—6.
Русско-белорусский словарь / Ред. К. Крапива. Минск, 1982. Т. 1—2.
Русско-украинский словарь. Киев, 1968. Т. 1—3.
Сербскохрватско-русский словарь / Сост. И.И. Толстой. М., 1970.
Словарь современного русского литературного языка. М—Л, 1948—1965. Т. 1—17.
Словник української мови. Київ, 1970—1980. Т. 1—11.
Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1977—1983. Т. 1—5.
Толовски Д., Илич-Свитич В.М. Македонско-русский словарь. М., 1963.
Трофимович К.К. Верхнелужицко-русский словарь. М., 1974.
Українсько-російський словник. Київ, 1953—1963. Т. 1—6.
Чешско-русский словарь / Под ред. Копецкого Л.В., Филиппа Й. М., 1973. Т. 1—2.
Чукалов С. Българско-руски речник. София, 1957.
Glonar G. Slovar slovenskego jezika. Ljubljana, 1936.
Hessen D., Stypuła R. Wielki słownik polsko-rosyjski. Warszawa, 1967.
Isačenko A. Slovensko-ruský prekladový slovník. Bratislava, 1950—1957. Т. 1—2.
Jakubaš F. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.
Kotnik J. Slovensko-ruski slovar. Ljubljana, 1967.
Matešić Rucklaufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. Wiesbaden, 1965.
Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970—1979. Т. 1—3.
Słownik języka polskiego / Red. W. Doroszewski. Warszawa, 1958—1969. Т. 1—11.
Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959—1965. Т. 1—5.
Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1958—1971. Т. 1—4.
Zeman H. Słownik górnołużycko—polski. Warszawa, 1967.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

блг. — болгарский
блр. — белорусский
в-луж. — верхнелужицкий
вост-сл. — восточнославянский
зап-сл. — западнославянский
мак. — македонский
плс. — польский
рус. — русский

слн. — словенский
слц. — словацкий
сев-сл. — северославянский
сх. — сербскохорватский
укр. — украинский
чеш. — чешский
юж-сл. — южнославянский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------------	---

Глава I

Функционирование суффиксов с элементами -К, -С, -Ў- в славянских языках .	25
Суффикс -k(a)	25
Суффикс -ak	51
Суффикс -ač	62
Суффикс -ik	70
Суффикс -nik	81
Суффикс -ec	92
Дистрибуция суффиксов в словообразовательно-семантических полях	106
Дистрибуция словопроизводственных основ	110
Деривационная потенция словопроизводственных основ	112
Емкость семантических полей суффиксов	112

Глава II

Дифференциация славянских языков	114
Словообразовательные особенности восточнославянских языков	115
Словообразовательные особенности западнославянских языков	116
Словообразовательные особенности южнославянских языков	117
Выводы	153
Литература	161
Словари	165
Принятые сокращения названий языков	166

CONTENS

Introduction	3
---------------------------	----------

Chapter I

Usage of the suffixs with -k-, -c-, -č- in the Slavic languages	25
Suf. -k(a)	25
Suf. -ak	51
Suf. -ač	62
Suf. -ik	70
Suf. -nik	81
Suf. -ec	92
The distribution of the suffixes in the word-formation and semantic fields	106
The distribution of the word-building stems	110
The derivational potentials of the word-building stems	112
The capacity of the semantic fields of the suffixes	112

Chapter 2

The differentiation of the Slavic languages	114
The word-formation features of the East-Slavic languages	115
The word-formation features of the West-Slavic languages	116
The word-formation features of the South-Slavic languages	117
Conclusions	153
Bibliography	161
Vocabularies	165
List of Abbreviations	166

Научное издание

Вендина Татьяна Ивановна

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
ПО ДАННЫМ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

Утверждено к печати Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *А.И. Кучинская*

Художник *Б.А. Валит*. Художественный редактор *А.В. Здрилько*

Технический редактор *Л.Н. Богданова*. Корректор *Н.И. Харламова*

Набор выполнен в издательстве на электронной фотонаборной системе

ИБ № 46318

Подписано к печати 19.02.90. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл.печл. 10,5. Усл.кр.-отт. 10,6

Уч.-издл. 12,7. Тираж 600 экз. Тип. зак. 2229. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"

199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

89

2р. 50 к.